

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН»**

**УДК 343.13 (575.3)
ББК 67.99 (2)93 (2 тадж)
У - 68**

На правах рукописи



УРФОНЗОДА ДОНИШМАНД САДОНШО

**ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.5.9. Уголовно-процессуальное право

Научный руководитель:

доктор юридических наук, доцент
Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	3
ВВЕДЕНИЕ	4-17
ГЛАВА I. ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ	18-76
1.1. Исторический генезис принципа презумпции невиновности	18-38
1.2. Понятие, сущность и пределы действия принципа презумпции невиновности в уголовном процессе	38-53
1.3. Презумпция невиновности как объективное правовое положение	53-76
ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	77-121
2.1. Принцип презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела	77-99
2.2. Действие презумпции невиновности на стадии предварительного расследования	99-121
ГЛАВА III. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	122-149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150-157
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	158-191
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)	
ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ	192-195
Приложение 1	196-199
Приложение 2	200-203

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

РТ – Республика Таджикистан

РФ – Российская Федерация

США – Соединенные Штаты Америки

СМИ – Средства массовой информации

ГИАЦ – Главный информационно-аналитический центр

УК РТ – Уголовный кодекс Республики Таджикистан

УПК РТ – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

МПГПП – Международный пакт о гражданских и политических правах

ООН – Организация Объединённых Наций

ВС РТ – Верховный Суд Республики Таджикистан

МВД – Министерство внутренних дел

ГКНБ – Государственный комитет национальной безопасности

СК РФ – Следственный комитет Российской Федерации

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

в т.ч. – в том числе

и др. – и другие; и другое

т.е. – то есть

т.к. – так как

и т.д. – и так далее

и т.п. – и тому подобное

ст. – статья

ст. ст. – статьи

п. – параграф

ч. – часть

ч.ч. – части

г. – год

гг. – годы

в. – век

вв. – века

см. – смотри

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Правовая сущность принципа презумпции невиновности находится в непосредственной зависимости от направления уголовного процесса, в котором презумпция невиновности реализует свое действие.

В уголовном процессе Республики Таджикистан принцип презумпции невиновности выступает как гарантия защиты прав и интересов подозреваемого, обвиняемого и подсудимого от незаконного или необоснованного обвинения. Исходя из этого, презумпция невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства часто опровергается или становится формальной конструкцией. В уголовном процессе Республики Таджикистан принцип презумпции невиновности должен быть объективно необходимым средством и гарантом достижения цели процесса по уголовному делу, а не формальным фиксатором, который часто теряет свою роль как институт защиты интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Отсюда становится понятно, что уголовно-процессуальная деятельность, в которой презумпция невиновности обретает свое подлинное природное значение – это более высокий, более совершенный вид процессуального производства по сравнению с гражданским и административным процессами, в которых презумпция невиновности не является особенно важным фактором по сравнению с уголовным процессом с его более высоким уровнем необходимости и своевременности при реализации.

В уголовно-процессуальном производстве сущность презумпции невиновности как объективное правовое положение должно быть активным, которое требует достоверной доказанности вины обвиняемого и не допускает никаких сомнений в этом.

Практика деятельности подразделений, занимающихся предварительным расследованием, показывает, что презумпция невиновности зачастую понимается не в полном соответствии с законодательными предписаниями. Действие презумпции невиновности ограничено, сомнительные

доказательства не используются в пользу обвиняемого, бремя доказывания возлагается на обвиняемого и обвинительный уклон также встречается в правоприменительной практике. В таких ситуациях лица, осуществляющие расследование по уголовному делу, не стимулированы к активному раскрытию преступления, и в этой части значение презумпции невиновности в таком варианте судопроизводства по уголовному делу выглядит и представляет собой формально-прикладное направление.

По своей истинной природе презумпция невиновности – это объективное правовое положение, которое запрещает предвзятость, односторонность и обвинительный уклон, надуманные и необоснованные обвинения. Как объективное правовое положение презумпция невиновности – это требование качественного, объективного, всестороннего и полного расследования всех обстоятельств уголовных дел, уважительное отношение к задержанному, подозреваемому и обвиняемому лицу. Как объективный правовой принцип, презумпция невиновности полностью реализуется лишь при соблюдении всех процессуальных прав, обеспечивающих её применение в уголовном деле.

Однако в правоприменительной практике слабо просматривается цель полного раскрытия конкретного преступления, привлечения к уголовной ответственности и в таких ситуациях презумпция невиновности ставится в непосредственную зависимость от силы стороны (обвинения или защиты) в контексте его преодоления.

Указанные особенности диктуют необходимость переосмысления специфики регламентации и реализации в плоскости конкретных правоотношений принципа презумпции невиновности в досудебном производстве по уголовным делам в Республике Таджикистан.

В современных уголовно-процессуальных системах принцип презумпции невиновности является важной характеристикой демократического государства, ведь он относится к числу основных гарантий прав и свобод граждан, закреплённых как международным правом, так и внутренним

законодательством. Степень соблюдения этого принципа показывает реальный уровень законности в обществе.

Актуальность выбранной темы диссертационного исследования также обосновывается необходимостью теоретического осмысления практических проблем реализации принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. По мере реализации этапов реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства возрастает значимость формирования системы показателей, предназначенных для анализа качества функционирования принципа презумпции невиновности в механизме уголовного правосудия.

Степень изученности темы исследования. Общие проблемы содержания и значимости принципа презумпции невиновности в области теории и истории государства и права, государственного строительства, правового статуса личности, теории и практики уголовного судопроизводства, рассматривались в кандидатских и докторских диссертационных исследованиях отечественных ученых, таких как: З.А. Саидзода (З.А. Саидова) [218], Э.С. Насриддинзода (Э.С. Насурдинов) [204], А.М. Диноршох (А.М. Диноршоев) [179], А.М. Мансурзода [199], Х.А. Воситова [176] М.Ш. Шерализода [231], К.М. Мадвализода [197].

В контексте общего познания и развития науки и практики отечественного уголовного судопроизводства, автором был проанализирован ряд кандидатских и докторских диссертационных исследований отечественных ученых, таких как Л.В. Франк [225], С.Р. Раджабов [214], Р.Х. Рахимзода (Р.Х. Рахимов) [216], А.Н. Мубораккадамов [201], Х.Д. Хошимов [228], З.Х. Искандаров, [183] А.А. Мухитдинов [203], А.Л. Арипов [167], А.Х. Хасанбоев [227], П.С. Абдуллозода (П.С. Абдуллоев) [100], И.А. Бахромов [104], П.Х. Алиева [166], Н.М. Самиев [219], И.А. Одинаев [208], Н.М. Кахоров [189], М.С. Рахимзода [215], Б.К. Кобилов [191], И.С. Иброхимзода [182], М.К. Абдуллоева [163], Ш.Дж. Азимзода [165], Б.С. Негматов [206],

О.Т. Тохирзода [224], которые в настоящее время составляют научную основу отраслевых исследований.

Наиболее важными для настоящего исследования представляются работы и других авторов, раскрывающих фундаментальные проблемы реализации принципа презумпции невиновности, особенности и содержание презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Проблемы принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве анализировались в исследованиях ряда зарубежных специалистов, среди которых можно выделить таких авторов, как: В.К. Бабаев [168], Ч.С. Касумов [188], И.А. Либус [196], Д.Р. Мажинян [198], Г.А. Печников [210], А.А. Крымов [194], Г.А. Шумский [233], В.М. Абдрашитов [161], И.Ю. Панькина [209], М.А. Дрягин [180], Л.М. Васильев [175], Ф.Г. Шахкелдов [230], Н.С. Каранина [187], В.А. Морквин [200], С.В. Крашенинников [193], С.В. Эсаулов [234], И.Ю. Мурашкин [202], Т.Т. Нгуен [205], А.П. Блинков [173], Х.А. Каландаришвили [185] и другие.

Следует отметить, что основы науки и практики в сфере реализации принципа презумпции невиновности, отдельные научные разработки принципа презумпции невиновности на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства были рассмотрены авторитетными советско-российскими учеными-процессуалистами, представителями других отраслей права, часть из которых нами приводится в качестве подтверждения уровня разработанности выбранной нами проблематики (А.С. Барабаш [31], Т.Ю. Вилкова [35], А.В. Гриненко, Г.К. Кожевников, С.Ф. Шумилин [39], В.И. Каминская [44], А.Ю. Кирьянов [46], А.М. Ларин [54], О.В. Левченко [56], Я.О. Мотовиловкер [64], Н.А. Никиташина [65], В.М. Савицкий [75], М.С. Строгович [81], Н.Н. Цуканов [95]).

Высоко оценивая труды вышеуказанных авторов, отметим, что до настоящего времени не было опубликовано работ монографического характера, посвященных реализации принципа презумпции невиновности именно на досудебном производстве по уголовным делам с учетом

сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики других стран и Республики Таджикистан. Данным обстоятельством обусловлена необходимость проведения сравнительно-правового анализа в этой области, что предопределило выбор настоящей темы диссертационного исследования.

Связь исследования с программами и научной тематикой. Данное диссертационное исследование подготовлено в рамках реализации пунктов планов научно-исследовательской работы кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистана на тему: «Научно-теоретические основы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов расследования и суда в Республике Таджикистан (2021-2025 гг.)», и проработки соответствующих разделов научно-исследовательской темы «Теоретические и практические проблемы модернизации правозащитной и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан (2021-2025 гг.)», финансируемых из средств государственного бюджета.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящей работы состоит в комплексном анализе и интерпретация норм законодательства, посвящённых институту презумпции невиновности. Дополнительно исследование предусматривает изучение и обобщение данных судебной и следственной практики, относящихся к применению данного принципа на досудебных этапах уголовного процесса.

В числе приоритетных задач выделяется также разработка теоретических выводов, призванных углубить понимание принципа презумпции невиновности и определить его правовое значение. Полученные результаты создадут основу для предложений по совершенствованию механизма его применения в уголовном судопроизводстве Таджикистана.

Задачи исследования. В рамках исследования поставленная цель отражается в необходимости выполнения **следующих задач:**

- обосновать исторический генезис принципа презумпции невиновности;

- изучить понятие, систему, содержание и пределы действия принципа презумпции невиновности в досудебном уголовном процессе Таджикистана;
- сформулировать презумпцию невиновности как объективное правовое положение, провести сравнительно-правовой анализ данного принципа;
- раскрыть действие принципа презумпции невиновности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования;
- обобщить правоприменительную практику правоохранительных органов в контексте действия принципа презумпции невиновности в досудебном уголовном процессе Таджикистана;
- сформулировать научные рекомендации, направленные на совершенствование практики применения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов предварительного расследования, отвечающих интересам презумпции невиновности;
- разработать комплекс предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части принципа презумпции невиновности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации принципа презумпции невиновности по уголовным делам в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

Предмет исследования составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы уголовно-процессуального законодательства, а также следственная и судебная практика реализации принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства Таджикистана.

Этап, место и период исследования (историческое рамки исследования). Настоящее диссертационное исследование было начато в период обучения в очной адъюнктуре по кафедре уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД Российской Федерации (2016-

2019 гг.), и закончено в периоды прикрепления и оформления соискательства на кафедре уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан (2023-2025 гг.).

Теоретическую основу исследования составили основные положения науки философии, логики, теории и истории государства и права, теории уголовного процесса, международного и конституционного права, применяемые в области охраны прав и свобод граждан.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, требующий рассмотрения предмета познания в его непрерывном развитии, изменениях и связях с другими явлениями. В ходе исследования применялись методы системного анализа, целостного и комплексного подхода. Кроме этого, использовались методы сравнительно-правового анализа и моделирования. Составной частью методологической базы диссертации явились конкретно-социологические методы, на основании которых исследовалась следственная практика и делался анализ материалов уголовных дел в части уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов в контексте реализации принципа презумпции невиновности.

Эмпирические предпосылки. Эмпирическую основу диссертационного исследования составили результаты анкетирования, проведенного среди 250 следователей следственных подразделений органов прокуратуры и внутренних дел по Согдийской области и г. Душанбе. Также в целях анализа практического аспекта реализуемости принципа презумпции невиновности в процессе доказывания в рамках подготовки диссертационного исследования в период с 2016 по 2025 гг. в архивах ОВД, органов прокуратуры и районных судов Республики Таджикистан было изучено 150 уголовных дел, которые по разным основаниям были направлены на дополнительное расследование, или производство по которым было прекращено по различным основаниям, предусмотренным в отраслевом законодательстве.

Нормативную правовую базу диссертационного исследования составили Конституция Республики Таджикистан, уголовное, уголовно-процессуальное и иное отраслевое законодательство Республики Таджикистан, разъяснения высших судебных органов Республики Таджикистан, постановления и определения Конституционного суда Республики Таджикистан, касающиеся непосредственно реализации принципа презумпции невиновности в досудебном уголовном процессе. Сравнительному анализу были подвергнуты: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1960 г., УПК Таджикской ССР 1935 и 1961 гг., Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ, УПК Российской Федерации 2001 г., УПК Республики Таджикистан в 2009 г., ведомственные и межведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие принцип презумпции невиновности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

Научная новизна исследования определяется авторским подходом переосмысления принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства Таджикистана, основывающимся на анализе действующего законодательства.

Другой элемент новизны исследования состоит в применении в комплексного подхода, основанного на сравнительном анализе уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, России и международных правовых актов по презумпции невиновности; изучение того, как данный принцип функционирует в состязательной модели уголовного процесса (на примере УПК РФ) и в модели, ориентированной на установление объективной истины (УПК РТ); критический разбор научных позиций по реализации этого ключевого принципа. Важным элементом новизны является также выдвинутая соискателем идея о необходимости системного переосмысления презумпции невиновности, учитывающего ее концептуальную роль в каждой конкретной досудебной стадии уголовного процесса.

Для углубления теоретической разработки вопросов, связанных с действием принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а также для совершенствования отдельных процессуальных норм и повышения качества их применения, автор выносит на защиту ряд научно новых положений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Аргументированный вывод автора о том, что в Республике Таджикистан принцип презумпции невиновности на конституционном уровне закреплён, но в ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Таджикистан не полностью раскрыты его характеризующие элементы. В дальнейшем принцип презумпции невиновности находит своё полное смысловое и текстуальное закрепление в ст. 15 УПК Республики Таджикистан. Ввиду этого, хотя принцип презумпции невиновности и представлен в Конституции Республики Таджикистан не в полном смысловом содержании, это положение не умаляет его значение как основополагающего принципа в такой редакции в контексте уточнения отраслевого законодательства.

2. Авторский вариант уточнённого понятия принципа презумпции невиновности в досудебном производстве по уголовным делам, на основании которого предложено понимать данный принцип как законодательно закреплённое в нормах уголовно-процессуального законодательства базовое положение, сущность которого заключается в недопустимости предположений, не имеющих достаточных оснований, неприемлемости свидетельских и иных показаний без дополнительных подтверждений, в котором выражены необходимые требования о том, чтобы виновность задержанного, подозреваемого и обвиняемого была доказана всесторонне, полно и объективно в соответствующем предусмотренном порядке.

3. Позиция автора о том, что в отечественном процессуальном законодательстве стираются различия между противоположными принципами: презумпции невиновности и презумпции виновности. Смысл данного положения очевиден из ч. 2 ст. 15 УПК Республики Таджикистан:

обязанность доказать предъявленное обвинение возлагается на обвинителя. Это означает, что сторона обвинения должна только обвинять, изобличать (доказывать обвинение), а оправдывающие обвиняемого доводы, свидетельствующие о его невиновности, должны доказательным бременем ложиться на сторону защиты. В данном контексте нарушается принцип презумпции невиновности и проводится идея принципа презумпции виновности обвиняемого (подозреваемого), что представляется не целесообразным и крайне спорным.

4. По мнению автора, уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана не содержит точного толкования отказа лица от дачи показаний в отношении себя и родственников. В результате сотрудники правоохранительных органов нередко рассматривают молчание фигуранта дела на досудебных стадиях как косвенное подтверждение его виновности. Исходя из этого, в силу принципа презумпции невиновности, как международной и конституционной нормы, представляется целесообразным дополнить ст. 19 Конституции Республики Таджикистан дополнительной нормой следующего содержания: «Никто не обязан свидетельствовать против самого себя, близких родственников и он должен быть проинформирован о том, что его показания в итоге расследования могут использоваться против него».

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в научных выводах и предложениях, содержащихся в диссертации, которые могут использоваться при дальнейшем изучении вопросов правоприменения в части реализации принципа презумпции невиновности в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан, и ряда других государств. Сформулированные в диссертации отдельные положения и выводы могут быть использованы в практической деятельности правоохранительных органов, а также в учебном процессе высших образовательных учреждений юридического профиля; в научно-исследовательской деятельности по вопросам реализации принципа

презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства Республики Таджикистан.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность и обоснованность результатов исследования подтверждаются анализом и сбором достаточного количества архивных, научных, учебных и практических источников, отобранных в соответствии с его целями и задачами. Вышеуказанная достоверность достигается путем тщательного анализа доктринальных подходов, изучения научных трудов предшественников, детального рассмотрения и обобщения правоприменительной практики, а также анализа норм международного права и национального отраслевого законодательства. В ходе исследования диссертант изучал работы как отечественных, так и зарубежных ученых-юристов, которые в своих фундаментальных трудах рассматривали вопросы реализации принципа презумпции невиновности.

Достоверность результатов подкрепляются положениями Конституции РТ, УПК РТ, Концепцией правовой политики РТ (2018-2028 гг.), Программами судебно-правовых реформ в РТ (2007-2009; 2011-2013; 2015-2017; 2019-2021 гг.), и постановлениями Пленума Верховного Суда РТ.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.5.9. Уголовно-процессуальное право, утвержденному Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Личный вклад соискателя. Личный вклад соискателя ученой степени выражается в непосредственном участии диссертанта в сборе и обработке научной информации и данных в рамках проведенного научного исследования, изучения правоприменительной практики, разработке теоретических положений, проведения анкетирования. Основные положения диссертационного исследования отражены в научных статьях автора, докладах, с которыми диссертант выступал на различных научно-представительских мероприятиях, в том числе научно-теоретических

семинарах, научных конференциях, республиканских и международных научно-практических конференциях международного и республиканского значения.

Апробация и применение результатов диссертации. Диссертация была подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан.

Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в научных докладах, статьях, представленных на научно-практических конференциях международного и республиканского уровней:

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Уголовное право и уголовный закон: теория и практика» – доклад на тему «Принципы в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан» (14 апреля 2017 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Правовое обеспечение национальной безопасности: тезисы докладов XXII Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области» – доклад на тему «Принцип презумпции невиновности в состязательной и объективно-истинной концепциях (моделях) уголовного процесса (с анализом УПК Российской Федерации и Республики Таджикистан)» (г. Волгоград, 21–24 ноября 2017 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Предварительное расследование и перспективы его развития» – доклад на тему «Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе» (г. Душанбе, 7 апреля 2018 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты расследования дорожно-транспортных преступлений» – доклад на тему «История возникновения принципа презумпции невиновности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан» (26 апреля 2018 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Развитие юридической науки в современных условиях: теория и практика» – доклад на тему «Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»: презумпция невиновности» (г. Душанбе, 31 октября 2018 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований» – доклад на тему «К вопросу об общем и различном в наименовании принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан» (г. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция «Аубакировские чтения» – доклад на тему «Роль защитника в реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан» (г. Алматы, 19 февраля 2019 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Актуальные вопросы юриспруденции: материалы VI конференции» – доклад на тему «Принцип презумпции невиновности в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан и сравнение его положения со статьёй 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, принятой Генеральной Ассамблеей ООН» (г. Душанбе, 26 апреля 2019 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития» – доклад на тему «Принцип презумпции невиновности на стадии предварительного расследования в Республике Таджикистан» (г. Душанбе, 30 октября 2020 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Юридическая наука и практика» – доклад на тему «Презумпция невиновности и обеспечение права на защиту» (г. Душанбе, 29 апреля 2022 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему

«Актуальные вопросы юриспруденции» – доклад на тему «Формирование принципа презумпции невиновности в Конституции и отраслевом законодательстве Республики Таджикистан» (г. Душанбе, 28 апреля 2023 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «Конституция Республики Таджикистан: эволюция и перспективы развития», посвящённая 30-летию принятия Конституции Республики Таджикистан и объявлению года правового просвещения – доклад на тему «Формирование принципа презумпции невиновности в Конституции и отраслевом законодательстве Республики Таджикистан» (г. Душанбе, 2 ноября 2024 г.);

– Международная научно-теоретическая конференция на тему «15-летие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы» – доклад на тему «Роль принципа презумпции невиновности при вынесении приговора» (г. Душанбе, 3 декабря 2024 г.).

Публикации по теме диссертации. Основные научно-теоретические положения диссертационного исследования изложены в 17 опубликованных трудах автора, в том числе 4 научных статьях в журналах и изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Президенте РТ, и 13 научных статьях в других научных изданиях и сборниках материалов конференций.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из перечня сокращений и (или) условных обозначений, введения, трёх глав (одна глава не разделена на параграфы), включающих пять параграфов, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, списка литературы (источников), перечня научных публикаций соискателя ученой степени и соответствующего приложения. Общий объем диссертации составляет 203 страниц.

ГЛАВА I. ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

1.1. Исторический генезис принципа презумпции невиновности

Становление и развитие презумпции невиновности как одного из принципов уголовного судопроизводства прошло длительный, сложный и противоречивый путь.

Часто прототипом презумпции невиновности считают древнеримскую формулу (*praesumptio boni viri*), которая переводится как: участник судебной тяжбы считается действующим добросовестно, пока иное не доказано. В римском праве существовал принцип – кто утверждает, тот доказывает [55, с. 30]. Л.М. Васильев полагает, что такое правило – не единственная попытка закрепить главную особенность презумпции невиновности – возложить на обвинителя бремя доказывания [34, с. 248].

В качестве примера можно привести и законы Хаммурапи, которые установили правило: «Если человек станет обличать под клятвой человека, бросив на него обвинение в убийстве, и не докажет этого, то обличающего должно убить» [34, с. 248]. Конечно, говорить о формировании презумпции невинности применительно к этой ситуации еще рано. В данном случае речь идет только о лжесвидетельствовании. Однако, тем не менее, голословное обвинение человека не допускалось. Обвинитель должен был доказать свою точку зрения согласно некоторым положениям древнеиндийских памятников права: когда кредитор ходатайствует (перед царем) о возвращении долга от должника, то он должен заставить заплатить после того, как кредитор предоставит доказательства (ст. 47); в случае заpirательства должника, востребованного в суд для уплаты, истец должен указать свидетелей займа или представить другие доказательства (ст. 52) о лишении права на иск в случае непредставления заявленных свидетелей (ст. 57) [265].

Большинством исследователей поддерживается точка зрения, что первое упоминание о презумпции невиновности появилось еще в Древнем Риме, сформулированное в виде правила «*praesumptio boni viri*» – участник судебной тяжбы считается действующим добросовестно, пока иное не доказано. Таким образом, можно отметить, что еще в римском праве применялись положения, созвучные современной трактовке принципа презумпции невиновности. Подтверждением может служить отрывок из произведения древнеримского историка Аммиана Марцеллина «Деяния в тридцати одной книге», в котором рассказано о суде над губернатором Нарбонсиса. Процесс был открытым, губернатор отказывался признавать свою вину, а доказательств для признания его виновным не хватало. Обвинитель Дельфидиус осознал провал обвинения и эмоционально воскликнул: «О, великий Цезарь! Что же станет с виновными, если вполне достаточно отрицать вину?». На что император мудро ответил: «А что станет с невиновными, если достаточно только обвинить?» [266].

Салическая правда (лат. *Lex Salica*) – свод обычного права германского племени салических франков, одна из первых варварских правд. В Салической правде установление невиновности воспринималось как некий магический ритуал: обвиняемый брал в руку раскаленное железо или опускал руку в кипящую воду, после чего руку завязывали. Через несколько дней суд осуществлял осмотр: если обожженная рука заживала, то обвиняемый признавался невиновным; в противном случае он считался виновным.

Каролина (лат. *Constitutio Criminalis Carolina*, немецкое название – *Peinliche Gerichtsordnung Karls V*) – уголовно-судебное уложение «Священной Римской империи германской нации», которое было принято в 1532 году. Каролина – это кодекс, который был построен на принципе презумпции вины. Статья XXVI гласит: если кто-либо ведет с другим лицом важную имущественную тяжбу так, что дело касается большей части его пропитания, добра и имущества, то он будет считаться врагом противной стороны [80, с. 120]. Поэтому если его противник по процессу будет тайно убит, против него возникает предположение, что он совершил сие убийство, и если этот человек

сверх того и по своему поведению возбуждает подозрение, что убийство совершено им, то при отсутствии у него надлежащих оправданий, он может быть посажен (водворен, взят) в тюрьму и допрошен под пыткой. Как и в Законах Ману, в Каролине существовал принцип объективного вменения, например, плохая репутация. Признание своей вины во время пытки – это также считалось достаточным доказательством виновности [40, с. 88].

Великая Хартия вольностей (лат. *Magna Carta*) – политико-правовой документ, который был составлен в июне 1215 года и основан на требованиях английской знати к королю Иоанну Безземельному, защищал юридические права и привилегии свободного населения средневековой Англии. В Великой Хартии вольностей утверждается принцип презумпции невиновности. Так, в ст. 39 говорится: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны» [251]. То есть без решения пэров (представителей сословного суда) никто ничего не мог сделать с этим человеком.

Что касается появления презумпции невиновности в праве государств таджикского народа, это, прежде всего, связано с традицией, культурой и системами управления данных государств в разные исторические периоды. Изучение памятников права показало, что во времена установления власти Арабского Халифата в Центральной Азии были закреплены определенные нормы, которые можно рассматривать как попытки регламентации презумпции невиновности. Как мы ранее подчеркивали в одной из своих публикаций: «В таджикском судопроизводстве по уголовным делам отдельные элементы, связанные с презумпцией невиновности, просматриваются уже в VII в., во времена правления Умара ибн аль-Хаттаба». Анализируя книгу «О судьях» и работы исследователей мусульманского права, можно пронаблюдать эволюцию судебной системы Арабского Халифата в общем, и, в частности, развитие принципа презумпции

невиновности. В эпоху халифатского управления решения по всем вопросам принимали судьи. Среди требований, которые предъявлялись к ним, в требовании 7-м было установлено следующее правило: «решение по уголовному делу должно выноситься на основе очевидных доказательств», «за основу принимается невиновность обвиняемого» [93, с. 20], «человек считается невиновным до тех пор, пока не будет доказана его вина».

Наибольший подъем развития уголовно-процессуального права, в частности, презумпции невиновности, в таджикском государстве приходится на период правления Саманидов (IX-X вв.) – первого таджикского централизованного феодального государства [76, с. 13], в котором Бухара была провозглашена его столицей – центром всего Мавераннахра (Междуречья). Система уголовного судопроизводства в этом государстве была создана на основе мусульманской правовой культуры и зороастризма. В уголовно-процессуальном порядке при Саманидах особое внимание уделялось свидетельским показаниям и документам, подтверждающим виновность или невиновность лица в совершении преступления.

Как отмечал И.Д. Сафаров, «вопрос об обеспечении процесса документами и свидетелями был чрезвычайно важен, так как показания сторон могли считаться достоверными и заслуживающими быть принятыми во внимание со стороны судей, только если они могли быть подтверждены либо полноценным документом, либо показаниями трех свидетелей» [76, с. 140]. В случае необеспеченности необходимыми документами и свидетелями, которые могли подтвердить виновность или невиновность конкретного лица в совершении преступления, и обнаружения подобных случаев в ходе судебного разбирательства на первом этапе рассмотрения дела, судья не имел права принимать подобное решение на следующем этапе разбирательства дела. Этот факт свидетельствует о присутствии важнейшей нормы принципа презумпции невиновности, а именно, *«приговор суда выносится на основе достаточных и достоверных доказательств, и не может быть основан на предположениях»*.

Необходимо отметить, что в процессуальном праве государства Саманидов гражданское и уголовное право не были разделены.

Следующим этапом в развитии законодательной регламентации элементов принципа презумпции невиновности в таджикском дореволюционном обществе был период Бухарского эмирата (1868-1920 гг.). В нем действовали нормы шариата, согласно которым важную роль в доказывании играли свидетельские показания. В тех случаях, когда свидетель сомневался, он не имел права давать показания. Так, недопустимыми были следующие показания свидетеля: «это почерк Саида» (если он не видел, как писал текст Саид) [218, с. 73]. В том случае, если бы свидетель присутствовал при написании текста, данное показание считалось бы приемлемым.

Презумпция невиновности тесно связана с идеей справедливости [226, с. 16], которая присуща шариату в степени, не уступающей другой системе права: «Бремя доказывания лежит на истце», «исходным является предположение об отсутствии имущественных обязательств», «отрицание впереди утверждения». Презумпция невиновности – это принцип, который являлся основным для шариата: «Кто имеет знания и утаит их – да будет проклят».

Основная цель суда – это установление невиновности. Человек будет считаться невиновным до тех пор, пока справедливый суд окончательно не установит его виновность. Согласно шариату, человек не может быть обвинен в совершении преступления и наказан за него до того, как подтверждена его виновность перед судом доказательствами, которые не подлежат сомнению. Запрещалось заставлять человека признаваться в преступлении, которого он не совершал. Все показания, которые были получены от него насильственным путем, считались недействительными. В одном достоверном хадисе (да благословит его Аллах и приветствует) [242], пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) сказал: «Воистину, Аллах снял с моей уммы (умма – община, в которую входят все мусульмане [249]) грех ошибок и давления, того, к чему они были принуждены силой» (хадис от Ибн Маджа) [264].

Элементы презумпции добросовестности (невиновности) людей были широко известны в мусульманском правоприменении. Например, в 74 принципе мусульманского права, представленного в «Маджалат ал-Ахкам ал-Алия» («Кодекс правовых норм»), принятом в Османской империи в 1869-1876 гг., говорится: «Предположения, не имеющие под собой достаточных оснований, не принимаются во внимание» [41, с. 132].

В шариате придавалось огромное значение содержанию свидетельских показаний, которые ни в коей мере не должны были носить предположительный характер и предшествовать официальной правовой оценке. Например, являлась неприемлемой дача свидетелем следующего показания: «Этот человек украл то-то и то-то». В таких ситуациях свидетель обязан был говорить, что: «Этот человек взял то-то и то-то». Как подчеркнул З.А. Саидов в своей диссертации по теме «Исторические особенности действия норм шариата в Бухарском эмирате 1868-1920 гг.»: «Наличие такого порядка судопроизводства напоминает современный принцип презумпции невиновности, согласно которой виновность лица в совершении того или иного деяния устанавливается только вступившим в законную силу решением или приговором суда» [218, с. 72].

Проиллюстрировать значимость презумпции невиновности можно на примере уголовных процессов, которые имели место в истории разных государств, в том числе не применявших нормы шариата.

В 1895 году Верховный суд США рассматривал дело «Коффин против Соединенных Штатов Америки». Суть дела заключалась в требовании Коффина о том, что суд кроме ознакомления подсудимого с его правами и обязанностями, должен известить его о презумпции невиновности. Коффин утверждал, что об этом принципе ему не сообщили. В результате суд постановил, что презумпция невиновности является неоспоримым правом обвиняемого и одним из основных элементов уголовного процесса, исключать который ни в коем случае нельзя. Таким образом, требование Коффина было удовлетворено.

Дело Коффина является далеко не единственным примером, когда обвиняемый не был ознакомлен со своими правами. В США даже существует прецедент, благодаря которому появилось так называемое «правило Миранды». Речь идет о знаменитом деле Миранды против штата Аризона. Обвиняемый по делу, Эрнесто Артуро Миранда, был арестован в марте 1963 г. по обвинению в киднепинге и изнасиловании. Его доставили в полицейский участок города Финикс штата Аризона. Поначалу Миранда отказывался признавать свою вину, тем не менее, через несколько часов полицейские, которые допрашивали его, получили признание в совершении преступления в письменном виде.

Дело было передано в окружной суд Марикопы. Миранда был признан виновным. Его адвокат Элвин Мур подал апелляцию на пересмотр приговора, однако Верховный суд Аризоны также подтвердил принятое ранее решение. Адвокат снова подал апелляцию, и Верховный суд США пересмотрел дело, поскольку в этот раз было обращено внимание на то, что при задержании обвиняемому не были зачитаны его права. Председатель Верховного суда Уоррен при оглашении своего решения отметил, что руководствуется Пятой поправкой к Конституции США [24]. Эта поправка гласит, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на надлежащее судебное разбирательство, не должно привлекаться дважды за одно и то же нарушение и не должно принуждаться свидетельствовать против себя, и не может быть лишено «жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры». Права, гарантируемые этой поправкой, были нарушены в ходе допроса Миранды. Таким образом, дело Миранды было пересмотрено без использования его собственных признаний. Тем не менее, благодаря наличию других доказательств, он был приговорен к тюремному заключению. Решение было оглашено 13 июня 1966 г.

Решение по делу Миранды против Аризоны по-прежнему является одним из самых неоднозначных и критикуемых в истории Верховного суда США [285]. С одной стороны, оно имеет существенное значение как прецедент,

гарантирующий защиту прав обвиняемого, в том числе и презумпцию невиновности. С другой стороны, в случае, если обвиняемый будет хранить молчание, а доказательств не будет достаточно, не приведет ли это к тому, что преступник окажется на свободе? Можно ли в таком случае говорить о справедливости судебного решения? Так ли уж хороша презумпция невиновности? Неоднозначность этого вопроса вызывает широкие дискуссии среди юристов – ученых и практиков. Представляется, что при всей сложности и многоаспектности рассматриваемого вопроса, нельзя преуменьшать значимость и необходимость презумпции невиновности. Не исключено, что под подозрением могут оказаться невиновные люди, поэтому данный принцип защищает их от несправедливого обвинения.

Далее, если продолжать анализировать презумпцию невиновности в историческом аспекте, следует обратиться к творческому наследию итальянского ученого-исследователя Ч. Беккариа, который в 1764 году издал свой труд под названием «О преступлениях и наказаниях», разработанный на основе судебной практики того периода. Автор точно оценил суровое время для уголовного судопроизводства в Европе, и дал ряд рекомендаций по усовершенствованию судебного производства по уголовным делам, уделив особое внимание получению признательных показаний, показаний свидетелей, использованию пыток и толкованию неустранимых сомнений в показаниях свидетелей. Ч. Беккариа анализировал каждую ситуацию по главам. В параграфе «Толкование законов» он утверждает, что «если каждое из несовершенных доказательств в отдельности допускает возможность невиновности, то совокупность этих же доказательств по тому же делу такую возможность должна исключать» [33, с. 87]. В книге подчеркивается много случаев, когда судьи принимают разные решения по одному и тому же деянию, и «причина этого объясняется так: судьи не прислушиваются к постоянному отчетливому голосу (гласит) закона и идут на поводу у толкования, ошибающегося и непостоянного» [33, 87]. Это свидетельствует о том, что толкование сомнения как нормы, вытекающей из презумпции

невиновности, считали важным в те времена. Следующее важное положение в трудах Ч. Беккариа занимает проблематика показаний свидетелей в главе «О свидетелях», где обращается особое внимание на показания двух свидетелей, когда один дает уличающие в совершении преступления показания, а другой отрицает вину человека в совершении преступления и мотивирует свою позицию о невиновности лица в совершении преступления; в таком случае дело должно быть решено в пользу подсудимого.

Кроме этого, в труде Ч. Беккариа в главе «Улики и формы суда» говорится о достоверности доказательств, которые не изучаются судами тщательно и объективно, и точно указано, что: «При ясных и точных законах обязанность судьи состоит лишь в установлении фактов» [33, 88]. Это в первую очередь свидетельствует о принципе установления объективной истины, когда суд будет обязан искать истину, а во-вторых, это нормативное положение, входящее в современную формулу принципа презумпции невиновности, которое сегодня закреплено в ч. 5 ст. 15 УПК РФ: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Представления Ч. Беккариа о пытках отражены в главе 10 «О пытках и правосудии» таким образом: «Пытка как средство изыскания и доказывания истины по уголовному делу является неэффективной и не подлежит использованию» [243].

Концептуальный подход Ч. Беккариа, который был положен в основу современного понимания принципа презумпции невиновности, выражается следующим образом: «Никто не может быть назван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор, и общество не может лишить обвиняемого своего покровительства до того, как будет решено, что он нарушил условия, при соблюдении которых ему и обеспечивалось это покровительство» [132, с. 26]. Презумпция невиновности, сформулированная Чезаре Беккариа в данной книге, являлась протестом против пыток, других злоупотреблений властей в отношении обвиняемого, что возымело действие на конкретное правоприменение. Так, король Швеции в 1772 году отменил пытку как метод

получения признания во всех областях, и в этом – действительная заслуга книги Ч. Беккариа. А до этого король Пруссии Фридрих II отменил пытку в 1740 году. Заслуга Ч. Беккариа заключается в том, что он в реальности сумел доказать, что в средневековье в уголовном судопроизводстве стран Европы торжествовали жестокость, беззаконие и бесчеловечные наказания. Так, в Англии, Франции и Пруссии в уголовных законах была учреждена смертная казнь за совершение более чем ста разновидностей преступлений.

В истории Российского государства положение, близкое к презумпции невиновности, встречается уже в некоторых законодательных документах XVI века: «в Соборном уложении 1649 г. указывалось, что если кто-то приведет убийцу или разбойника, а те станут обвинять приведших их в совершении таких же преступлений, то этим обвинениям не верить» [133, с. 227].

Что касается Российской Империи, то при правлении Петра Первого подобное бесчеловечное отношение: публичная казнь, пытки и донос – были обычным явлением. В это время положения принципа презумпции невиновности не имели нормативного закрепления. Исходя из идеи Ч. Беккариа: «Гуманизм, прежде всего, проявляется в провозглашении презумпции невиновности и в странном призыве отменить смертную казнь, пытки, допросы с пристрастием, отказаться от приговоров, основанных на доносах» [241].

Труд Ч. Беккариа был переведен на разные языки в Европе, в том числе был издан на русском языке в России во время правления Екатерины Второй. Изучение данного труда в России оказало такое влияние, что императрица предложила Ч. Беккариа приехать в Россию и заниматься исследованиями, но, к сожалению, его приезд в Россию не состоялся [62, с. 180].

Императрица Екатерина II, внимательно ознакомившись с трудами Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и Монтескье «О духе законов», создала комиссию для проведения судебно-правовой реформы. Большинство статей в «Наказе» [33, с. 20] были прямым заимствованием из трудов западноевропейских мыслителей, например, заимствования из Беккариа

относятся «к презумпции невиновности, классификации преступлений по их тяжести к необходимости соответствия наказания и т. д.» [33, с. 20]. Но этот «Наказ» не был реализован в законодательной области: в 1768 году комиссия распалась, и работа была прекращена. Как это комментировал известный русский юрист А. Кистяковский, причиной распада комиссии и прекращения работы явилась неготовность русского народа к данному виду реформы [48, с. 201]. После этого Екатерина II предложила Сенату отменить пытки, однако Сенат ей отказал, поэтому императрица была вынуждена воздержаться от отмены пыток. Попытки закрепить законодательно презумпцию невиновности, предпринятые Екатериной II, должны быть отражены следующим образом: «Наказание за преступление может быть определено судом только тогда, когда совершение преступления «несомненно доказано», а обвинение в совершении преступления «должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину» [133, с. 228].

Спустя определенное время 26 августа 1789 года во Франции после «Великой Революции» была принята «Декларация прав человека и гражданина», в ст. 9 которой презумпция невиновности была сформулирована в такой форме: «Так как каждый человек предполагается невиновным, пока его не объявят (по суду) виновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго караема законом» [6]. Здесь презумпция невиновности впервые получила статус уголовно-процессуального предписания [188, с. 4].

Во время правления Николая I при составлении Свода законов Российской Империи в 1832 году, многие пункты были заимствованы из главы X «Наказа» Екатерины II (о предварительном заключении и силе доказательств), которые в итоге стали причиной спасения тысяч людей от незаконных и необоснованных обвинительных приговоров.

Только в середине XIX века произошли некоторые изменения в судебном производстве Российской Империи. Так, в период правления Александра III в

Уложении от 1845 г. было закреплено отдельное правило: «Суд может определить наказание тогда, когда совершение преступления несомненно доказано, а обвинение в совершении преступления должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину». Здесь отражен важный признак презумпции невиновности: впервые регламентировано требование о безоговорочном доказывании вины лица в совершении преступления.

Еще одна попытка закрепления презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве была предпринята во время правления Александра II в XIX веке при подготовке «Устава уголовного судопроизводства» [97, с. 466]. Правило, более похожее на нынешнюю формулировку презумпции невиновности, было закреплено в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи в 1864 году следующим образом: «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не был привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава» [70, с. 112]. Кроме того, в ст. 813 данного Устава была закреплена норма о толкованиях сомнений в пользу подсудимого. Такой подход свидетельствовал о переходе положений Устава от розыскной модели уголовного судопроизводства к состязательному типу уголовного процесса.

Что касается статуса презумпции невиновности в советские времена, то в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции отношение к презумпции невиновности было неоднозначным: от отрицательного до положительного. В качестве позитивного момента можно отметить то, что после Октябрьской революции 1917 г. действовал принятый Декрет о суде № 1, в котором в ст. 8 было закреплено, что: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [22]. Тем самым косвенно подчеркивалась преемственность основ судопроизводства с

положениями Устава уголовного судопроизводства (в том числе – и по вопросам презумпции невиновности). Отрицательное отношение проявлялось в том, что многие советские юристы считали ее принципом устаревшего буржуазного права, ввиду чего отвергали и не признавали.

Таджикистан в качестве одного из субъектов Советского Союза в 1929 г. был определен как Таджикская Советская Социалистическая Республика, и в этом юго-восточном регионе было установлено действие советских законов.

В период становления Советского государства уголовный процесс был сильно политизирован. Поэтому для принципа презумпции невиновности настали сложные времена. Если преступления были совершены против власти, коммунистической партии, порядка управления, то установленными во время политических репрессий законами подозреваемый считался врагом народа, равно как и его близкие. По сути, законы того времени [17] закрепляли презумпцию виновности [35, с. 150], что находило воплощение в конкретном правоприменении.

Однако мы не можем отрицать очевидного влияния идеи презумпции невиновности на уголовно-процессуальное законодательство того периода: ст. 5 УПК РСФСР. 1922 г. [15] и ст. 5 УПК РСФСР. 1923 г. [16] закрепляли правило, вытекающее из презумпции невиновности: «Никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе и в порядке, законом определенном», а ст. 139 УПК РСФСР. 1922 г. и ст. 136 УПК РСФСР. 1922 г. соответственно устанавливали прямой запрет, обусловленный действием презумпции невиновности: «Следователь не имеет права домогаться показания или признания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер».

В тридцатых-сороковых годах прошлого века вопрос о восстановлении презумпции невиновности в советском правосудии вызывал острые дискуссии среди представителей власти и ученых.

Сторонники презумпции невиновности (М.С. Строгович, Н.Н. Полянский, В.И. Каминская, И.Д. Перлов и др.) настаивали на восприятии

этого важного положения как принципа советского уголовного процесса. В 1980 г. в своей диссертации Ч.С. Касумов, изучив позиции ученых того периода, констатировал, «... что презумпция невиновности – гуманный, демократичный принцип, органически присущий именно социалистическому уголовному процессу» [188, с. 4].

Этот важнейший демократический принцип во все времена противостоял незаконному уголовному преследованию, пытке, давлению, жестокому обращению и служил укреплению справедливости и гуманности. Исходя из этого, в содержании принципа презумпции невиновности появились элементы, связанные с бременем доказывания, толкованием сомнений, запретом вынесения обвинительного приговора на основании предположений и другие элементы.

Пока речи о презумпции невиновности в международном праве не шло, известный советский ученый-процессуалист М.С. Строгович ещё в 1947 году опубликовал свою книгу «Учение о материальной истине в уголовном процессе» [85, с. 127], посвятив в ней отдельный раздел презумпции невиновности. М.С. Строгович, несмотря на господствующую в то сложное время идеологию, на которой основывались «сталинские» репрессии, разработал концепцию презумпции невиновности в советском праве и раскрыл содержание этого важного и гуманного принципа в соответствии с восстановлением объективной истины в советском уголовном процессе. Автор подчеркнул, что: «Ее значение настолько велико, что, по сути дела, речь идет не об отдельном, хотя бы и важном, процессуальном институте, а о принципе всей процессуальной деятельности, непосредственно связанной с состязательностью процесса и правом обвиняемого на защиту» [85, с. 227].

Однако, несмотря на отсутствие прямого закрепления презумпции невиновности в этот период развития уголовно-процессуального законодательства, можно выявить нормативные положения, направленные на формирование данного принципа, в ст. 111 Конституции СССР 1936 г. и ст. 8 Закона «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» 1938 г.,

где было закреплено следующее положение: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту» [8]. Как это прокомментировал М.С. Строгович: «Создание для обвиняемого по уголовному делу такого правового положения, которое устраняет презумпцию виновности обвиняемого и допустимость утверждения о виновности обвиняемого ставит в правовую зависимость от доказанности виновности, сохраняя для обвиняемого возможность оспаривать обвинение, оправдываться, защищаться всеми законными средствами» [85, с. 239]. Только спустя год после издания книги выдающегося советского ученого М.С. Строговича, Генеральная Ассамблея ООН в 1948 году приняла Декларацию по правам человека и гражданина. В ст. 11 названной Декларации презумпция невиновности была сформулирована таким образом: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [1]. Закрепление презумпции невиновности в этой декларации мирового уровня повлекло принятие ряда международных документов в области прав и свобод человека и гражданина, которые восприняли эту важную идею. В их числе можно указать такие, как: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [3], Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [2], Американская (межамериканская) конвенция по правам человека 1969 г. [5], Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. [23].

Формирование нормативных основ презумпции невиновности в вышеперечисленных международных актах не оставило советского законодателя равнодушным.

Принцип презумпции невиновности в производстве по уголовным делам Союза ССР и союзных республик появлялся в 1958 года, когда его закрепили в ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик

следующим образом: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда» [18]. Формулировка принципа презумпции невиновности в данной основе ограничена и формирует только одно положение, другие нормы, относящиеся к данному принципу, как бремя доказывания, опровержение доводов и толкование сомнения в пользу обвиняемого, отсутствовали в те времена. Вслед за этим в УПК РСФСР (1960 г.) [14] в ст. 13 и УПК Таджикской ССР (1961 г.) [21] в ст. 8 нашла свое отражение эта формулировка: *«Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда»*. Спустя 19 лет, положение презумпции невиновности закрепились на конституционном уровне в ст.160 Конституции СССР 1977 года: *«Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом»* [9]. В Конституции СССР положение презумпции невиновности особенно не изменилось, но в ней только добавлено важное требование: значит, решение суда должно быть законным, мотивированным и обоснованным. Подобные статьи без изменения имеются в Конституции Таджикской ССР 1978 г. (ст. 161).

Попытка переформулировать положения принципа презумпции невиновности в советском уголовном процессе, как нынешний вариант «обвиняемый считается виновным...», была сделана Комитетом конституционного надзора СССР в своем решении «О законодательных гарантиях презумпции невиновности» от 22 июня 1990 года № 28 [27]. В заключительной части донного решения Комитет, признав актуальность презумпции невиновности для обеспечения защиты прав человека и гражданина от незаконного и необоснованного уголовного преследования в производстве по уголовным делам Советского Союза, руководствовался статьей 160 Конституции СССР, которая устанавливала презумпцию невиновности как ее исторический «предшественник»: «Никто не может быть

признан виновным в совершении преступления иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом» [9]. Исходя из этого, Комитет решил сформулировать советский вариант презумпции невиновности в соответствии с п. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.). Данные международные документы устанавливают презумпцию невиновности следующим образом: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [1]. Исходя из этого, было решено закрепить в п. 2 ст. 14 законодательства Союза ССР и союзных республик «О судостроительстве» право на презумпцию невиновности следующим образом: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [27].

Роль признания презумпции невиновности состоит в том, что Таджикистан впервые попытался на законодательном уровне определить классическую формулу презумпции невиновности, которая имела две составляющие: в первой указывалось, что бремя доказывания лежит на обвиняющем, а во второй – только в пользу обвиняемого необходимо толковать неустранимые сомнения.

Статья 15 УПК РТ закрепляет презумпцию невиновности как принцип уголовного судопроизводства. Она воспроизводит соответствующие положения ч. 1 ст. 20 Конституции РТ, кроме того, дополнительно устанавливает, что на стороне обвинения лежит бремя доказывания и опровержение доводов, которые приводятся при защите обвиняемого, а также уточняется следующее: нельзя строить обвинительный приговор на предположениях.

В Конституции Республики Таджикистан, которая была принята в 1994 г., закреплён принцип презумпции невиновности в несколько иной формулировке. Так, в ч. 1 ст. 20 говорится, что «никто не считается» виновным в совершении преступления до вынесения приговора суда и вступления его в законную силу.

С этого времени презумпция невиновности стала основополагающим принципом в уголовном процессе: она закреплена в ст. 15 УПК РТ 2009 г.

Что касается самого определения положения презумпции невиновности, то в этом плане существовали разные точки зрения. Так, Л.М. Васильев написал, что «может быть, для юристов и понятен смысл этой сложной формулы, но широким трудящимся массам трудно в ней разобраться» [34, с. 176]. Автор выразил свое мнение о том, что презумпция невиновности для обычных людей может быть непонятна, и что только юристы могут это понимать. Мы не можем согласиться с позицией Б.С. Шаркова, который утверждал, что «глубоко противоречит сущности советского социалистического права попытка внести в нашу теорию и практику обветшалые догмы буржуазного права вроде презумпции невиновности» [34, с. 177]. Б.С. Шарков являлся противником презумпции невиновности в советском уголовном процессе и считал её частью буржуазного права и неприемлемой в теории и практике советского общества даже после того, как в основных международных документах в области прав человека и гражданина этот принцип был признан важным и необходимым правом для защиты интересов людей.

Изучение истории данного правила подвело нас к выводу о том, что формулировка презумпции невиновности в исторических и международных документах, включая период Советского Союза и современного отечественного законодательства, позволило сформироваться двум видам принципа презумпции невиновности. В ряде документов и законах закреплено, что «Обвиняемый считается невиновным...», а во-вторых, что: «Никто не может быть признан виновным...». Как показало наше

исследование, в советский период презумпция невиновности была представлена в следующей трактовке: «Никто не может быть признан виновным...» А значит, эта норма до 1989 года формулировалась как ее исторический «предшественник». По этому поводу мы сравнили мнения М.С. Строговича и И.А. Либуса, которые существенно различаются друг от друга. Так, М.С. Строгович еще в 1968 году в своем труде «Курс советского уголовного процесса» дал следующее понятие презумпции невиновности: «Презумпция невиновности означает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана...» [83, с. 349]. С позиции же И.А. Либуса, презумпция невиновности: «(подозреваемый) обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет несомненно доказана...» [58, с. 40]. Сравнивая эти два определения, можно сделать вывод о том, что с позиции М.С. Строговича презумпция невиновности распространяется только лишь на обвиняемого, а с точки зрения С.А. Либуса – на подозреваемого и обвиняемого.

Подобные мнения расходятся и в законодательстве РТ и Всеобщей декларации прав человека. Так, ст. 11 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». А в ч. 1 ст. 20 Конституции и ч. 1 ст. 15 УПК РТ – «Никто не считается виновным в совершении преступления...» [10]. По нашему мнению, действующая формулировка ст. 20 Конституции РТ является шире, т. к. она распространяет свое регулятивное воздействие на отношения, в которые вовлекаются любые лица, даже еще не получившие официального статуса обвиняемого и подозреваемого. А это значит, что ее охранительное воздействие испытывают на себе участники стадии возбуждения уголовного дела, статус которых еще не определен, но в отношении которых проводятся проверочные мероприятия. Поэтому такая формулировка более демократична, она выстраивает должный

уровень гарантий более широкого круга лиц, чем формулировка, заложенная в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека.

В заключение хотим подчеркнуть, что:

1. В Республике Таджикистан принцип презумпции невиновности на конституционном уровне закреплён, но в ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Таджикистан не полностью раскрыты его характеризующие элементы. В дальнейшем принцип презумпции невиновности находит своё полное смысловое и текстуальное закрепление в ст. 15 УПК Республики Таджикистан. Ввиду этого, хотя принцип презумпции невиновности и представлен в Конституции Республики Таджикистан не в полном смысловом содержании, это положение не умаляет его значение как основополагающего принципа в такой редакции в контексте отраслевого законодательства.

2. Как показало наше исследование, до закрепления презумпции невиновности в законодательных нормах уголовного судопроизводства отдельные её положения, такие как недопустимость предположений, не имеющих достаточных оснований, и неприемлемость свидетельских показаний без дополнительных подтверждений, уже существовали в досоветском периоде Таджикистана.

3. Презумпция невиновности не является продуктом исключительно уголовного процесса, а продуктом собственного достижения народа, так как её появление связано с Великой французской революцией, которая постепенно нашла отражение в положениях законов.

4. Самым сложным периодом для принципа презумпции невиновности были 30-е годы прошлого века, период так называемых «сталинских репрессий». В то время презумпция виновности торжествовала, и многие наши соотечественники стали жертвами этих репрессий, часто без суда и следствия.

5. Презумпция невиновности, уходящая корнями в историю человечества, всегда была противоположностью незаконным расследованиям и

необоснованным обвинениям, и в результате превратилась в демократический и гуманистический принцип общества и уголовного процесса.

1.2. Понятие, сущность и пределы действия принципа презумпции невиновности в уголовном процессе

В системе принципов уголовного процесса РТ среди остальных принципов, регулирующих процесс доказывания, презумпция невиновности по своей демократической природе отличается. Этот принцип с начала своего появления в производстве по уголовным делам противостоял всякому незаконному действию лица, осуществляющего уголовное преследование.

Что такое презумпция невиновности? Это принцип (один из принципов) уголовного судопроизводства, то есть институт защиты прав подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) и интересов уголовного судопроизводства от незаконных или необоснованных действий.

Принцип презумпции невиновности как таковой направлен на достижение цели уголовного процесса. В качестве одной из целей уголовного судопроизводства РТ выступает «привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление» (п. 5 ч. 2 ст. 2 УПК РТ).

Как отмечает профессор Г.А. Печников, в современных производствах по уголовным делам, нашедшим форму состязательной модели, понятие презумпции невиновности теряет смысл своего истинного понимания [71, с. 86]. Презумпция невиновности как принцип в уголовном процессе во всех случаях остается на стороне справедливости, ищет виновного в совершении преступления и защищает невиновного. Без права на презумпцию невиновности производство по уголовным делам в современном уголовном процессе, где многое зависит от методов расследования, лица, осуществляющего уголовное преследование и стороны защиты, становится невозможным. В данном контексте цель уголовного процесса – привлечение к уголовному наказанию истинного преступника и гарантия защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства становится реализуемой.

По словам Сократа, не только каждое отдельное действие должно руководствоваться известной целью, но, кроме того, должна существовать единая общая и высшая цель, которой подчиняются все частные цели, и которая представляет собой безусловное высшее благо [71, с. 54]. Ввиду этого обязательность наличия принципа презумпции невиновности не вызывает сомнения, так как уголовный процесс не должен отвечать лишь корыстным интересам и целям одних сторон, которые не могут быть по-настоящему объективны, поскольку в противоборстве стороны всегда амбициозно и предвзято относятся друг к другу. Поэтому принцип презумпции невиновности в современном прогрессивном уголовном процессе неизбежно приобретает чисто формальное констатирующее значение, поскольку служит выяснению основного вопроса: опровергла ли сторона обвинения презумпцию невиновности обвиняемого (подозреваемого) или не опровергла? Доказала ли сторона обвинения обвинение так, чтобы выиграть процесс (дело) у стороны защиты или не доказала? Причем в уголовном процессе без презумпции невиновности обвинительный тезис стороны обвинения может быть и недостоверным, то есть может не соответствовать реальной действительности, но обязательно должен быть юридически обоснованным.

Как подчеркивает И.Б. Михайловская, «процессуальная форма (процедура) в уголовном судопроизводстве вообще имеет приоритет над задачей установления фактических обстоятельств дела» [63, с. 8-9]. Собственно, и презумпция невиновности, с нашей точки зрения, в состязательном уголовном процессе оторвана от реальной действительности, от объективности, и связана лишь с формально-юридической правовой стороной уголовного процесса: она служит выражением разрешения правового спора (конфликта) между государством и личностью, а не установлением того, что было на самом деле. При этом важно соблюсти состязательные правила игры: стороны равноправны в уголовном процессе; в поединке побеждает сильнейший (а кто сильнее – тот и прав); подозреваемый и обвиняемый вправе защищаться всеми не запрещенными законом способами

и средствами; доказательства, полученные с нарушением процессуальной формы, являются недопустимыми и не имеют юридической силы, их нельзя положить в основу обвинения и др. (ст. 88 УПК РТ).

«Действие презумпции невиновности предполагает, что процесс доказывания, как и производство по делу в целом, возникает тогда, когда эта презумпция оспаривается, т.е. доказывается противоположенное утверждение» [63, с. 20]. Как отмечено, в практике уголовного судопроизводства процесс являет собой не бескомпромиссную борьбу с преступностью, а разрешение правового спора (конфликта) сторон, а стороны при этом могут пойти на определенное взаимное соглашение, компромисс, примирение, «делку» между собой. И презумпция невиновности тогда поставлена в непосредственную зависимость от такого волеизъявления противоборствующих сторон.

Если презумпция невиновности обвиняемого опровергнута, то приговор суда будет обвинительным, а если не опровергнута – оправдательным. Вот так видится узкая, формальная, миссия принципа презумпции невиновности уголовном процессе. В таком качестве подлинная сущность принципа презумпции невиновности остается невостребованной и не раскрытой, по существу. Свою подлинную, действительную сущность презумпция невиновности может, с нашей точки зрения, обрести лишь в уголовном процессе с объективной концепцией доказывания, поскольку в таком уголовном процессе презумпция невиновности направлена на достижение объективного знания о преступлении и лицах, его совершивших, т.е. на действительно достоверное раскрытие каждого преступления (в отличие от состязательного процесса, где презумпция невиновности зависит от силы сторон).

Презумпция невиновности по своей сути является не фактической презумпцией, т.е. выражением того, что обычно, как правило, бывает на практике, поскольку в повседневной практике складывается как раз противоположная презумпция – *презумпция виновности* обвиняемого, так как

обвиняемый чаще признается виновным. Такая фактическая презумпция порождает предвзятость, обвинительный уклон, что неизбежно приводит к судебнo-следственным ошибкам. Как об этом в своей монографии пишет профессор З.Х. Искандаров: «Назначение презумпция невиновности состоит в процессуальном сдерживании субъектов, осуществляющих уголовное расследование, а также любых иных лиц в отношении обвиняемого (подозреваемого), исключает обвинительный уклон, защищает права лица, привлечённого к уголовной ответственности» [41, с. 135].

Поэтому появление презумпции невиновности диалектически вполне закономерно – она выступает антиподом, противовесом, прямой противоположностью презумпции виновности обвиняемого.

Презумпция невиновности служит важной гарантией против презюмирования виновности обвиняемого, подозреваемого, против односторонности, тенденциозности, обвинительного уклона в уголовном процессе.

Презумпция невиновности является *искусственной презумпцией, квазипрезумпцией*, а не подлинным обобщением жизненного, практического опыта [44, с. 96]. Она – основное требование объективно-истинного, объективно справедливого правосудия.

Мы согласны с замечанием А.П. Блинкова, что было бы неправильно ограничиваться пониманием презумпции невиновности лишь как гарантии личности от необоснованного осуждения, хотя такое ее толкование является весьма распространенным [173, с. 174]. А.П. Блинков ссылается на справедливое суждение В.И. Каминской о том, что презумпция невиновности выступает в качестве необходимого условия установления всесторонности и объективности по уголовному делу, стимулируя его раскрытие, поскольку в ней-то и выражено, как необходимое требование, что виновность обвиняемого должна быть доказана, и пока это не достигнуто, никто не может быть признан виновным. Одним лишь либеральным стремлением облегчить положение обвиняемого в процессе такое требование объяснить нельзя. Основное его

назначение в том, чтобы подтолкнуть мысль и деятельность лица, принимающего решение по уголовному делу, на всестороннее рассмотрение вопроса о виновности обвиняемого. Но поскольку в судебном рассмотрении подлежащий исследованию вопрос непосредственно связан с жизненными интересами обвиняемого, с его судьбой, постольку выполнение такого требования, являясь необходимой гарантией правильного приговора, представляет вместе с тем существенную гарантию, ограждающую личность от произвольного осуждения и ограничения в правах [173, с. 97].

Такая объективная трактовка презумпции невиновности относится, с нашей точки зрения, к объективной концепции уголовного судопроизводства. В такой концепции процесса презумпция невиновности – необходимое средство достижения объективности и справедливости по делу, достоверного раскрытия преступления. Но в современном и прогрессивном уголовном процессе, в котором большую роль играет состязание сторон, презумпция невиновности выступает лишь как гарант защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, как это закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе России (п. 2, ч. I ст. 6) [11]. С другой стороны, презумпция невиновности в уголовном процессе, который осостязательствован (в примере УПК России) производна от силы сторон, т. е. от подхода: сильный выигрывает процесс (дело), слабый проигрывает. «Опровергнутая» презумпция невинности означает победу стороны обвинения, «неопрровергнутая» – защиты [138, 99].

На наш взгляд, в уголовном процессе, где опровергаются права на презумпцию невиновности, возможна только «выигрышно-проигрышная», «опрровергнуто-неопрровергнутая» трактовка принципа презумпции невиновности, где презумпция невиновности – неотъемлемая составная часть состязательного процесса (конфликта) сторон, в котором побеждает сильнейший. Состязательный процесс – это процесс, построенный на основе реализации частно-выигрышных целей противоборствующих сторон, при отсутствии необходимой общей цели – достоверного раскрытия преступлений,

установления действительных фактических обстоятельств дела. Стоит согласиться с мнением таджикского учёного профессора З.Х. Искандарова: «Принцип презумпции невиновности влияет на уголовно-процессуальные правоотношения в целом, независимо от стадии производства и конкретных, участвующих в деле, лиц» [41, с. 133-134].

Приведем обоснованное суждение профессора М.С. Строговича, касающееся фактически сущности современного уголовного процесса с состязательной концепцией, в которой права личности отрываются от задачи борьбы с преступностью: «При изучении проблемы процессуальных гарантий мы сталкиваемся в юридической литературе с концепцией, сущность которой заключается в том, что весь уголовный процесс в целом есть не что иное, как система гарантий личности от произвола государства. Согласно этой концепции, в этом заключается вся сущность уголовного процесса – не содействовать государству в борьбе с преступностью, а наоборот, охранять обвиняемых от расправы с ними со стороны государства. Сторонники этой теории отрывают уголовный процесс от задач борьбы с преступлениями, превращая его в арену, на которой борются государство и гражданин» [84, с. 83].

Соответственно и принципу презумпции невиновности в состязательном прогрессивном уголовном процессе отводится роль исключительного гаранта прав личности от произвола государства, а «не содействия государству в борьбе с преступностью». В этой связи справедлива позиция известного криминолога В.В. Лунеева: «Реалистический научный подход основан на том, что контроль над преступностью является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности – одним из самых важных средств его достижения. Защита прав личности – более широкая цель, осуществляемая не только в процессе уголовного судопроизводства, а во всех сферах деятельности. Без контроля над преступностью, которая в нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения

прав человека, вообще невозможна успешная реализация защиты прав личности» [60, с. 175].

Позволим себе не согласиться с теоретической позицией профессора И.Б. Михайловской, которая, говоря о современном УПК России, считает, что «... применительно к обвинительному приговору, опровергающему презумпцию невиновности, следует, на наш взгляд, признать сосуществование истины материальной, т.е. соответствия выводов суда фактам, имеющим место в действительности, и истины формальной, т. е. соответствия выводов суда сведениям, облеченным в надлежащую процессуальную форму» [63, с. 20].

С нашей точки зрения, эта промежуточная, нейтральная позиция, примиряющая позицию объективности с юридической (формальной), теоретически ошибочна, поскольку уголовный процесс либо весь объективный, либо весь юридический (формальный), ориентированный на формально-юридическую правду, т. е. на «правду сильнейшего в уголовном процессе».

Поэтому теория сосуществования формально-юридической справедливости с позицией презумпции невиновности неприемлема. В уголовном процессе, в котором следствие только основывает свои позиции на основании спора сторон (обвинения и защиты), всесторонность и полнота исследования должным образом не осуществляются, что исключает объективность в расследовании уголовных дел и замедляет активное расследование вопросов о виновности или невиновности обвиняемого. Соответственно, в такой ситуации презумпция невиновности либо имеет объективную суть, либо формально-юридическую позицию. Третьего не дано. Принцип презумпции невиновности неизбежно обретает концептуальную сущность в том уголовном процессе, в котором он дан и применяется.

Это подтверждает, например, профессор А.С. Александров, говоря о презумпции невиновности по правилам состязания: «Презумпция невиновности вполне сочетается только с принципом юридической (судебной) справедливости, что в единстве образует способ установления и

удостоверения объективности по делу. Таким образом, диспозитивность как свобода формирования сторонами доказательного материала процесса и презумпция невиновности не может иметь никаким другим своим следствием, как только «юридическую истину» [92, с. 91].

Концепция процессуальной объективности или же формального подхода исходит из того положения, что объективностью будет суждение, соответствующее другому суждению, независимо от того, как последнее соотносится с объективной реальностью. Такая оценка соотносит деяние не с объективной действительностью, а только с нормой права [68, с. 11].

Известно, что практика – критерий объективности. И практика, так или иначе, тяготеет к объективности. Поэтому вовсе не случайно, что именно практика разработала законопроект с введением института «установления объективной истины по уголовному делу» [257], появление которого вполне объективно и закономерно.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что объективная, справедливая и всесторонняя модель уголовного судопроизводства – более совершенная, более нравственная модель судопроизводства по сравнению с формально-юридической моделью уголовного процесса, поскольку не может быть подлинно справедливого правосудия без объективности, всесторонности, как об этом гласит ст. 21 УПК РТ, а презумпция невиновности как принцип не может осуществлять свою природную миссию.

Справедливо высказывание, что «вера в возможность ее доказать придает познавательной деятельности нравственный смысл, тогда как безразличие к ней воспринималось на всем протяжении культуры как угроза нравственному бытию общества». Стремление к восстановлению справедливости есть фундаментальный культурный императив, оно является частью универсальной мировоззренческой схемы, имеющей общечеловеческий характер [61, с. 79].

Поэтому так важен принцип презумпции невиновности, нацеленный на доказывание и достижение цели уголовного процесса (найти и наказать

виновного в уголовном процессе) (в отличие от презумпции невиновности, лишенной направленности).

Там, где есть обвинение (речь идет о стадии предварительного расследования), там неизбежно под влиянием привычной, повседневной практики складывается *фактическая презумпция виновности* обвиняемого (подозреваемого), имеющая статистическую природу. А это порождает обвинительный уклон в расследовании уголовных дел, необъективность, нарушение прав и свобод личности. В подтверждение этому цитируем позицию профессора З.Х. Искандарова, который пишет: «Назначение презумпции невиновности в процессуальном сдерживании субъектов, осуществляющих уголовное преследование, а также любых иных лиц в отношении обвиняемого, исключает обвинительный уклон, защищает права лица, привлеченного к уголовной ответственности» [41, с. 135]. Смысл презумпции невиновности состоит в том, что для нее обвиняемый, как правило, виновен. Ведь обвинительных приговоров, устанавливающих виновность обвиняемого, гораздо больше, чем оправдательных приговоров.

Но коль скоро есть презумпция виновности обвиняемого, то диалектически появляется противостоящая ей и противоположная по смыслу презумпция невиновности обвиняемого (подозреваемого) – прямой антипод презумпции виновности, означающая, что только после достоверной доказанности виновности обвиняемого и установления этой виновности в судебном приговоре, вступившем в законную силу, лицо можно признать виновным в преступлении (ч. 4 ст. 15 УПК РТ). Без этого обвиняемый считаться виновным в преступлении не может. Здесь есть два важных аспекта: формально-юридический (обвиняемый считается невиновным) и неразрывно с ним связанный фактический аспект (обвиняемый действительно невиновен, если отсутствуют достоверные доказательства его виновности). Презумпция невиновности служит гарантией для обвиняемого от неосновательного обвинения и осуждения, и вместе с тем является необходимым условием и

эффективным средством для обнаружения, установления по каждому уголовному делу объективности [82, с. 54].

На конституционном уровне понятие презумпции невиновности закреплено в ч. 1 ст. 20 Конституции РТ: «Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу» [7].

Если фактически презумпции рассчитаны на сокращение, упрощение процесса доказывания, на принятие тех или иных фактов без их доказывания, то презумпция невиновности, наоборот требует, чтобы каждый факт, каждое обстоятельство, относящееся к обвинению, было доказано с полной несомненностью, с абсолютной достоверностью. Презумпция невиновности служит гарантией для обвиняемого от неосновательного обвинения и осуждения, и это вместе с тем является необходимым условием, эффективным средством для обнаружения, установления по каждому уголовному делу объективной, материальной истины [82, с. 54].

В.И. Каминская писала о презумпции невиновности: «...в отличие от других презумпций, её назначение не в сокращении процесса доказывания отдельных обстоятельств, имеющих значение при судебном рассмотрении дела, а в обеспечении условий необходимых для осуществления задач правосудия в целом...» [44, с. 96-97].

Вообще презумпцию невиновности следует рассматривать не абстрактно, не отвлеченно, не как саму по себе, но непременно в неразрывной, системной связи с правовой сущностью того уголовного процесса, в котором она закреплена и осуществляет свое действие. Позиция (модель) уголовного процесса определяет и сущность презумпции невиновности в нем.

В своем исследовании для понимания понятия принципа презумпции невиновности в производстве по уголовным делам мы исходим из двух, с нашей точки зрения, противоположных по своей концептуальной сущности моделей уголовного процесса, в которых презумпция невиновности исполняет свою реальную миссию УПК РТ.

Конечно, УПК РТ не представляет собой полностью в идеале, в чистом виде, объективную, справедливую концепцию уголовного процесса, но мы руководствуемся той объективной тенденцией, которая в нем заключена, в нем проявляется, и поэтому позволяет его четко отличить от состязательной модели уголовного процесса. В этом контексте А.Б. Острикова, Р.Р. Юлдошев также выявили ряд противоречий в механизме законодательного регулирования, и пришли к выводу, что «нарушения правоприменительной практики связаны с состязательным построением уголовного процесса» [69, с. 58], что свидетельствует о нарушении принципа состязательности.

Об УПК РТ, как о законе, закрепившем объективную и всестороннюю концепцию судопроизводства, нам позволяет говорить наличие в нем такой важной задачи уголовно-процессуального судопроизводства, как своевременное и полное раскрытие преступлений (ч. 1 ст. 2 УПК РТ). А это фактически общая объективная и целенаправленная цель уголовного судопроизводства – такой задачи в УПК РФ, с его самодостаточной состязательностью, нет. Как нет в УПК России и такого необходимого принципа, ведущего к объективности, как всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Этот принцип закреплён в ст. 21 УПК РТ. В отличие от УПК РТ, в УПК РФ отсутствует термин «истина». И это закономерно, т. к. УПК России отражает иную правовую идеологию, основанную на возведении в абсолют принципа состязательности. Как утверждает Р.Р. Рахмаджонзода, «в настоящее время сдерживание преступности в России эффективным назвать нельзя» [217, с. 197]. Высказанное мнение отражает качественное отношение уголовно-процессуального законодательства к борьбе с преступностью и свидетельствует о его актуальном состоянии.

По правилам презумпции в уголовном процессе не должно быть разных целей и разных движущих сил. Как на практике принято и как устанавливает состязательный процесс, цель уголовного судопроизводства – установить сильнейшего (победителя) в правовом споре (поединке) сторон. Весь

уголовный процесс – это правовой спор сторон обвинения и защиты. Каждая из сторон отстаивает свою «правду» (правду стороны), но не объективную. Суд в уголовном процессе решает, чья позиция была убедительнее.

Напротив, целью презумпции невиновности является объективное и всестороннее расследование дела. Это также подтверждается в позиции Верховного Суда РТ: «При разбирательстве уголовных дел не всегда обеспечивается всестороннее и полное исследование обстоятельств по каждому эпизоду» [274, с. 340]. Это означает полное и достоверное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных (борьба с преступностью). Что касается движущих сил процесса, то состязательным уголовным процессом движет само состязание сторон. Движущую силу, объективную концепцию судопроизводства составляет объективно-познавательный процесс – доказательственного диалектического движения от незнания к знанию, от следствия к причине, от вероятности к достоверности, от тайного к явному, от версии к объективной истине. Вообще в основе теоретичного разграничения состязательной и объективной концепцией лежит материалистическая диалектика, которую мы в своем исследовании понимаем, как не зависящую от человека и человечества объективную всеобщую и универсальную закономерность, которую необходимо учитывать и в уголовном процессе. В учете диалектики мы видим залог подлинно научного подхода. Следует твердо соблюдать важнейшие требования диалектики о недопустимости стирания различий между противоположностями. Например, между добром и злом, черным и белым, правдой и заблуждением, презумпцией невиновности и презумпцией виновности [71, с. 57].

Именно материалистическая диалектика, на наш взгляд, требует четко отличать формально-юридическое и объективно-справедливое направления уголовного судопроизводства – как принципиально разные. Интересам диалектики отвечает объективно-справедливая концепция уголовного процесса, поскольку в ней диалектические противоположности отчетливо выражены. Объективно-справедливый процесс – это диалектический

(исследовательский) процесс. Например, между целью и средствами, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью, презумпцией невиновности и презумпцией виновности, неотвратимостью ответственности и безнаказанностью. Уголовный процесс, в котором права на презумпцию невиновности не обеспечиваются, мы относим к недиалектическому (неисследовательскому) виду процесса, поскольку он, по существу, в своей основе тавтологичен, а не диалектичен ввиду того, что его основу составляет подход «формально-юридический процесс». Учитывая практику применения уголовного процесса, Верховный Суд РТ даёт следующее разъяснение: «В целях выявления и представления доказательств и других обстоятельств лицо, осуществляющие уголовное преследование, обязано обеспечить реальное участие защитника» [276, с. 225].

Говоря о пределах действия принципа презумпции невиновности в названных концепциях уголовного процесса, подчеркнем, что предел действия презумпции невиновности в состязательном уголовном процессе ограничен самой состязательностью сторон, состязательным процессом, за который презумпция невиновности выйти не может. Именно через презумпцию невиновности, через констатацию её опровержимости или неопровержимости в конкретном правовом споре сторон определяется победитель поединка сторон. В свою очередь, пределом действия презумпции невиновности в объективной концепции уголовного процесса будет объективность как цель доказывания и цель всего уголовного судопроизводства.

В отличие от этого, в объективной концепции уголовного процесса значимость презумпции невиновности не формальная, а сущностно-активная, поскольку она требует от стороны обвинения достоверно, объективно-истинно доказать виновность обвиняемого. Указывая на ошибки органов предварительного расследования и судов, Верховный Суд РТ утверждает, что надзорные органы при изучении уголовного дела «не всегда своевременно выявляют и устраняют ошибки и нарушения закона» [274, с. 338]. И до тех пор, пока это не сделано, обвиняемый считается невиновным. Кроме того,

презумпция невиновности в состязательном уголовном процессе выступает единственно как гарант личности от произвола государства, от необоснованного осуждения. Вот как это в своё время выразил Г.С. Фельдштейн: «Предположение невиновности покоится на необходимости ограждения неприкосновенности лица в государстве» [94, с. 64].

С нашей точки зрения, это узкое, ограниченное понимание презумпции невиновности, которое целиком и полностью соответствует интересам состязательного уголовного процесса, тогда как в объектной модели уголовного процесса принцип презумпции невиновности обретает всё полное содержание, свою подлинную роль. В этой связи более точным видится высказывание В.И. Каминской: «Презумпция невиновности является не столько гарантией личности, сколько необходимой гарантией правосудия в обществе ... Значение презумпции невиновности – прежде всего в том, что она предоставляет собой необходимое условие нахождения истины по делу... одним лишь литературным стремлением облегчить положение обвиняемого в процессе такое требование объяснить нельзя. Основное его назначение в том, чтобы толкнуть мысль и деятельность лица, исследующего судебное дело, на всестороннее рассмотрение вопроса, исчерпывающее разрешение всех возможных гипотетических его решений. Но поскольку в судебном рассмотрении подлежащий исследованию вопрос непосредственно связан с жизненными интересами обвиняемого, его судьбой, постольку выполнение такого требования, являясь необходимой гарантией правильного приговора, представляет вместе с тем существеннейшую гарантию, ограждающую личность от произвола» [44, с. 197].

В объективной концепции уголовного процесса презумпция невиновности основана на системном подходе: права личности в таком процессе берутся не изолированно, не автономно, но непременно в системной связи с объективной истинной как общей высокой целью, а не сами по себе («права для прав»). Верховный Суд РТ верно указывает, что органы предварительного расследования и суды «не выполняют возложенную на них

законом обязанность выявлять причины и условия» [274, с. 337]. Установление причин и условий совершения преступления является основным требованием объективности при производстве по уголовным делам. Путем достижения объективности по делу гарантированно защищаются и законные права, и свободы личности. Презумпция невиновности выступает гарантом достижения справедливости и одновременно важным гарантом прав личности в уголовном процессе.

Для реализации принципа презумпции невиновности и предотвращения формализма в уголовном процессе Таджикистана, мы предполагаем необходимым и целесообразным следующее.

Авторский вариант уточненного понятия принципа презумпции невиновности в досудебном производстве по уголовным делам, на основании которого предложен данный принцип, понимать как законодательно закрепленное в нормах уголовно-процессуального законодательства базовое положение, сущность которого заключается в недопустимости предположений, не имеющих достаточных оснований, неприемлемости свидетельских и иных показаний без дополнительных подтверждений, в котором выражены необходимые требования о том, чтобы виновность задержанного, подозреваемого и обвиняемого была доказана всесторонне, полно и объективно в соответствующем предусмотренном порядке:

1) прокурор, следователь и дознаватель для того, чтобы не допускать обвинительного направления в следственных действиях, не имеют права собирать и предлагать только обвинительные доводы;

2) прокурор, следователь и дознаватель обязаны сами выдвигать любые защитные доводы в пользу невиновного и выявлять оправдывающие обстоятельства [276, с. 225], а в целях обеспечения принципа – провести всестороннее полное и объективное исследование обстоятельств дела и обеспечение права на презумпцию невиновности;

3) подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не обязан иметь платного адвоката, как это в данный момент происходит, а через прокурора,

следователя или дознавателя требовать свои права и участвовать в состязании со своими представителями во всех стадиях производства по уголовным делам.

1.3. Презумпция невиновности как объективное правовое положение

Презумпция невиновности закреплена в Конституции Республики Таджикистана, где сказано: «Никто не считается виновным в совершении преступления до выступления приговора суда в законную силу» [7]. Таким образом, презумпция невиновности обеспечивает права и свободы человека и гражданина во всех сферах жизнедеятельности страны. Презумпция невиновности как статья, как идейная основа института защиты прав человека и гражданина в судопроизводстве по уголовным делам, зиждется на понимании объективности отношения государства, закона и общества к обвиняемому и подозреваемому – вне зависимости от субъективного мнения властных участников уголовного судопроизводства. Она констатирует, что речь идет об объективно правовом положении, а не о субъективном мнении лица, осуществляющего уголовное преследование. Суть этого правового положения заключается в том, что закон, государство и общество считают человека невиновным, пока его виновность не будет доказана и установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Это положение более подробно прокомментировано Е.Ю. Бархатовой: «Объективное правовое положение обвиняемого, а не личное мнение того или иного лица, ведущего производство по делу» [32, с. 69]. Исходя из этого объективного правового положения, с обвиняемым нельзя обращаться как с виновным. Вслед за этим комментатор мотивирует свою позицию по отношению к лицу, осуществляющему производство по уголовному делу, таким образом: «Следователь, который формулирует обвинение, предъявляет его обвиняемому, составляет обвинительное заключение, и прокурор, который утверждает это заключение и приходит в суд поддерживать обвинение, конечно же, считают обвиняемого виновным, убеждены в этом, иначе они не

поступали бы таким образом» [32, с. 69]. Более того, добавим от себя, что субъекты, осуществляющие уголовное преследование, обязаны считать обвиняемого виновным, если они выносят об этом решение, в противном случае они совершают преступление – «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности» (ст. 348 УК РТ [13]). Объективная сторона данного преступления заключается в «действиях, направленных на привлечение заведомо невиновного в качестве обвиняемого, а именно в вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого или в составлении и утверждении обвинительного акта» [52, с. 127].

Субъективное отношение к обвиняемому как к виновному формируется не только у следователя, но и у руководителя следственного органа, с согласия которого уголовное дело с обвинительным заключением поступает к прокурору; у самого прокурора, который, изучив уголовное дело и итоговые решения органов предварительного расследования, утверждает обвинительное заключение (акт, постановление). Субъективное отношение к обвиняемому как к виновному формируется и у судьи, разрешающего уголовное дело по существу – оно, будучи результатом оценки собранных по уголовному делу доказательств, является необходимым условием вынесения обвинительного приговора. В противном случае, при отсутствии уверенности судьи в виновности подсудимого, при наличии сомнений в этом факте, судья обязан вынести оправдательный приговор.

Закон устанавливает следующее правило: обвиняемый не может считаться виновным, пока компетентный суд не вынесет судебное решение о виновности подсудимого своим обвинительным приговором. Эта норма в обязательном порядке должна соблюдаться всеми: и представителями власти, СМИ и обществом. Относиться к лицу по предположению, что оно виновно в совершении общественно опасного деяния – это безнравственно. Закон и государство наделяют определенными полномочиями правоохранительные органы для выявления его причастности к совершению преступления, даже предоставляют им возможность ограничивать его права и свободы в ходе

производства по уголовному делу. Но признавать человека виновным – это полномочие государством возлагается только на суд. Как это объясняется в комментарии к Конституции РФ: «Обвиняемого невиновным считает закон, который возможность признания его виновным связывает с обязательным проведением судебного разбирательства. И только тогда, когда такое разбирательство по делу состоялось, и вступил в законную силу вынесенный судом обвинительный приговор, государство принимает на себя ответственность за правильность признания подсудимого виновным и его осуждения».

Презумпция невиновности как объективное правовое положение распространяет свое действие во всех сферах общества, включая трудовое, образовательное и процессуальное направления. По этому вопросу встречается немало случаев, когда незнание такого жизненно важного положения приводит к трагическим последствиям в обществе.

Кроме этого, принцип презумпции невиновности как объективное правовое положение распространяется и на трудовые и образовательные права человека. К этому вопросу даёт разъяснения Н.А. Абдуллоев, он подчёркивает, что в любой отрасли права существуют презумпции, особенно в трудовом праве [100, с. 49-53]. В образовательных учреждениях также часто встречаются случаи исключения студентов из вуза по причине того, что в отношении них возбуждено уголовное дело, хотя еще решение суда не вынесено.

А в комментарии Конституции РФ под редакцией Л.В. Лазарева сущность презумпции невиновности как объективного правового положения объясняется более подробно: «Этот принцип сформулирован как уголовно-процессуальный, его действие выходит за рамки собственно уголовного процесса и требует от всех – не только от органов, осуществляющих уголовное судопроизводство (следователя, прокурора, суда), но и от других лиц (действующих в сфере трудовых, жилищных и прочих отношений) –

относиться к человеку, чья вина в совершении преступления не доказана во вступившем в законную силу приговоре, как к невиновному» [51, с. 165].

По мнению таджикского исследователя И.А. Бахромова, «презумпцию невиновности в уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать как версию стороны обвинения, которая будет проверена в суде в ходе исследования достаточности и достоверности доказательств, собранных без нарушения порядка, установленного УПК РТ» [104, с. 36].

На сегодняшний день особо остро стоит вопрос несоблюдения принципа презумпции невиновности как объективного правового положения непосредственно со стороны СМИ. В юриспруденции существуют разные термины, определяющие правовой статус лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело и осуществляется производство: «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый». Но в силу презумпции невиновности, эти статусы означают лишь предположение о возможном совершении преступления лицом, но, отнюдь, не констатируют его виновность, что не учитывают представители СМИ, нарушающие презумпцию невиновности как объективное правовое положение. СМИ не имеют права делать выводы и считать человека виновным или преступником, ссылаясь на решения правоохранительных органов о возбуждении уголовных дел, о задержании, опираясь на информацию, что лицо подозревается, обвиняется в совершении преступления или находится в зале судебного заседания в качестве подсудимого.

Журналисты часто неверно понимают термины «подозреваемый», «обвиняемый» и нарушают принцип презумпции невиновности, называя «преступником» или «убийцей» гражданина, «подозреваемого в преступлении», или, конкретно, «подозреваемого в убийстве». Именно поэтому профессор З.Х. Искандаров подчеркивает, что «лицо, признанное следствием или судом невиновным, наряду с правом на полное возмещение причиненного ему ущерба, может требовать от средств массовой информации сообщения о его реабилитации – опровержения опубликованных сведений, не

соответствующих действительности и порочащих его честь и достоинство, в том числе публикацию в том же средстве массовой информации» [41, с. 137].

Данная проблематика актуальна в Таджикистане. Как пишет А.И. Миракова, «уголовно-процессуальное право изначально основано на презумпции добросовестности, рациональности и справедливости действий субъектов гражданского оборота» [130, с. 171].

Например, на канале таджикского телевидения, в криминальной программе первого канала РТ, транслировался сюжет об убийстве жены и ребенка отцом в районе Б. Гафурова Таджикистана. Мужчина в момент трансляции находился под подозрением, ему еще не было предъявлено обвинение, однако диктор неоднократно называл его преступником, формируя тем самым недостоверные суждения у зрителей [247].

Обвинение должно быть связано, прежде всего, с доказыванием вины лица. Это четко прописано в Конституции Таджикистана (ч. 1. ст. 20), Международном пакте о гражданских и политических правах: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность не будет доказана согласно закону» [2].

Принцип презумпции невиновности в качестве правового положения был установлен в уголовно-процессуальном законе Таджикистана, и отличается от трактовки презумпции невиновности, которая нашла свое отражение в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и в принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщей декларацией прав человека. Презумпция невиновности в ст. 11 данной декларации установлена более подробно: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [1].

Суть последнего состоит в том, что презумпция невиновности подразумевает объективность, бесприютность, всесторонность и полноту, доказанность обеспечение лиц, привлекающийся к уголовному

преследованию, всеми возможностями на защиту, как это утверждал выдающий советский ученый М.С. Строгович: «Это совокупность всех прав, которые закон предоставляет обвиняемому для защиты от предъявленного ему обвинения и которые обвиняемый использует для оспаривания обвинения, для предоставления доводов и доказательств в свое оправдание или для смягчения своей ответственности» [83, с. 342]. Профессор М.С. Строгович так подчеркивал объективный характер презумпции: «Презумпция невиновности означает не субъективное мнение участника процесса о виновности обвиняемого, а объективное правовое положение: закон считает обвиняемого невиновным, пока те, кто считают обвиняемого виновным, не докажут, что он действительно виновен» [83, с. 342]. В таком же русле определяет презумпцию и Г.А. Печников: «Презумпция невиновности – это не субъективное убеждение кого-либо из участников уголовного процесса о невиновности обвиняемого, а объективное правовое положение, требование закона, в соответствии с которым обвиняемый (подозреваемый, подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [210, с. 5].

Многие авторы рассматривают влияние правовых презумпций на определение объема предмета доказывания. Правовые презумпции или сужают или расширяют объем предмета доказывания по делу, исключают из доказывания определенные факты (обстоятельства). В силу конституционных положений (Конституции РТ и других стран) обвиняемый считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому при возбуждении, расследовании и рассмотрении уголовного дела в судебном порядке вышеизложенные основания позволяют избегать процессуальных ошибок [147, с. 844]. Справедливо отмечает профессор М.С. Строгович, что «совершенно недопустимо и ошибочно как в теоретическом, так и в практическом отношении отождествление обвиняемого с виновным,

обращение с обвиняемым как с уже изобличенным преступником» [81, с. 35].

Считать обвиняемого невиновным – это не только требование уголовно-процессуального закона: Конституция РТ также требуют в строгом порядке соблюдать это важное, установленное на уровне международных правовых актов положение. И поэтому соблюдение конституционных прав граждан является приоритетом каждого государства, подчеркнул таджикский ученый Н.А. Нозиров: «На современном этапе необходимо создавать условия, гарантии и механизмы для реализации конституционных прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве РТ» [207, с. 25].

Презумпция невиновности как объективное правовое положение, требует от всех участников уголовного процесса, которые осуществляют уголовное преследование, не считать лицо, подвергаемое преследованию, виновным, запрещает обращаться с ним как с преступником. Однако это требование по-особому высвечивает роль прокурора, утверждающего обвинительное заключение: он не должен формировать обвинительный уклон; напротив, он обязан надзирать за исполнением законов в деятельности органов предварительного расследования, проверять на предмет законности и обоснованности их процессуальные документы. Как это мы раньше отмечали: «В соответствии с принципом презумпции невиновности прокурор обязан привести оправдательные доказательства вместе с обвинительными уликами, чтобы не допустить обвинительного уклона процессе расследования по уголовному делу». Аналогичную позицию занимает в этом Е.Н. Гринюк, который пишет, что «прокурор осуществляет правообеспечительную деятельность, благодаря которой создается такой режим правоприменения в досудебном производстве, при котором на должном уровне обеспечиваются права и законные интересы участников досудебного производства» [178, с. 170].

Характеризуя презумпцию невиновности, следует отметить не только то важное обстоятельство, что она отражает объективное положение преследуемого лица в уголовном судопроизводстве. Для понимания правовой

природы презумпции невиновности нужно рассмотреть ряд аспектов, раскрывающих ее глубинные, сущностные признаки. Прежде всего, следует акцентировать внимание на субъектном аспекте презумпции невиновности, который можно рассматривать двояко: 1) с позиции тех властных субъектов, которые должны выстраивать свою уголовно-процессуальную деятельность по правилам, вытекающим из презумпции невиновности; 2) с позиции субъектов, на которых распространяет свое охранительное действие презумпция невиновности.

Относительно первой группы субъектов мы выше упоминали, как это объективное правовое положение должно влиять на правоприменителей, на осуществление ими уголовного преследования.

По второй группе субъектов: что касается термина *«обвиняемый»*, то он является собирательным в уголовном судопроизводстве. Поэтому, употребляя слово *«обвиняемый»* в контексте презумпции невиновности, имеют в виду подозреваемого, подсудимого, осужденного, оправданного или лицо, дело, в отношении которого было прекращено судом, то есть любое лицо, в отношении которого осуществлялось или осуществляется уголовное преследование.

Кроме субъектного аспекта презумпции невиновности, ее сущность раскрывает еще и гносеологически-доказательственный аспект, который мы попытаемся охарактеризовать далее.

Статус данного принципа в уголовном судопроизводстве имеет большое значение. Он определяет статус лица, привлеченного к уголовному расследованию, как добросовестного и невиновного человека до вступления в законную силу приговора суда. Он также требует от органов, ведущих уголовное расследование, всестороннего и объективного расследования, не позволяя им возложения на подозреваемого или обвиняемого бремя доказывания. Этим органам запрещается применять запрещенные методы добывания доказательств вины лица, привлеченного к уголовному расследованию, или использовать все сомнения ни в его пользу. По мнению

А.Ю. Серикова, освобождая сторону от доказывания резюмируемого факта, презумпция исключает его из предмета доказывания, то есть сокращает его объем [77, с. 82-88; 79, с. 22-23]. Право на презумпцию невиновности и производный от него принцип *ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat* (бремя доказывания лежит на обвиняющем, а не на лице, которое отрицает) является правом обвиняемого, признанным в законодательстве почти всех стран мира.

Виновность обвиняемого должно быть доказано со стороны лиц, ведущих уголовное расследование, и никто не может принудить обвиняемого к предоставлению доказательств его виновности. Право на презумпцию невиновности содержится во всех значимых международно-правовых инструментах, которые признают это право, как основополагающий элемент и как право обвиняемого, имеющее место на всем протяжении стадий уголовного судопроизводства.

Обычно правовые презумпции вводятся в отношении тех фактов, доказать которые затруднительно или невозможно. А факт-основание презумпции отличает обычность, и доказать его не представляет труда. Это доказывание облегчает и сокращает обосновывающую деятельность стороны по отношению к резюмируемому факту [77, с. 101] в тех случаях, в которых учитываются положения, закрепляемые презумпциями [30, с. 81; 85, с. 111; 47, с. 187].

Преюдиция вступает в качестве предмета подтверждения с помощью принципа презумпции невиновности. Обстоятельства, которые установлены в результате судебного разбирательства, в соответствии с требованиями принципа презумпции невиновности автоматически признаются со стороны суда, прокурора и следователя без дополнительной проверки. Принцип презумпции невиновности в рамках производства по уголовным делам ни в коем случае не разрешает проводить расследование и процесс доказывания в сокращенном или упрощенном порядке. Осуществление процесса доказывания в сокращенной или упрощенной форме направлен на то, чтобы

опровергнуть принцип презумпции невиновности. Также пишет О.Т. Тохирзода, на стадии предварительного расследования те обстоятельства, которые способствуют установлению виновности обвиняемого в совершении преступления, должны проходить объективно и строго с требованиями уголовно-процессуального закона [224, с. 13], в противном случае виновность лица не будет доказана, а право на презумпцию невиновности - опровергнута. "Верховный Суд РТ рекомендует органам предварительного расследования и судам обращать особое внимание на личность обвиняемого, чтобы к уголовной ответственности привлекались настоящие преступники [273]. Поскольку в случаях групповых преступлений настоящие исполнители нередко уклоняются от наказания, Верховный Суд страны требует уделять особое внимание личности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Многие организованные преступники с целью избежать уголовной ответственности и скрыть тяжкие преступления направляют наёмников, которые соглашаются на сотрудничество со следствием в рамках сокращённой или упрощённой процедуры доказывания.

Как было отмечено выше, принцип презумпции невиновности не разрешает суду и следствию принимать обвинительное решение о виновности человека в сокращенной или упрощенной форме доказывания, и на основе личного убеждения. В связи с этим, следует согласиться с А.Ю. Кирьяновым, что «презумпция невиновности требует доказанности всех фактов, которые относятся к обвинению» [46, с. 22].

Многие авторы раскрывают влияние правовых презумпций на правила распределения бремени доказывания в различных видах судопроизводства. Например, В.К. Бабаев говорит о влиянии опровержимых презумпций на освобождение одной из сторон или на ее обременение обязанностью доказать определенные обстоятельства по делу [85, с. 81-84; 67, с. 28-30; 30, с. 81]. Лицо, которое нарушило обязательство, должно доказать свою невиновность в соответствии с действующей в гражданском праве презумпцией его вины.

Бремя доказывания вины обвиняемого в уголовном процессе лежит на стороне обвинения, так как действует презумпция невиновности обвиняемого.

В литературе рассматривается вопрос, связанный с влиянием презумпций на установление достоверности одних фактов на основании доказанности других. Так, презумпция устанавливает направление поиска достоверности и объективности, связанной с опровержением первоначального предположения. Если деятельность по опровержению презумпции безрезультатна, то можно считать, что презумпция определила результат познания [150, с. 55-58].

Презумпция как правовое положение оказывает влияние на другие положения таджикского права и процесса. Так, презумпция истинности приговора, который вступил в законную силу, обуславливает ограничение возможностей его пересмотра в последующих стадиях процесса, придает стабильность системе судебных решений. Презумпция невиновности и те положения, которые с ней связаны, играют ведущую роль в доказывании, защите прав граждан. Презумпция невиновности, взаимодействуя с принципом состязательности, является конституирующим положением для уголовного процесса, который определяет взаимоотношения обвинения и защиты, а также другие положения уголовного процесса.

Одна из особенностей презумпции невиновности – отсутствие признака высокой вероятности содержавшегося в презумпции предположения. Это, по мнению некоторых ученых, позволяет ее отнести к правовым фикциям. А.Ю. Кирьянов придерживается точки зрения, в соответствии с которой презумпция невиновности относится к особому виду правовых презумпций – «квазипрезумпциям».

В уголовном процессе презумпция невиновности выступает в качестве базового принципа. Эта черта определяет такие ее особенности, которые связаны с доказыванием, осуществляемым стороной обвинения, как направленность процесса доказывания, осуществляемого стороной обвинения, опровержения презумпции невиновности, влияние презумпции невиновности на достоверность доказывания виновности лица в совершении преступления.

Профессор М.С. Строгович справедливо отмечал: «Виновным может быть признано лицо, чья вина доказана. Пока вина не доказана, человек считается невиновным» [81, с. 143]. Согласно принципу презумпции невиновности следственные органы, прокуратура и суд могут сделать вывод о том, что обвиняемый виновен в той мере, в какой эти выводы подкрепляются доказательствами.

Презумпция невиновности, как объективное правовое положение, определяет и направляет действия ведущих производства по уголовному делу должностных лиц, органов расследования, прокуратуры и суда, их отношение к обвиняемому – каково не было бы состояние собранных по делу доказательств, каково не было бы мнение, убеждение того или иного субъекта уголовно-процессуальной деятельности относительно виновности обвиняемого: по любому уголовному делу, должно быть обеспечено всестороннее полное и объективное исследование обстоятельств дела [82, с. 36, 41].

Но презумпция невиновности, как объективное правовое положение, по-настоящему достигается, если, на наш взгляд в основе уголовного процесса лежит объективность достоверность. Без объективности значение презумпции невиновности, как объективного правового положения, безусловно, снижается. Поэтому к презумпции невиновности как к объективному правовому положению идеально подходит к тому процессу, который придерживается всесторонности, объективности расследования по уголовному делу, исходя из объективности и полноценности тенденции, которая в нем заключена.

И совсем другое дело – состязательная модель уголовного процесса, к которой мы относим уголовный процесс России, поскольку он основан на самодостаточной состязательности, не ориентированной на достижение объективного знания о существе дела. Данный подход, с нашей точки зрения, исключает объективность, делает ее «неудобной», излишней, так как все поставлено в прямую зависимость от состязания сторон и их силы. Стороны

обвинения и защиты в состязательном процессе не ищут объективность, а каждая из сторон стремится во чтобы то ни стало, выиграть дело в свою пользу, одолеть своего процессуального противника.

Презумпция невиновности требует достоверно доказывать вину обвиняемого, если это вытекает из фактических обстоятельств уголовного дела, а для этого необходимо исследовать материалы дела всесторонне, полно и объективно. Учитывая практические недостатки расследование уголовных дел на стадии предварительного расследования и судебного процесса Верховный Суд РТ высказывает свою позицию следующим образом: «органы предварительного расследования и суды должны уделять особое внимание обеспечению своевременного и обоснованного проведения предварительного расследования, чтобы привлекать к уголовной ответственности настоящего совершившего преступления» [275]. Соответственно, данное требование должно быть нормативно закреплено и должно ориентировать субъектов доказывания на этот результат. В ч.1 ст.21 закреплено: прокурор, следователь, и дознаватель обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Выявить улучшающие, оправдывающие, отягчающие и смягчающие обстоятельства и определить ответственность обвиняемого.

Согласно ч.2 ст.21 УПК РТ: все подлежащее доказыванию обстоятельства дела должны быть исследованы всесторонне, полно и объективно. Полноты исследования обстоятельств дела требует от должностных лиц, ведущих уголовный процесс, также и ч. ч.4 и 5 ст.21 УПК РТ. Это именно тот объективно необходимый путь, который ведет к объективности и достоверности, как к общей цели уголовного процесса и цели доказывания по уголовным делам.

Именно такой объективно-достоверный подход в уголовном процессе позволяет говорить о презумпции невиновности как об объективном правовом положении. Поэтому, совсем не случайно, в той же ст.21 УПК РТ при регламентации принципа о всестороннем, полном и объективном

исследовании обстоятельств дела, таджикский законодатель в ч.2 указанной статьи выходит на принцип презумпции невиновности, используя его элементы для закрепления важных положений принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела: «Суд, судья, прокурор, следователь, и дознаватель не вправе перелагать обязанность доказывания невиновности на обвиняемого» [10]. Тем самым таджикский законодатель подчеркивает неразрывную, диалектическую взаимосвязь принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела с принципом презумпции невиновности – как двух объективно необходимых средств, которые ведут к объективной истине в уголовном процессе.

Но в уголовном судопроизводстве РТ есть положение, касающееся широких полномочий суда: в ч.1 ст.35 УПК РТ «сохранилось принадлежащее ему с советских времен право возбуждать уголовное дело и направлять его для проведения предварительного расследования в соответствующие подведомственные органы в случаях, предусмотренных УПК РТ» [98, с. 18]. Указанное полномочие суда, даже после некоторых законодательных правок все ещё вызывает различные споры между таджикскими и зарубежными учеными. По данному поводу существуют разные мнения, поляризация которых сосредоточена вокруг функций суда (судьи). Сторонники состязательной модели уголовного судопроизводства полагают, что суд не может быть органом уголовного преследования, так как в состязательном уголовном процессе это не приемлемо и противоречит роли суда, как органа правосудия, беспристрастно разрешающего уголовное дело. Тем самым принцип презумпции невиновности во многом зависит от деятельности суда, как написал Г.К. Смирнов, но он подчеркнул, что в состязательной модели уголовного судопроизводства суду фактически отводится роль пассивного наблюдателя процессуального противоборства сторон: он выслушивает, воспринимает те доказательства, которые представили ему стороны и выносит решения на основании того, чья позиция была более логически

аргументирована, а чем плоха чистой состязательности [262]. Стоит подчеркнуть, что уголовный процесс РТ не является «полем проявления чистой состязательности» и тяготеет более к объективности и достоверности процессуальной модели производства по уголовным делам.

Теперь мы рассмотрим мнения других ученых по этому поводу. «Обстоятельство, что судье и суду предоставлено УПК право возбуждать уголовные дела ни в коем случае нельзя считать основанием отнесения судьи к органам, осуществляющим уголовное преследование», полагают Профессора Н.А. Якубович, А.Б. Соловьев [148, с. 79]. Профессор Э.Ф. Побегайло заключает, что «широко встречающийся на практике обвинительный уклон в деятельности суда в состязательном процессе совершенно недопустим, к сожалению, суд все еще выступает в качестве покровителя одной из сторон, чаще всего стороны обвинения» [139, с. 114]. Другой ученый-правовед – С.А. Шейфер, критически обосновывает свою позицию следующим образом: если суд приобретет право на возбуждение уголовного дела, то он фактически присоединится к обвинительной деятельности прокурора, что изначально ставит под сомнение его беспристрастность и объективность [96, с. 79-80]. Таджикский ученый Р.Р. Рахмаджонзода пишет следующее: «Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены нарушения прав и свобод граждан, а также нарушения положений закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении дела судом, суд, судья могут вынести в отношении лиц, допустивших упущение, частное определение (постановление)» [141, с. 63]. Верховный Суд РТ также объясняет, что суд при расследовании уголовных “О хищении и незаконном обороте оружия...”: “Судам необходимо тщательно проверять правильность применения органами предварительного расследования законодательства связным с незаконным оборота оружия» [275]. Здесь Верховный Суд замечает неправильности и несоответствия в применении закона при квалификации преступления, что может привести к незаконному привлечению к

ответственности невиновных, и требует чёткого применения закона при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Профессор З.Х. Искандаров также отмечает: «Суды должны вести судебный процесс, не создавая у себя и вокруг себя предварительного мнения о виновности подсудимого» [184, с. 3]. Это для того, чтобы обвиняемый не имел никого особого внешнего признака виновного человека.

Исходя из норм уголовно-процессуального закона РТ «суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты» (ч.2 ст.20, и ч.15 ст. 30 УПК РТ). В соответствии с принципом презумпции невиновности как объективным правовым положением, не только орган следствия и прокурор, но и суд также, до конца судебного процесса и до постановления им итогового решения на основе изучения, исследования доказательств и заслушивания позиций сторон в ходе состязания, не имеет права проявлять обвинительный уклон и считать подозреваемого, обвиняемого или подсудимого виновным. Такое решение суд принимает только по итогам слушания стороны и тщательным изучении всех представленных доказательств по делу, когда сторонам будет предоставлена возможность донести до суда свою позицию, обосновать ее доказательствами, опровергнуть в честном состязании с соблюдением равенства прав доводы противоположной стороны.

«Убежденность следователя, органа дознания и прокурора в виновности обвиняемого является исключительно субъективной уверенностью в виновности обвиняемого на основании собранных в стадии расследования доказательств» [112, с. 30].

Если презумпции невиновности, как объективное правовое положение не обусловлено мнением должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, то тем самым она диктует им быть объективным, непредвзятыми при расследовании уголовных дел – в этом верный залог обеспечения качественного расследования материалов дела, гарантия минимизации следственных ошибок.

Что же касается состязательного положения презумпции невиновности, как объективного правового положения, в уголовном процессе по состязательному типу, отраженный в УПК России, то она основана, естественно, не на объективной концепции, а на состязательно-выигрышной, что в свою очередь, побуждает стороны иметь перед собой только одну цель (один правовой интерес – выиграть дело у своего процессуального противника). Тут уж не до объективности. У состязающихся сторон проявляется выигрышная предвзятость, состязательно-выигрышная односторонность. У стороны обвинения, с нашей точки зрения, это выливается в определенный обвинительный уклон, который не совместим с соблюдением принципа презумпции невиновности. Ведь главное для сторон – выигрыш дела, а не поиск настоящего виновного и объективного расследования. Отсюда, как видится, в состязательном уголовном процессе неизбежно происходит отход от презумпции невиновности как объективного правового положения, в виду того, что презумпция невиновности в состязательном процессе начинает зависеть от силы сторон и их состязательно-выигрышного интереса. Как уже презумпция невиновности в состязательном уголовном процессе приобретает чисто формальное значение. Она просто констатирует исход поединка сторон, кто из них был сильнее в споре – сторона обвинения или сторона защиты. Или иначе: опровергла или не опровергла сторона обвинения презумпцию невиновности обвиняемого или не опровергла?

Однако по своей подлинной природе презумпция невиновности как объективное правовое положение неразрывно связано с содержательной (а не с чисто формальной) её стороной. Но содержательная сторона презумпции невиновности, с нашей точки зрения, по-настоящему раскрывается в объективном и всестороннем анализе уголовного процесса. Значит, только в таком варианте уголовного судопроизводства презумпция невиновности способна обрести свою настоящую силу и сущность как объективное правовое положение, обеспечивающее объективность при расследовании уголовных дел, как подчеркнул президент России В.В. Путин, «давайте будем

руководствоваться не эмоциями, а фактами, без представления достаточных и достоверных доказательств, никто не имеет права обвинить человека» [250]. Если же презумпция невиновности поставлена в прямую и непосредственную зависимость от силы сторон и их выигрышного интересов уголовном процессе, то, как отмечено выше, значимость презумпции невиновности как объективного правового положения существенно снижается.

Презумпция невиновности как объективное правовое положение имеет важное практическое значение. Она мобилизует усилия следователя, дознавателя на всестороннее, полное и объективное установление виновности обвиняемого. «Объективность важна не сама по себе, она имеет основополагающее практическое значение. Объективное установление того, что произошло в реальной действительности, гарантирует признание виновным в совершении преступления действительно виновного и оправдание невиновного» [29, с. 27].

Нельзя оторвать презумпцию невиновности от объективности, как нельзя оторвать объективность от презумпции невиновности. Если брать последнее, то в ее подлинном, действительно природном значении, которое презумпция невиновности способна иметь лишь в объективной концепции уголовного процесса. Но на практике уголовного судопроизводства, исходя из нашего теоретического исследования, самодостаточная состязательность отрицает, взаимно исключает достоверность и, тем самым, отрывает презумпцию невиновности от реальных случаев и замыкает ее на себе, т.е. на самодостаточной состязательности, делает презумпцию невиновности «осостязательствованной», подчиняя ее себе как самоцели.

Как отмечается в юридической литературе, в состязательном типе уголовного процесса «презумпция невиновности вполне сочетается только с принципом юридической (судебной) истины, что в единстве образует способ установления и удостоверения объективности по делу. Таким образом, как свобода формирования сторонами доказательственного материала процесса и презумпции невиновности не могут иметь никаким другим следствием, как

только юридическую справедливость в качестве принципа состязательного процесса» [92, с. 91].

По этому поводу в США проводили научное исследование, которое показало, что более 25% американцев, признавшихся в преступлении, попали в тюрьму из-за ошибок следствия, и ДНК подтвердили их невиновность», а в Штатах оправдательные приговоры составляют всего 3% в год [261]. В Российской Федерации оправдательные приговоры составляют также 3%. США является страной, где прочно укоренилась состязательная модель уголовного судопроизводства.

Поэтому презумпция невиновности в уголовном процессе зависит от позиций и возможностей сторон. Сторона защиты сильная – презумпция невиновности не опровергается, сторона обвинения сильная – презумпция невиновности опровергается, и по этой причине она не может действовать как объективное правовое положение. Прав А.П. Блинков, который заметил, что «все это приводит к исключению достоверности и справедливости выводов следствия и суда [105, с. 79].

Действие принципа презумпции невиновности в уголовном процессе, могут менять направление деятельности следователя по выявлению, раскрытию преступления и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Например, следователь как доминирующая фигура на предварительном расследовании в объективно-истинном процессе исполняет функцию расследования уголовного дела, а его функция в состязательном уголовном процессе проявляется в том, что он является обвинительной стороной, он должен выиграть дело и привлечь к уголовной ответственности лицо, в отношении которого ведет расследование. Восстановление объективности, всесторонности и полноты исследования его не интересует, как это отмечает А.П. Блинков, «сами вопросы о том, опровергла или не опровергла сторона обвинения (следователь) презумпцию невиновности обвиняемого в состязательном уголовном процессе ставится не с позиции установления объективности по уголовному делу, достоверного

опровержения презумпция невиновности, а с позиции выигрыша-проигрыша дела стороной в процессе» [173, с. 179]. Следователь в состязательном типе производства по уголовным делам как сторона обвинения опровергает принцип презумпции невиновности, чтобы отстаивать свою позицию и доказать, что дело выиграно, не обращая внимание на установление реальной картины преступления. К этому его подхлестывают и показатели ведомственной статистики.

Думается, что подобное отношение к презумпции невиновности производстве по уголовному делу ставит под сомнение действие презумпции невиновности как объективного правового положения. Вопрос о реализации принципа презумпции невиновности в состязательном типе уголовного судопроизводства ставится не с позиции виновности или невиновности обвиняемого в соответствии с достоверностью установления картины преступления, а с позиции стороны обвинения и защиты: у кого мотивированная и обоснованная позиция, кто убедит суд, так и решается дело в пользу стороны. «Таким образом, в состязательном процессе «осостязательствованно» и само опровержение или «неопровержение» следствием презумпции невиновности обвиняемого» [173, с. 179]. В подобном случае принцип презумпции невиновности находится в нейтральном положении, какая из сторон обладает более сильной позицией – на ту сторону и «становится» презумпции невиновности. Если это сторона обвинения, названный принцип трансформируется в презумпцию виновности, а если это сторона защиты, то рассматриваемая презумпция будет действовать как презумпция невиновности, и в тот же самое время может стать причиной для уклонения от уголовной ответственности настоящего преступника.

Стоит подчеркнуть, что на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в нынешнем уголовном процессе Таджикистана этот механизм работает по-другому. Так, на досудебных стадиях по уголовным делам в Таджикистане реализована смешанная модель процесса, где доминирующим субъектом является дознаватель, следователь, а

полномочия стороны защиты на проведение процессуальных мероприятий ограничены ходатайствами и жалобами. Следователь обладает преимуществами в процессуальных полномочиях по сравнению со стороной защиты, так как он имеет все возможности для сбора доказательств досудебных стадиях. А стороне защиты предоставляется такая возможность исключительно в судебном процессе – и только там начинается сбор доказательств. Опровержение презумпции невиновности на предварительном следствии следователем, приводит к «одностороннему и неполному судебному следствию, в ходе которого остаются невыясненными обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда и установление объективной истины по уголовному делу» [240].

Объективный смысл принципа презумпции невиновности в отличие от состязательного типа уголовного, на наш взгляд, разъяснен в комментарии к УПК России: «При рассмотрении дела в суде первой инстанции презумпция невиновности обязывает судью (суд) к беспристрастному и полному исследованию всех обстоятельств дела несмотря на то, что органы расследования уже сформулировали, предъявили и обосновали обвинение [38, с. 67]. Собственно это презумпция представляет собой конституционный, но признанный противовес обвинительному уклону в судебной практике, который приводит к тому, что суд соглашается с выводами расследования или в лучшем случае лишь осуществляет их проверку, т.е. исходя из обвинительного тезиса, вместо того чтобы руководствоваться при оценке достаточности доказательств обвинения презюмируемой невиновностью лица, которая может быть опровергнута только на основе непосредственного исследования доказательств в судебном заседании. Без этого презумпция невиновности не действует в суде ни как объективное правовое положение, ни даже как логический прием исследования доказательств, сужаются функции судебной власти и роль правосудия как гаранта прав и свобод ... такое сужение роли суда не согласуется также с самостоятельностью и независимостью судебной власти» [50, с. 456].

Следовательно, если понимать презумпцию невиновности как объективное правовое положение в ее подлинном свете (в действительности так, как и надо ее понимать), то она неразрывно связана с беспристрастным и полным исследованием всех обстоятельств дела, поскольку представляет собой «конституционно признанный противовес обвинительному уклону» не только в судебной, но и в следственной практике. При этом требуется исходить из того, является ли презумпция невиновности настоящим противовесом обвинительному уклону (презумпции виновности) либо она не препятствует ему в должной мере и тем самым содействует ему. Такое, с нашей точки зрения, возможно, если презумпция невиновности «осостоятельностью», т.е. не противостоит по-настоящему односторонней обвинительной процессуальной деятельности следователя, дознавателя, что характерно для состязательного уголовного процесса. Следовательно, в своем истинном понимании презумпция невиновности как объективное правовое положение указывает на несовершенство действующего УПК РТ, довольствующегося «чистой состязательностью» несмотря на то, что во главу угла в уголовном процессе необходимым ставится поиск объективности (УПК РТ этому требованию стремиться соответствовать), а не стремление каждой из сторон доказать свои состязательно-выигрышную правоту. Несмотря на то, что УПК РТ тяготеет к объективному судопроизводству состязательность является конституционным принципом и требует конкретную реализацию в правоприменении по уголовным делам. Как рекомендует Верховный Суд РТ судебной коллегии по уголовным делам: «усилить надзор за соблюдением судами республики конституционного принципа состязательности и равноправие сторон, строго разграничивающего функции суда от функции стороны обвинения и защиты ...» [276].

Не форматизированная «осостоятельностью» презумпция невиновности, а объективная презумпция невиновности и как настоящая фактическая гарантия законных прав и свобод личности и подлинного правосудия требует объективной справедливости в уголовном процессе.

Соответственно и личность в уголовном процессе (подозреваемый, обвиняемый) должна иметь право на презумпцию невиновности как объективное правовое положение.

Как видится, без такой «высокой объективно-справедливой планки» УПК РТ неизбежно будет сдавать свои позиции подлинной состоятельности и объективной справедливости, и будет становиться простой игрушкой узко прагматических, состязательно-выигрышных интересов сторон, которые в силу своего состязательно-выигрышного интереса не могут не быть непредвзятыми.

Комплексное исследование теоретических и практических задач принципа презумпции невиновности как объективное правовое положение и его совершенствование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства РТ позволяет нам сформулировать следующие выводы:

1) Дознаватель, следователь и прокурор обязаны не допускать обвинительного направления в проводимых следственных действиях, которое в итоге приводит к собиранию, проверке, оценке и использованию только обвинительных доказательств.

2) Дознаватель, следователь и прокурор обязаны в целях обеспечения принципа презумпции невиновности как объективного правового положения проводить всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела, и обеспечивать выдвижение любых оправдывающих доказательств в пользу невиновного.

3) Предполагать обвиняемого виновным имеют право только следователь (дознаватель), который расследует уголовное дело, и прокурор, который утверждает обвинительное заключение по своим внутренним убеждениям только в пределе уголовного судопроизводства, а также они не вправе публично объявлять о виновности обвиняемого, пока обвинительный приговор суда не вступит в законную силу.

4) УПК РТ не требует неоспоримых доказательств вины для того, чтобы считать человека виновным – решающим фактором в признании лица

виновным выступает приговор суда. Поэтому мы считаем необходимым пересмотреть нынешнюю формулировку презумпции невиновности и привести ее в соответствие с требованием Всеобщей декларации прав человека о необходимости доказательства вины в ходе судебного процесса: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [1], и поэтому представляется целесообразным закрепить эти важные положения в ст. 20 Конституции РТ [7].

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

2.1. Принцип презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела

Логика объективного направления уголовного процесса исходит из того, что процесс познания объективности осуществляется по спирали.

Первый виток ее познания следователь производит на стадии возбуждения уголовного дела, на уровне достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Второй, более глубокий, виток познания объективности следователь делает при привлечении лица в качестве обвиняемого – при наличии достоверных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления.

Третий, итоговый, виток познания объективности на предварительном следствии предшествует обвинительному заключению, когда следователь признает, что «все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения». Когда следователь убежден, что вина обвиняемого в преступлении достоверно доказана.

В свою очередь суд проделывает свой самостоятельный *виток* познания объективности при твердом соблюдении принципа презумпции невиновности.

В отличие от этого познавательного процесса, в состязательном уголовном процессе стороны озадачены проблемой – выигрышем дела в свою пользу, стремлением не проиграть поединок противоборствующей стороне – быть сильнее её. Поэтому в узкие рамки выигрышного состязания объективность совсем не «вписывается».

Для нас важно, что для объективного уголовного судопроизводства стадия возбуждения уголовного дела – это только начало реализации

уголовного преследования стороной обвинения в целях изобличения лица в совершении преступления.

Следует отметить, что основы для реализации принципа состязательности сторон в состязательном уголовном процессе закладываются уже на стадии возбуждения уголовного дела, с которой начинается уголовное преследование лица. «Законодатель допускает активное собирание доказательств, изобличающих лицо в совершении преступления, уже в первой стадии уголовного судопроизводства» [174, с. 7]. Это неизбежно сказывается и на «явке с повинной»: «явка» рассматривается не только как повод для возбуждения уголовного дела, и не как неотъемлемая составляющая процесса установления объективности, а как особое, «стоцентное» доказательство виновности лица в преступлении.

Кроме того, в этой стадии возможен не вполне обоснованный, т.е. незаконный, отказ в возбуждении уголовного дела – в состязательных интересах.

Уголовно-процессуальная политика Таджикистана строится на идеологии правового государства, защищающего своих граждан от возможного произвола правоохранительной системы в целом, но при этом обеспечивающего нормативными средствами защиту прав и законных интересов организаций и граждан, потерпевших от преступлений [101, с. 83]. Действительно, там, где есть уголовное преследование в целях изобличения лица в совершении преступления, там всегда одновременно появляется и стремление стороны обвинения отождествить лицо с виновным, всегда существует опасность презюмировать виновность лица, заменить презумпцию невиновности презумпцией виновности. Отсюда – требование твердого, неуклонного соблюдения принципа презумпции невиновности уже на стадии возбуждения уголовного дела. Особенно это важно и актуально в уголовном процессе состязательного варианта.

И к «явке с повинной», и к «признанию лицом вины» следует относиться не как к отвлеченным сугубо самостоятельным правовым институтам (какими

они являются с нашей точки зрения), а их необходимо оценивать в качестве составных частей установления общей цели – изобличения и привлечения к уголовной ответственности настоящего преступника. В этом заключен объективно необходимый системный подход.

Отрыв, изоляция «явки с повинной» и «признания вины» от общей цели неизбежно ведет к обвинительному уклону, к необъективности в расследовании уголовных дел, вплоть до применения пыток на практике в интересах признания вины и получения явки с повинной; грубейшему нарушению презумпции невиновности.

Поэтому и «явку с повинной», и «признание вины» необходимо рассматривать как неотъемлемую часть процесса доказывания, познания объективности в уголовном процессе. Что характерно для объективного уголовного процесса.

Для состязательной тенденции уголовного процесса «явка с повинной» и «признание вины» – вещи самодостаточно доказательственные и никакого отношения к объективности не имеющие.

В состязательном уголовном процессе происходит явная переоценка доказательственного значения «явки с повинной» и «признания вины». Им отдается предпочтение по сравнению с другими доказательствами.

В контексте уголовного процесса, который построен на состязательной основе, признание обвиняемым своей вины, включая и «явку с повинной», означает, по сути, конец правового спора, так как – тем самым – сторона защиты признает свое поражение в поединке двух сторон. Отсюда, неизбежная составляющая состязательного уголовного процесса – это неуклонное стремление стороны обвинения получить «признание вины» и «явку с повинной» против презумпции невиновности.

Весьма примечательно, что в Таджикистане на практике представители органов предварительного расследования начинают мыслить категориями чисто состязательного уголовного процесса (несмотря на то, что УПК РТ обладает тенденций к объективности), то есть, активно стремятся добиться

признания вины от подозреваемого или получать «явку с повинной» чтобы поскорее разрешить дело в пользу стороны обвинения [276]. По мнению А.А. Толкаченко, «в практике явки с повинной надлежащим образом не проверяются и не закрепляются; их наличие воспринимается как подтверждение безусловной виновности лица» [151, с. 13]. Тем самым, на практике, в нарушении принципа презумпции невиновности, отождествляют заподозренного с виновным, подменяют презумпцию невиновности презумпцией виновности.

Нами проводилось социологическое исследование по проблемам реализации презумпции невиновности. При анкетировании 250 следователей выяснялся такой вопрос: «Считаете ли Вы «явку с повинной» и «признание вины» составной частью поединка сторон, которая расценивается как поражение стороны защиты в состязании (правовом споре) со стороной обвинения?»

Ответы следователей:

1. да, именно так считаю – 57,2%;
2. не согласен – 32,4%;
3. затрудняюсь ответить – 10,4% [См. Приложение 2].

Отсюда видно, что на практике следователи в своем большинстве отдают предпочтение тому обстоятельству, что «признание вины» и «явка с повинной» не имеют самостоятельного доказательственного значения, а рассматриваются лишь как составная часть процесса доказывания достоверного раскрытия преступления.

Презумпция невиновности выступает антиподом презумпции виновности на стадии возбуждения уголовного дела, особенно в процедуре доказывания причастности лица к совершению преступления, потому что представляет собой объективное правовое положение, и требует беспристрастного исследования по каждому факту. Вышеназванный принцип в своих отличающих чертах от других принципов уголовного судопроизводства устанавливает органам, осуществляющим производство по уголовному делу,

конкретные границы и не допускает никому переходить их. До тех пор, пока не доказана вина человека в совершении преступления, никто не имеет права ограничивать его конституционные и трудовые права и относиться к нему как к виновному.

В производстве по уголовным делам именно на стадии возбуждения уголовного дела лицо, осуществляющее уголовное расследование, забывает о правилах принципа презумпции невиновности и уже до принятия решения о возбуждении уголовного дела ограничивает все конституционные и трудовые права подозреваемого, относясь к нему не как к добросовестному и добропорядочному гражданину, а как к виновному в совершении преступления, где теряется «уважительное отношение к личности как высшей социальной ценности» [141, с. 131]. Это уже является нарушением ст. 23 Конституции РТ, где сказано следующее: «Сбор, хранение, использование и распространение сведений о человеке без его на то согласия запрещаются» [19]. Право на презумпцию невиновности определяет конституционный статус задержанного (подозреваемого) не только в уголовном судопроизводстве, но и в других общественных сферах жизнедеятельности, в которых он существует в качестве одного из членов общества. Пока приговор суда не вступил в законную силу, подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) или лицо, содержащееся под стражей, имеет право на участие в выборах, право на пользование жилым помещением, его не могут уволить с работы или отчислить из учебного заведения ввиду виновности в совершении преступления [254].

– *Подозреваемый (обвиняемый) освобождён от доказывания своей виновности или невиновности, и правоохрнительные органы «не вправе перелгать обязанность доказывания невиновности на обвиняемого».* Данное положение уже нашло свое отражение в ч. 2 ст. 21 УПК Республики Таджикистана. Несмотря на то, что это требование уже закреплено в уголовно-процессуальном законе стран, однако в правоприменительной практике этот вопрос получает разные решения. В некоторых случаях орган

расследования предлагает подозреваемому сотрудничать со следствием для облегчения наказания. Некоторые ученые считают, что правоохранительные органы для получения «чистосердечных признаний» [107, с. 98] предлагают обвиняемому доказывать свою невиновность тогда, когда это противоречит принципу презумпции невиновности. Как правильно пишет В.А. Яркова, подобные показания как явка с повинной или чистосердечное признание, если признавать их доказательством [159, с. 5], это приводит к значительному снижению качеств расследования в производстве по уголовным делам и в подобном случае оперативные работники и следователи, полагаясь на подобные доказательства, перестанут проводить всестороннее и объективное расследование уголовных дел [172, с. 63-63, 95; 109, с. 64]. По этой причине на практике часто вынуждают подозреваемого представить доказательства своей невиновности, хотя это входит в обязанности правоохранительных подразделений. Орган предварительного расследования должен сам искать улики о виновности лица, убедиться, что улики реально принадлежат конкретному человеку, и потом возбуждать уголовное дело в отношении именно его. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан не разрешает проводить остальное следственное действия до возбуждения уголовного дела, кроме осмотра места преступления (ст. 182 ч. 2 УПК РТ). Это приводит к следственным ошибкам и противоречивости принципа презумпции невиновности. Мы поддерживаем мнение М.М. Макаренко и С.В. Ермакова, что «для принятия решения о возбуждении уголовного дела нередко необходимо производство иных, кроме осмотра места происшествия, следственных действий» [127, с. 28]. По справедливому замечанию В.В. Кальницкого и Ю.А. Николаева, «каждый случай возбуждения уголовного дела и не подтверждения наличия преступления в дальнейшем, когда в действительности преступление не было совершено, означает промах, серьезную ошибку; что подобный исход нежелателен, поскольку будет расценен как нарушение законности, выразившееся в необоснованном возбуждении уголовного дела» [119, с. 23]. При этом

соблюдение норм принципа презумпции невиновности на этой стадии уголовного судопроизводства очень важно.

– *Бремя восстановления картины преступления лежит на органе, осуществляющем уголовное расследование, находящемся на государственном обеспечении. Доказывать виновность подозреваемого (обвиняемого) – это и есть миссия органов, ведущих уголовное судопроизводство, а не лица, подвергающегося уголовному преследованию.*

– На стадии возбуждения уголовного дела очень важно проводить всестороннее изучение улик совершения преступления, анализировать всю информацию или факты, которые были найдены до этого момента, назначить надлежащие экспертизы по всем сложным вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела. Орган, осуществляющий уголовное расследование, обязан до принятия решения о возбуждения уголовного дела установить реальные обстоятельства совершения преступления. Уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана устанавливает, что каждому гарантируется судебная защита [7], это свидетельствует о том, что во всех стадиях уголовного судопроизводства и в том числе в стадии возбуждения, государство в лице правоохранительных органов обязано организовать незамедлительные и оперативные действия для сбора доказательств по горячим следам до возбуждения уголовного дела. Как стало известно из доклада заместителя председателя Верховного Суда РФ А.А. Толкаченко, «следователи (дознатели) нередко ограничиваются производством следствия (дознания) в рамках одной версии, требование закона о всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств дела зачастую не выполняется, противоречия в собранных доказательствах не разрешаются» [127, с. 29]. Орган следствия после того, как обнаруживает следы преступления, проводит другие следственные мероприятия до возбуждения уголовного дела, и обязан принять все меры для установления

реальных фактов преступления. Но на правоприменительной практике по поводу установления картины преступления есть ряд непонятных ситуаций: не каждый сотрудник правоохранительных органов реагирует должным образом на заявление о пострадавших.

– Следующей трудностью на стадии возбуждения уголовного дела является склонность отдельных должностных лиц, действующих из корыстной или иной заинтересованности, к использованию недозволенных методов раскрытия преступления, которые считаются грубыми нарушениями закона с точки зрения таджикского законодательства. Замечая наличие подобной проблемы, Верховный Суд РТ в своём специальном постановлении делает требовательное заявление: «При получении сообщения или заявления о нарушениях прав граждан, связанных с защитой чести и достоинства человека, необходимо выяснить, когда лицо фактически задержано, на какое время или где он содержалось, составлялся ли протокол, было ли проведено медицинское освидетельствование и другие связанные с этим обстоятельства» [270]. Верховный Суд России в своём постановлении «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» разъясняет, что под нарушением прав граждан следует понимать нарушение права на уважение чести и достоинства личности, а также судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе право на эффективное средство правовой защиты» [277, с. 176-177]. Поэтому необходимо, чтобы принцип презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела работал так, чтобы прокурор, следователь, дознаватель и другие участники уголовного судопроизводства со стороны государства были обязаны принять все меры, направленные на установление действительности. Даже если участники не могут защитить свою невиновность, орган предварительного расследования обязан установить обстоятельства такими, какими они были в действительности, и только в таком положении презумпция невиновности может исполнить свою миссию. Как правильно подчеркнули М.М. Макаренко и С.В. Ермаков, «еще одной

проблемой на стадии возбуждения уголовного дела является проведение неполной проверки, когда максимально сокращается количество проверочных действий в целях экономии времени» [127, с. 28].

– Органы, осуществляющие расследование, уже на стадии возбуждения уголовного дела должны устранить все сомнительные доказательства, в противном случае им следует принять процессуальное решение в пользу подозреваемого или обвиняемого.

Орган, осуществляющий предварительное расследование, обязан должным образом проводить все необходимые процессуальные действия с момента получения информации о преступлении лица, которое его совершило. К таким процессуальным действиям относятся:

а) давать поручения оперативным подразделениям на сбор доказательств и получение неопровержимых улик оперативно-розыскным путём;

б) незамедлительно назначить все необходимые экспертизы для решения сложных вопросов, связанных с преступлением, и выявить те доказательства, которые невозможно определить без проведения экспертизы; съездить на место преступления и провести тщательный осмотр для получения дополнительных доказательств; искать и допрашивать всех свидетелей об этом преступлении и т.д. Исходя из сущности принципа презумпции невиновности, правоохрнительным органам, ведущим производство по уголовному делу, напрямую запрещено принимать любое процессуальное решение без достаточных или достоверных доказательств, а также на основе предположительных улик.

В связи с реализацией механизма принципа презумпции невиновности в практической деятельности правоохрнительных органов Республики Таджикистан существуют некоторые проблемы на стадии возбуждения уголовного дела при оформлении заявления о явке с повинной как повода для возбуждения уголовного дела.

Например, согласно ст. 142 УПК Российской Федерации, заявление о явке с повинной – добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении.

Добровольность сообщения означает, что явка с повинной сделана лицом по собственной инициативе и до того момента, когда ему стало известно о его изобличении в совершении преступления посредством других уже имеющихся у правоохранительных органов доказательств [263]. Данное заявление предусмотрено и в ст. 142 УПК Республики Таджикистана и сформулировано следующим образом: «Явка с повинной считается добровольным сообщением лица о совершенном им преступлении, неизвестном дознанию, когда в отношении этого лица еще не выдвинуто подозрение, или не предъявлено обвинение в совершении данного преступления». Осуществление явки возможно двумя путями: устно и письменно. Если сравнивать положение о явке с повинной в УПК РФ и УПК РТ, то можно выявить отличие в формулировке: в УПК РФ – это просто добровольное сообщение о совершенном лицом преступлении, а в УПК РТ – добровольное заявление лица о преступлении, *которое не было известно компетентным органам* (дословно в ст. 142 УПК РТ написано: «Явкой с повинной считается добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, неизвестном дознанию, когда в отношении этого лица еще не выдвинуто подозрение, или не предъявлено обвинение в совершении данного преступления»).

Сегодня, согласно законодательству РТ, явка с повинной воспринимается в четырех аспектах: 1) как повод к возбуждению уголовного дела; 2) в качестве доказательства виновности преследуемого лица; 3) как обстоятельство, смягчающее наказание; 4) как одно из условий для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием.

Среди вышесказанного на стадии возбуждения уголовного дела явка с повинной, безусловно, ценна как повод к возбуждению уголовного дела. На основе заявления о явке с повинной в обязательном порядке проводится проверка для установления факта совершения преступления, анализ для уточнения изложенной в заявлении или протоколе явки с повинной информации [190, с. 152], определения места, времени и обстоятельств совершения преступления. Полученная в ходе проверки информация в

качестве доказательства может использоваться только при условии соблюдения норм уголовно-процессуального закона, включая ст. 88 (1) УПК РТ. Явка с повинной считается законной и дозволенной только при условии соблюдения всех установленных законом правил: добровольное сообщение явившегося о преступлении, о котором до этого не было известно, в отсутствие принуждения, обмана, заговора или выгоды для следствия или других лиц.

Само определение явки с повинной в ст.142 УПК РФ весьма лаконично (по сравнению с легальной дефиницией, заложенной в ст. 142 УПК РТ). Б.Т. Безлепкин, отмечая краткость определения, отраженного в ст. 142 УПК РФ, существующий на практике и в научной среде единый подход у всех. пишет: «Явкой с повинной можно считать только лишь такое заявление гражданина, которое касается преступления, вообще не известного правоохранительным органам» [87, с. 319]. В.Г. Глебов занимает сходную позицию: «Важнейший признак данного повода – добровольность обращения лица, совершившего преступление, компетентному органу с соответствующим сообщением в случаях, когда о совершенном преступлении не было ранее известно» [91, с. 6]. Основное содержания явки с повинной составляют два положения: 1) «неизвестность – правоохранительным органам не должно быть известно о том преступлении, по поводу которого происходит явка; 2) добровольность – это добровольное сообщение лица о явке, без какого-либо внешнего давления» [156, с. 193]. Данные положения явки с повинной должны быть подвергнуты оценке во время принятия процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела. Например, в одном своём решении Верховный Суд России разъяснил следующее понятие явки с повинной: «Если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами учтено судом в качестве доказательства, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо впоследствии изменило свои показания» [282]. Стоит подчеркнуть, что на практике судьи используют явку с повинной как противовес отказу

подозреваемого (обвиняемого) от прежних показаний, а с позиции принципа презумпции невиновности такой подход приводит к обвинительному уклону при производстве по уголовному делу. Как справедливо подчеркнула А.Ю. Панькина, реализация принципа презумпции невиновности в уголовном процессе возможна только при таком способе уголовно-процессуальной деятельности, которой запрещал бы презюмировать виновность [209, с. 10]. Если обвиняемый откажется от своих прежних показаний и представит другие доказательства своей невиновности, суд и прокурор не должны принять необходимые меры для устранения всех сомнений. Хотя на практике отказ обвиняемого от прежних показаний воспринимается вышестоящими органами как стремление избежать наказания.

Сегодня актуальной является проблема оформления заявления о явке с повинной, когда субъекты уголовного судопроизводства используют неправомерные методы для получения чистосердечного признания на стадии возбуждения уголовного дела, нарушая конституционные права граждан и принуждая их к самообвинению. В таком случае презумпция невиновности выступает против любых неправомерных поступков сотрудников правоохранительных органов, которые различным путем принуждают задержанных к «явке с повинной».

Для соблюдения презумпции невиновности при оформлении явки с повинной следователь (дознатель), как представляется, должен соблюдать следующие правила:

- не допускать холодности, когда лицо явилось самостоятельно и заявляет о своем преступлении;
- не допускать преждевременного возбуждения уголовного дела, пока не будет собрано достаточно доказательств, подтверждающих причастность явившегося с повинной к совершению преступления;
- не возлагать бремя доказывания на заявившего, после того как он сообщил о своем преступлении и не предлагать ему представить дополнительные доказательства в своем преступлении;

- не составлять явку с повинной без согласия человека, не допускать обмана, других ложных обещаний для получения его согласия;
- ни в коем случае не допускать принуждения и давления для получения заявления о явке с повинной;
- не принимать никаких решений на основе различных версий и проводить тщательное исследование фактов для уточнения обстоятельств явки с повинной;
- нельзя начинать уголовное преследование, пока не будет подтверждена достоверность явки с повинной, если в ней обнаружены сомнения или признаки недостоверности.

Если все эти вышеуказанные правила будут соблюдены в отношении лица, явившегося с повинной, на стадии возбуждения уголовного дела, то явка с повинной не превращается в «царицу доказательств» в отношении обвиняемого в судебном процессе. Судебное решение по уголовному делу является ключевым актом правоприменения. Не исключаются случаи использования пыток, давления и других запрещенных методов для получения явки с повинной. Ученые считают, что на практике в большинстве случаев явка с повинной не действует таким образом, как говорится в законе, а наоборот, как «обвинительное орудие» против самого подозреваемого или обвиняемого. По мнению А.В. Иванова, «существующий институт явки с повинной способствует раскрытию преступлений при помощи пыток и иных видов жестокого обращения, приводит к многочисленным злоупотреблениям, связанным с расследованием преступлений, незаконным ограничениям свободы, осуждению невиновных...» [117, с. 44].

А.С. Сидоров отмечает, что «сотрудники правоохранительных органов «успешно» применяют другой вид «завуалированного сотрудничества» – склонение подозреваемых и обвиняемых к так называемой явке с повинной». Учитывая их критическое мнение по поводу оформления явки с повинной, Г.Х. Шаутаева проводила научно-практический анализ явки с повинной и пришла к выводу, что «соответственно предполагается, что при наличии

любых действий обвинительного характера, к которым относится и получение явки с повинной, должны применяться нормы уголовно-процессуального закона, обеспечивающие реализацию принципа обеспечения права на защиту» [157, с. 599], участие защитника при получении и проверке любых признательных показаний (явка с повинной, признание своей вины и т. д.). Верховный Суд РТ в своем постановлении № 6 указывает, что «если защитник не принимал участие в уголовном деле и это обстоятельство не было отмечено в протоколе допроса подозреваемого, то к материалам дела прилагается письменное заявление подозреваемого об отказе от участия защитника» [271].

Такую критическую позицию занимают некоторые западные ученые. Недавние исследования показали, что более 25% американцев, признавшихся в преступлении, попали в тюрьму из-за ошибок следствия, и анализы ДНК подтвердили их невиновность [261]. Почему так происходит? И что заставляет людей признаться в преступлении, которое они не совершали? Исследователи видят причину этого в использовании «метода Рида», который официально разрешен в Америке и Канаде. Данная методика допроса названа в честь одного американского офицера полиции, который считался одним из самых жестоких полицейских своего времени. У Рида была единственная цель во время допроса – получение признания в любом случае; он был способен на всё ради достижения цели. В некоторых источниках указывают, что он не давал есть и спать подозреваемому и таким образом заставлял его признать свою виновность [248]. Но в отличие от США и Канады, в Великобритании и Шотландии к этому методу допроса относятся отрицательно, в Великобритании парламент страны вначале 90-х годов ввел новый подход к допросу подозреваемого и принимал изменения в законодательстве, сделав обязательным присутствие адвоката во время допроса не для того, чтобы получить признательные показания, а чтобы воссоздать картину преступления. В Британии лица, ответственные за расследование, относятся к подозреваемому объективно и получают гораздо более достоверные доказательства, и кроме этого, каждое признание о виновности необходимо

подтвердить показаниями свидетелей и другими доказательствами [248]. Благодаря такому подходу, британские следователи улучшили качество допросов и стали лидерами в соблюдении прав подозреваемых (20% из всех приговоров составляют оправдательные [245]). В сравнении с США это очень значимый показатель, так как в Соединенных Штатах оправдательные приговоры составляют всего 3% в год [245].

Использование «метода Рида» противоречит всем положениям презумпции невиновности, так как запрещается возлагать бремя доказывания на подозреваемого. В Великобритании все признательные показания и явка с повинной принимаются под видеокамерами и подтверждаются показаниями свидетелей. Как справедливо подчеркнул основоположник презумпции невиновности Ч. Беккариа, «в судебной практике не должно применяться насилие, влекут за собой признание вины невиновным, следовательно, настоящий преступник остаётся безнаказанным» [33, с. 93].

Толкование сомнений в пользу подозреваемого или обвиняемого распространяется на все стадии уголовного судопроизводства в том случае, если улучшают состояние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, или лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. То есть сомнения, которые ухудшают состояние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, ни в коем случае не толкуются против данных лиц, и исключаются из числа доказательств по уголовному делу. В системе доказательств остаются те, которые вызывают сомнения в невиновности лица, подвергаемого преследованию, остальные должны быть исключены из данной системы. Обращая на это внимание, СК РФ в своей пояснительной записке «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу, подчеркнул толкование сомнений и в связи с этим написал: «Закрепление в статье 14 УПК России юридической фикции презумпции невиновности, предполагающей толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, может быть применено лишь в

случае невозможности достижения по делу объективной истины и только после принятия исчерпывающих мер к ее отысканию» [257].

Обращая внимание судов на это правило, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» гласит: «В силу принципа презумпции невиновности все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т. д.), толкуются в пользу подсудимого» [279]. Исходя из этого, следовательно, который принимает решение о возбуждении уголовного дела, использует все возможности для устранения сомнений, которые обнаруживаются в заявлении о явке с повинной, и проводит все необходимые действия для восстановления картины преступления.

Интересной является позиции Г.А. Печникова, что «сомнение означает неуверенность в полноте и достоверности доказательств или показаний человека, который представляет эти доказательства» [72, с. 83]. В таком случае можно говорить лишь о неполном, вероятном знании – в отличие от достоверности и полноты улик, не вызывающих сомнения. В заявлении о явке с повинной любой факт может оказаться более значимым для того, чтобы его считать установленным. Принцип презумпции невиновности всегда требует внимательного и всестороннего анализа, ибо каждый факт должен быть установлен по всей строгости и правилам уголовного судопроизводства. Достоверность в судопроизводстве по уголовному делу – это, бесспорно, раскрытие преступления и установление картины совершенного преступления. Достоверность в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве должна стать итогом совместной работы дознавателя, следователя, прокурора и судьи.

Что касается явки с повинной, то в современных условиях на уровне законопроектов обсуждается вопрос обязательного участия адвоката при даче заявления о явке. Как выше уже было отмечено, присутствие адвоката при

явке с повинной уголовно-процессуальным законом не предусматривается [165, с. 194]. Практика тоже не реализует эту очевидную гарантию добровольности явки: это подтвердили в процессе анкетирования 74 % адвокатов, 76 % прокуроров, 79 % следователей, 92 % оперативных работников [223, с. 19]. Но некоторые авторы считают, что обеспечение права на защиту пока не может устранить проблему явки с повинной: адвокат, приглашенный органами, осуществляющими проверку сообщения о преступлении, играет в деле защиты прав задержанного очень пассивную роль, и исполняет свои обязанности недобросовестно. Подобная ситуация встречается в практической деятельности правоохранительных органов РТ. «Так, два года тому назад на центральной улице города Душанбе был проведён социальный эксперимент по поводу выяснения роли защитников в уголовном судопроизводстве, и 90% респондентов выразили недовольство адвокатской службой и дали отрицательную оценку предоставлению ими юридической помощи» [258]. Мы до этого неоднократно писали, что: «Подобное безответственное отношение к своим профессиональным обязанностям со стороны адвокатов приводит к нарушению норм принципа презумпции невиновности, и может стать причиной для незаконного и необоснованного приговора».

Как показывает практика, обеспечение присутствия адвоката не сможет решить данную проблему, потому что до прибытия адвоката с задержанным общаются оперативные сотрудники, после чего он готов подписать любой документ.

Если обратить внимание на практическую деятельность оперативных сотрудников, явка с повинной в большинстве случаев используется ими, скорее, как метод для раскрытия преступления, чем как повод к возбуждению уголовного дела. Некоторые юристы даже называют его «доказательством» [115, с. 36]. В случае использования сотрудниками оперативных подразделений явки с повинной в качестве метода для раскрытия преступления, такая явка с повинной приводит к самооговору или

принуждению к самообвинению. В постановлении Европейского суда по правам человека (Третья Секция), по делу Хамидкариева, со стороны сотрудников правоохранительных органов Республики Узбекистан была выявлена подобная явка с повинной [281].

Следующий мотив для получения явки с повинной со стороны сотрудники правоохранительных органов – неудачный результат оперативно-розыскного мероприятия. В итоге неудачного оперативно-розыскного мероприятия и отсутствия доказательств по преступлению, которое они пытались выявить и задокументировать, сотрудники оперативных подразделений стараются возложить бремя доказывания на задержанных. Адвокат Д. Иванов утверждает, что «добившись устного признания от лица, на которого пало подозрение в совершении преступления, оперативные сотрудники предлагают или заставляют написать явку с повинной и подписать письменные объяснения, содержащие признание» [256]. Впоследствии, после возбуждения уголовного дела, когда сотрудники оперативного подразделения отправляют подозреваемого на допрос к следователю в присутствии адвоката, то подозреваемый дает в присутствии адвоката следователю те показания, которым его научили оперативные сотрудники. В своем интервью журналистам помощник руководителя ГСУ СК России О. Пошулина рассказала об одном таком случае, который был зафиксирован сотрудниками Следственного комитета: «16 июля 2016 года сотрудники оперативных подразделений одного московского районного отделения совместно с ранее знакомым адвокатом приобрели наркотические средства, затем, в целях увеличения показателей раскрытия преступлений, подбросили их в карман одного мужчины, и он там же был задержан данными сотрудниками, а затем написал явку с повинной и был осужден к двум годам лишения свободы. По данному делу по жалобе родственников осужденного было возобновлено расследование, и были установлены все неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов, а следствие предполагает, что осужденный невиновен [236]. Кроме этого, есть случаи, когда следователь совместно с

оперативными сотрудниками организует ложную явку с повинной, в таком случае явка с повинной почти не подвергается проверке, а жалобы на данных сотрудников в вышестоящие органы рассматриваются не очень серьезно. Подтверждением наличия такой негативной практики выступает постановление Европейского суда по правам человека от 21.02.2017 г. Дело "Овакимян (Ovakimyan)" № 52796/08. В постановлении указаны совместные действия оперативных сотрудников со следователем для получения незаконной явки с повинной насильственным путем [280].

Следователь обязан тщательно и всесторонне исследовать все обстоятельства, указанные в заявлении о явке с повинной, полученной на стадии возбуждения уголовного дела сотрудниками оперативного подразделения. Так, в соответствии со ст. 39 УПК РТ именно следователь несет ответственность за возбуждение уголовного дела.

Изучив типичные ошибки и недостатки следствия с точки зрения судов, профессор А.А. Толкаченко подчеркнул: «В большинстве случаев данные о распространенных в практике при получении явки с повинной мерах к собиранию и закреплению достаточной совокупности доказательств обвинения не предпринимаются» Европейским судом по правам человека» [151, с. 13].

Коллегия Верховного Суда РФ правильно акцентировала внимание на отличии правовой природы явки с повинной и признательных показаний: «Выражает несогласие и с выводами суда относительно обязательного участия защитника при явке с повинной, и поскольку уголовно-процессуальный закон такого требования не содержит, заявление о явке с повинной не может расцениваться в качестве показаний подозреваемого, следовательно, не могут быть применимы и положения статьи 88 (1) УПК РТ».

Подобные случаи часто встречаются в практической деятельности правоохранительных органов РТ. Изучение судебной практики показывает, что: «Не всегда мотивируются выводы об установленных обстоятельствах дела» [268]. По утверждению Главы государства Эмомали Рахмона,

процессуальная деятельность органов расследования и надзора полностью не соответствует требованиям, немало случаев затягивания в расследовании дел, неполного и одностороннего расследования уголовных дел, неправильной трактовки действий обвиняемых, отсутствия прокурорского надзора за восстановлением ущерба, возврата судьями уголовных дел на дополнительное расследование [238]. К этому примыкает разъяснение Верховного Суда РТ «О практике применения судами законодательства, регулирующего возвращение уголовного дела для дополнительного расследования», в котором говорится, что в большинстве случаев органами следствия конкретно не устанавливаются доказанность или недоказанность, достоверность или недостоверность того или иного доказательства» [276]. В качестве подтверждения выступает постановление одного из районных судов города Душанбе, в котором был выявлен случай, когда «следователь, не исследовав всесторонне преступление, возбудил уголовное дело без достаточных доказательств, и когда данное уголовное дело было отправлено на судебное разбирательство, судья обнаружил недостоверность в заявлении о явке с повинной и в других доказательствах, и отправил уголовное дело на дополнительное расследование прокурору» [288]. Хотя в таком случае, по правилу толкования сомнений, судья может вынести оправдательный приговор [269].

Если рассуждать с позиции принципа презумпции невиновности, то явка с повинной, сделанная одновременно с возбуждением уголовного дела, скорее всего, получена с использованием давления на подозреваемого и других лиц; принцип презумпции невиновности запрещает не только возлагать бремя доказывания на подозреваемого, но он напрямую запрещает дознавателю «перелагать обязанность доказывания невиновности на обвиняемого» [88, с. 72]. Явка с повинной в тот же момент является доказательством вины человека в совершении преступления, если соответствует положениям статей 88 (1), 84 УПК РТ, ст. 142 УПК РТ.

Как это предусмотрено в ч. 1 ст. 75 УПК РФ: «Показания подозреваемого обвиняемого, данные в ходе судебного производства по уголовному делу в

отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде».

Несмотря на это, некоторые ученые придерживаются мнения о том, что явка с повинной есть доказательство вины человека. С.А. Новиков, поддерживая данное мнение и ссылаясь на ч. 2 ст. 84 УПК РФ, тоже считает явку с повинной – доказательством вины [134, 147].

Такого же мнения придерживается Р.В. Ярцев, рассматривающий «явку с повинной, как уличающее доказательство» [160, 19] в совершении преступления. Другие ученые, например, Т.А. Фролова, Е. Журавлева [115, с. 35], А. Анисимов [145, с. 114] рассматривают явку с повинной в уголовном судопроизводстве как доказательство вины человека.

Г.А. Афанасьев пишет, что, согласно положению о явке с повинной, «в судебной практике все чаще в приговорах протокол явки с повинной является еще и доказательством, на которое ссылается суд в обоснование виновности или невиновности лица» [235]. Использование явки с повинной как доказательства виновности подозреваемого, обвиняемого, или «подсудимого и признавать ее допустимой и достоверной» [283] встречается в решении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2006 года (Дело № 50-о06-20). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в одном из своих решений отклонила жалобу одного осужденного. Заявитель ходатайствовал, что суд во время назначения наказания не брал во внимание наличие у него явки с повинной. Нижестоящий суд обосновал свои действия, сославшись на то, что обвиняемый К. подал явку с повинной после двухмесячного содержания под стражей, когда правоохранительным органам уже было известно о совершении им преступления. И по этой причине суд не брал во внимание такое заявление, как явка с повинной [278].

Отмечается, что 71,2% респондентов считают, что в РФ презумпция невиновности распространяется на всех участников уголовного процесса. 21,6% подтверждают распространение презумпции невиновности на

подозреваемого обвиняемого, а 7,2% утверждают, что только на подсудимого. На вопрос, если лицо явится с повинной, считаете ли Вы его виновным в совершении данного преступления, положительно ответили 32,4% респондентов. Аналогичные показатели по Таджикистану свидетельствуют, что лишь около 57,2% следователей, дознавателей тоже утверждают, что знают случаи из практики, что «явку с повинной» и «признание вины» являются составной частью поединка сторон. 10,4% респондентов не уверены, что явка с повинной может быть сделана только в присутствии защитника, либо в его отсутствие – под видеозапись [См. Приложение 2].

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что, несмотря на сомнения в виновности, следователь все-таки принимает необоснованные решения при оформлении явки с повинной на стадии возбуждения уголовного дела, что указывает на нарушение им требований об истолковании сомнений в пользу заподозренного лица, т. е. принципа презумпции невиновности. Этот тезис находит свое подтверждение в результате проведенного нами анкетирования. Так, большинство из опрошенных таджикских следователей считают, что одним из нарушений принципа презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела является игнорирование положения о толковании сомнений в пользу заподозренного, которые были выявлены при оформлении заявления о явке с повинной. Анализ данных анкетирования среди оперативных подразделений правоохранительных органов РТ позволяет установить факт, что лишь 8,4% респондентов утверждают, что явка с повинной признавалась незаконной, что повлекло прекращение уголовного дела (уголовного преследования). [См. Приложение 2].

Исходя из вышесказанного, на основании проведенного сравнительно-правового исследования и анализа эмпирических данных в РТ, мы пришли к выводу о недостаточном правовом регулировании принципа презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела, что ведет к нарушению прав личности при проверке сообщений о преступлениях. Для минимизации

дефектов нормативного регулирования в этой части предлагается внести следующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РТ:

1) ч. 4 ст. 46 дополнить п. 12 следующего содержания:

«- давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу»;

2) ч. 4 ст. 49 УПК дополнить следующим содержанием:

«4) Защитник обеспечивается (допускается) в уголовном деле с момента заявления о явке с повинной, сделанного лицом в порядке, установленном частью второй статьи 142 настоящего Кодекса»;

3) ч. 1 ст. 88¹ дополнить п. 8 следующего содержания:

«8) добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении (заявление о явке с повинной), полученное с нарушением требований части третьей статьи 142 настоящего Кодекса»;

4) ст. 142 дополнить ч. 3 следующего содержания:

«3. Заявление о явке с повинной может быть сделано только в присутствии защитника. Если заявление о явке с повинной сделано в отсутствие защитника, то применение видеозаписи хода принятия заявления о явке с повинной является обязательным».

2.2. Действие презумпции невиновности на стадии предварительного расследования

Прежде чем определить роль презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве РТ, стоит изучить положения, вытекающие из его состава. Говоря о действии презумпции невиновности на стадии предварительного расследования и вытекающих из нее правил, регулирующих процесс доказывания (правило о «бремени доказывания» (*onus probandi*) и правило «о толковании сомнений в пользу обвиняемого» (*in dubio proreo*)), мы пытаемся

доказать нашу исходную конструктивную мысль – идею о том, что уголовно-процессуальное законодательство рассматривает презумпцию невиновности как особый принцип судопроизводства по уголовным делам, а не просто формальный принцип.

Если обратиться к ч. 2 ст. 15 УПК РТ, речь идет только о бремени доказывания. Сторона обвинения восстанавливает полную картину преступления (объективную истину), на основании чего суд выносит приговор, и в этом моменте сторона обвинения не вправе опровергать доводы стороны защиты, тем самым состязаясь с ней. Это уже означает, что сторона защиты имеет право защитить своего подзащитного и считать его невиновным и предлагать доводы в пользу его невиновности в законном порядке. Таким образом, УПК РТ использует состязательный подход по отношению к презумпции невиновности, что является более выгодной формой производства по уголовным делам, так как должно быть четкое разграничение между презумпцией невиновности и презумпцией виновности, и бременем доказывания. Несмотря на то, что сторона защиты приводит доводы, подтверждающие невиновность своего подзащитного, орган, осуществляющий расследование, обязан принимать все меры для всестороннего установления всех обстоятельств преступления, и все подлежащие доказыванию обстоятельства дела должны быть исследованы полно и объективно (ч. 3 ст. 21 УПК РТ). Учитывая проблемы правоприменения уголовного расследования, Верховный Суд РТ разъясняет, что «при расследовании уголовного дела обратить внимание государственных и общественных органов на выявление фактов нарушения закона, а также на причины и условия, способствующие совершению преступлений» [269]. Как пишет профессор Н.С. Манова, «органы предварительного расследования и прокурор обязаны устанавливать все значимые по делу обстоятельства, проверять все возможные версии, собирать всевозможные доказательства по делу» [88, с. 72]. Каждое лицо, осуществляющие уголовное расследование,

собирает и обвиняющие доказательства, и исключаяющие производство по уголовному делу.

При анкетировании нами перед следователями и дознавателями был поставлен следующий вопрос: «Согласно ч. 2 ст. 15 УПК Таджикистана на стороне обвинения лежит бремя доказывания и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого. Как Вы считаете, должен ли в таком случае обвиняемый или сторона защиты выявлять обстоятельства, оправдывающие его, в то время как сторона обвинения не имеет такой обязанности в рамках состязательного процесса?»

Ответы следователей:

- 1) да, согласен – 62,4%;
- 2) не согласен – 26,8%;
- 3) затрудняюсь ответить – 10,8% [См. Приложение 2].

Дело в том, что в состязательном уголовном процессе принцип публичности уступает место принципу диспозитивности, который свойственен гражданскому процессу, где каждая из сторон обязана доказывать, обосновывать свой тезис. Такая «подмена понятия» отразилась и на правиле о бремени доказывания. Утверждается, что бремя доказывания – это юридическое право, но не обязанность стороны [122, с. 91]. Бремя доказывания, понимаемое как право, означает, что сторона может осуществить свое право на доказывание своего утверждения, а может и не воспользоваться им. В последнем случае она будет иметь неблагоприятные последствия в виде опровержения ее утверждения [92, с. 88].

Мы не выступаем против использования состязательной модели в уголовном процессе. Этот принцип необходимый и конституционный в судопроизводстве РТ, однако следует подчеркнуть, что в рамках данной модели принцип презумпции невиновности оказывается зависимым от принципа диспозитивности. Диспозитивность свойственна гражданскому процессу, когда стороны находят общий язык, договариваются и регулируют ситуацию на основе определённых условий, если в законе не указано иное

[259]. Согласно ч. 2 ст. 20 УПК РТ «стороны обвинения и защиты наделены равными возможностями отстаивать свою позицию» [10]. Это требование в УПК РТ конкретно устанавливает позиции органа предварительного расследования, прокурора и суда, что они обязаны устанавливать истину по делу [71, с. 115]. Состязательность – это свободный принцип для стороны, предоставляющий им свободную площадку для представления своих алиби и доказательств на основе состязания, но органы предварительного расследования и суды обязаны не ограничиваться только состязанием и теми фактами, которые стороны предоставляют. Для принятия процессуального решения значимым считается то представление алиби и доказательства, которое прямо или косвенно, без сомнения, подтверждает виновность (невиновность) обвиняемого, а состязательность – это дополнительная возможность, особенно для стороны защиты, чтобы она имела шанс представить свои алиби и факты перед судом.

По сути, стороны не имеют равных возможностей осуществления функции доказывания по делу. Сторона защиты занимает слабое положение и не имеет в подчинении целого государственного потенциала, как оперативные группы, технические средства поддержки и виды государственного принуждения, финансируемые государством, которые находятся в распоряжении стороны обвинителя. Такое процессуальное равноправие приводит к лености, самоуверенности стороны обвинения и формированию обвинительного уклона в предварительном расследовании по уголовным делам, являющегося нарушением принципа презумпции невиновности. Это означает, что сторона обвинения надеется на то, что сторона защиты предоставит необходимые доказательства невиновности обвиняемого, а она сама соберет только обвиняющие улики. Отсюда появляется необходимость в урегулировании должного положения в таджикском производстве по уголовным делам. С учётом рассмотрения уголовных дел Верховный Суд РТ поясняет, что «при расследовании (рассмотрении) уголовных дел необходимо обеспечить, с одной стороны, защиту общественных интересов, с другой

страны – защиту прав и свобод человека, гарантированных Конституцией РТ» [267]. Исходя из требования принципа презумпции невиновности здесь истолковывается, что в производстве по уголовным делам важным считается конституционный строй, цельность и безопасность общества Таджикистана, к тому же – обеспечение конституционных прав граждан и свободы слова. Состязательность в уголовном процессе Республики Таджикистан является необходимым принципом, только ее надо реализовать правильно и в соответствии с требованиями презумпции невиновности. В противном случае она ведёт к перепутыванию обязанности доказывания между сторонами (орган предварительного расследования и защита) и нарушению других норм презумпции невиновности. Как справедливо подчеркивает Г.А. Печников: «Законодатель России существенно принизил назначение органов, ведущих процесс на стадии предварительного расследования, отнеся их к «стороне обвинения» и наделив для этого одной лишь функцией одностороннего обвинения, «уголовного преследования» [71, с. 20].

«Нельзя трактовать, – пишет А.С. Александров, – бремя доказывания как обязанность обвинителя, потому что он в состязательном уголовном процессе имеет свободу распоряжения бременем доказывания. Отказ от поддержания обвинения как акт распоряжения правом имеет единственным своим последствием для обвинителя неосуществление права на уголовный иск» [71, с. 89].

Принцип презумпции невиновности – это гарантия и щит для подозреваемого, обвиняемого от незаконного, необоснованного осуждения, а также обязывающая норма для органа предварительного расследования к тщательному исследованию всех обстоятельств и изобличению преступления.

Презумпция невиновности освобождает подозреваемого и обвиняемого от бремени доказывания своей невиновности или виновности. Как мы уже выше подчеркивали, она предоставляет им права в рамках закона, а именно состязаться, приводить доводы, подтверждающие их невинность или неучастие в преступлении, а также пользоваться помощью адвоката в

состязании сторон и таким путём защищать свои законные права и интересы в производстве по уголовным делам. Как подчёркивает Н.А. Грешнова: «Благодаря презумпции невиновности в состязательном публичном процессе удастся сохранять равновесие сторон» [108, с. 50]. Профессор П.С. Ефимичев говорит, что «лицо может быть признано виновным в совершении преступления, только когда оно в нем действительно виновно» [113, с. 109].

Что касается состязательного уголовного процесса, то сторона обвинения выступает как обвинитель, и сторона защиты – как защитник обвиняемого: кто из них побеждает, истина на его стороне. Получается так, что бремя доказывания разделяется на обе стороны, и они борются за победу. Если будут принимать обвинительное решение на основе подобных противостояний, то такие решения противоречат такому отдельному положению права на презумпцию невиновности, что обвинительное решение не может обосновываться на основе недостоверных фактов. Принимая во внимание практику судопроизводства по уголовным делам, Верховный Суд РТ поясняет, что «в пользу обвиняемого (подсудимого) толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов определенного обвинения, формы вины, степени и способности его участия в совершении преступления, отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств и т. д.» [272]. Позиция Верховного Суда свидетельствует о том, что презумпции невиновности не только охватывает неустранимые сомнения в пользу обвиняемого, но также включает неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов определенного обвинения, формы вины, степени участия и т. д., которые интерпретируются в интересах лица, которое привлекается к уголовному преследованию.

Презумпция невиновности не против свободного состязания на всех этапах уголовного процесса. Она только требует истины по делу, чтобы каждое решение было принято на основе разумных и достоверных фактов, которые без сомнения подтверждаются. Любые факты и доказательства, которые вносятся стороной защиты или обвинителем, в обязательном порядке

неоспоримо должны устанавливать истину (п. 5 ст. 88 УПК РТ). Спор – это противостояние двух оппонентов, которые пытаются обосновывать свою правду, либо свое понимание о чем-нибудь. Что касается правды, это то, что соответствует объективной реальности, то есть истине. Презумпция невиновности абсолютно не допускает, чтобы уголовное дело решалось на основе состязания стороны без предложения бесспорных фактов. По справедливому утверждению профессора А.В. Смирнова, «на досудебных стадиях уголовного судопроизводства компетентное лицо, осуществляющее расследование, обязано одновременно осуществлять функции защиты и обвинения» [221, с. 189]. И.В. Каминская, проведя исследование по этому вопросу, подчеркивает, что «в условиях формального процесса презумпции использовались в ущерб объективной истине и справедливости» [44, с. 54]. И.В. Каминская критикует историческую практику применения презумпции, когда она использовалась не как способ установления объективности по уголовному делу, а как механизм упрощения обвинения.

Красноречивость одной из сторон не должна стать поводом для принятия решения в её пользу. По мнению Х.А. Каландаришвили, несмотря на то, что производство по уголовным делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, любое обвинительное решение постановляется на основе достоверных и достаточных доказательств, в которых исключено наличие неустранимых сомнений в виновности обвиняемого [185, с. 124]. В таком варианте производство по уголовным делам, когда разрешено состязание между сторонами и одна из сторон обладает удобными возможностями для визирования дела в свою пользу, презумпция невиновности не позволяет принимать решение в пользу сильнейшего.

Состязание сторон должно происходить в соответствии с требованием принципа – всесторонность, полнота исследования и презумпция невиновности. Это означает, что орган предварительного расследования не должен предлагать стороне защиты сотрудничество в расследовании и предоставление доказательств или признание вины, а сторона защиты – не

вправе пользоваться малограмотностью и неопытностью стороны обвинения и уклонять своего подзащитного (преступника) от уголовного наказания. С позиции Верховного Суда РТ, «судьям нужно иметь в виду, что в соответствии с ч.ч. 2 и 5 ст. 20 УПК РТ необходимо принимать предусмотренные законом меры, способствующие реализации сторонами их процессуальных прав по собиранию и представлению необходимых доказательств, имеющих значение для правильного разрешения дела» [276]. Это все должно происходить в соответствии с принципом презумпции невиновности.

Если к уголовной ответственности привлекут невиновного человека, сторона защиты вправе состязаться со стороной обвинения и доказывать его невиновность, но это должно происходить в рамках закона. Как правильно утверждает К.Т. Качабеков, «следователь в первую очередь должен руководствоваться принципами уголовного судопроизводства, в том числе принципом презумпции невиновности» [120, с. 148]. Следователь или дознаватель должен выслушать доводы стороны защиты, объективно и беспристрастно проверить приводимые ею доводы о невиновности обвиняемого, и в случае их подтверждения принять незамедлительное решение, прекращающее преследование обвиняемого. Данную позицию также поддерживает М.И. Пастухов: «Презумпция невиновности требует от органов расследования предельного напряжения сил, мобилизации всех возможностей для того, чтобы установить лицо, совершившее преступление, и надежно доказать его вину» [136, с. 50].

На наш взгляд, такое состязание сторон в производстве по уголовным делам, которое не нарушает нормы принципа презумпции невиновности, является приемлемым.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: уголовный процесс – это процесс, в котором решается судьба человека. И невозможно представить, что государство позволит определить дальнейшую судьбу человека, которого обвиняют в совершении преступления, на основании спора

двух сторон, где каждая из них заинтересована в разрешении дела в свою пользу. Если он настоящий преступник, то он должен понести наказание и его надо исправлять. Здесь превалирует основная задача уголовного процессуального закона – привлечение к уголовной ответственности настоящего преступника. Как это установлено в п. 5 ч. 1 ст. 2 УПК РТ, «привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление».

Следствием признания «бремени доказывания» диспозитивным правом стороны является вывод, что это право должно быть обоюдным. В свое время профессор А.Я. Вышинский, отрицавший объективность в уголовном процессе и исходивший из «максимальной вероятности», отмечал: «Бремя доказывания по мере развития процесса в силу его диалектики неизбежно перемещается от стороны к стороне» [36, с. 96]. На это суждение следует возразить. Если на обвиняемого перемещается бремя доказывания своей невиновности, то это будет уже не презумпция невиновности обвиняемого, а презумпция его виновности. По сути, позиция профессора А.Я. Вышинского воспринята и действующим состязательным УПК России. Как уже мы выше подчеркнули, УПК России является чисто состязательственным, так как в этой модели уголовного процесса отсутствует принцип «всесторонности и полноты исследования» как этот принцип уже закреплён в ст. 21 УПК РТ. Но другой логики, кроме как стирающей различия между противоположностями – презумпцией невиновности и презумпцией виновности – в состязательном процессе, в ходе которого не соблюдаются требования принципа презумпции невиновности, с нашей точки зрения, быть не может. Как уже показала практика, принцип состязательности сторон является частью уголовного судопроизводства многих стран мира, он оправдывает свое существование как принцип в судопроизводстве по уголовным делам, и мы не можем его убрать из системы уголовного процесса, так как он является необходимым принципом данного процесса. Учитывая практическую необходимость данного принципа, Верховный Суд РТ разъясняет: «Уголовное

судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности, в котором стороны представляют доказательства по предъявленным основаниям...» [276]. В свете сказанного получается, что суд воздерживается от вмешательства в деятельность участников процесса, обеспечивая им благоприятные условия для реализации их процессуальных прав. Здесь ключевым моментом является четкое разграничение между презумпцией невиновности и принципом состязательности. Мы придерживаемся мнения о необходимости объективного и справедливого распределения функций, которые выполняют эти два чрезвычайно важных принципа уголовного судопроизводства. Профессор Г.А. Печников в своем монографическом исследовании решительно отстаивает свою принципиальную позицию, что «состязательность в уголовном судопроизводстве неизбежно влияет и на сущность презумпции невиновности, и на вытекающие из нее правила доказывания» [71, с. 115]. Автор обосновывает свое мнение тем, что в уголовном процессе, где второстепенно действуют чистая состязательность и презумпция невиновности, орган предварительного следствия (следователь, дознаватель) приводит к принятию незаконных и необоснованных процессуальных решений, злоупотреблению полномочиями со стороны органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, и кроме этого, обязанности нахождения оправдательных улик вваливаются на плечи защиты. Как правильно подчёркивает адвокат О.Ю. Хмельницкая, «в уголовном процессе нашей страны существует проблема именно обвинительного, а не оправдательного уклона, что в определенной мере объясняется направленностью органов, производящих уголовное расследование. Реалии таковы, что по каждому уголовному делу весь процесс доказывания протекает по линии презумпции виновности» [152, с. 273].

В справедливом уголовном процессе доказательство вины обвиняемого и приведение доводов в полном объеме лежит на стороне дознавателя, следователя и прокурора. Решая вопрос о позиции суда в состязании сторон, Верховный Суд РТ постановляет: «Суд, судьи не вправе по собственной

инициативе принимать меры к доказыванию виновности подсудимого в совершении преступления» [276]. Что касается позиции уголовно-процессуального закона страны, то УПК РТ обязывает суд (судью) к изучению доказательств, улик и алиби для вынесения объективного и справедливого решения, начать судебное рассмотрение уголовного дела по частному обвинению или направлять его материалы для возбуждения уголовного дела и проведения дознания и (или) предварительного расследования в соответствующие органы по подследственности в случаях, предусмотренных законодательством Республики Таджикистан (п. 15 ч. 1 ст. 35 УПК РТ). Такой подход в УПК Таджикистана свидетельствует о том, что суд в производстве по уголовным делам будет выступать не как арбитр (как это принято в уголовных процессах чистой состязательности (к примеру, в УПК РФ), а как исследователь, изучивший дело в целях установления картины преступления, вынесения справедливого приговора и осуществления задач уголовного судопроизводства.

По мнению Г.И. Купавцева и Г.А. Печникова, принцип презумпции невиновности – это один из важнейших правовых институтов, который обеспечивает равноправие между сторонами обвинения и защиты в процессе состязания [126, с. 53]. Исходя из перечисленных фактов, можно сказать, что принцип презумпции невиновности также определяет модель уголовного процесса как «состязательную» и объективно-истинную», поскольку является аксиомой, которую общество принимает, основываясь на своих социальных ценностях [180, с. 5].

Чистая состязательность – это англо-саксонская модель уголовного судопроизводства, когда фактически суду отводится роль пассивного наблюдателя процессуально противоборствующих сторон – суд выслушивает, воспринимает те доказательства, которые представили ему стороны и выносит решение на основании того, чья позиция была более логически аргументирована.

Рассмотрим модель «чистой состязательности», и почему не совместима розыскная модель досудебного судопроизводства с состязательной моделью уголовного судопроизводства» [262]. Дело в том, что статус сторон (обвинения и защиты) изначально представлен неправильно в уголовном процессе. Сторона обвинения имеет все возможности для сбора доказательств в одностороннем порядке, а по факту собирает только обвинительные доказательства; также возможности стороны защиты ограничены ходатайствами, жалобами и заявлениями до стадии судебного разбирательства, сторона обвинителя имеет все возможности для обвинения в полном объеме, а сторона защиты предъявляет свои доказательства только в судебном процессе [262]. В.А. Коротков высказывает свое мнение следующим образом: «В соответствии с этой моделью судья не должна проявлять активность в сборе доказательств, а стоит как бы над сторонами, наблюдая за их процессуальным спором, после чего выносит решение на основании позиции той стороны, чьи аргументы были сильнее. Таким образом, априори истина его не интересует» [244]. Необходимо отметить, что в отличие от объективно-истинной модели, в состязательной модели уголовного процесса суд выступает как нейтральный арбитр, а стороны (обвинение и защита) несут ответственность за сбор и представление доказательств. В состязательной модели суд не вмешивается в процесс активного сбора доказательств, что делает ее менее направленной на поиск объективной истины, но более эффективной в части защиты прав сторон.

Фактически, функция бремени доказывания, лежащая на стороне обвинителя, теряет свой смысл, и право на презумпцию невиновности абсолютно исчезает, а принцип презумпции невиновности как правовое положение тоже теряет свой смысл. Было бы разумно давать органам следствия и суду больше возможностей и обязанностей для собирания оправдательных доказательств вместе с обвинительными, с целью установления объективной истины в деле. Солидарно с этим высказали свои мнения таджикские исследователи-правоведы, изучившие мониторинг

практики применения УПК РТ [26]. По этой причине предлагается перенять опыт работы института судебного следователя, который действует во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Испании [124, с. 54] и на постсоветском пространстве – в Украине, странах Балтии, Кыргызстане, Казахстане [12], и ввести новую должность – следственного судьи. Как было обосновано, Совет при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека утверждает о том, что: «Главный дефект нынешнего УПК РФ – господство на так называемых досудебных стадиях процесса стороны обвинения и фактическое процессуальное неравноправие с ним стороны защиты, в результате чего судебные доказательства формируются, по сути, одним лишь публичным обвинителем (следователем, дознавателем), тогда как другая сторона – защита – такой возможностью не обладает» [252]. И поэтому они предложили должность следственного судьи, у которого главная задача – обеспечение легитимности отдельных доказательств по делу [78, с. 21] и осуществление оперативного судебного контроля за досудебным производством [123, с. 17].

Критично по отношению к этой позиции выступает Г.К. Смирнов. По его мнению, это является дорогостоящей реформой и требует огромных ресурсов. От имени Следственного комитета Российской Федерации был разработан законопроект «О восстановлении института объективной истины в уголовном процессе» [257], в котором все субъекты уголовного процесса со стороны государства будут ориентироваться на познание событий такими, какими они были в действительности; и суд будет выступать не как пассивный арбитр, он будет ориентироваться на истину – в таком случае, не надо будет реформировать систему и не потребуется лишних денег.

В данной модели распределение функций участников уголовного процесса будет выглядеть так: следователь будет выступать не как сторона уголовного преследования, а как исследователь всех обстоятельств дела, собирающий как оправдательные доказательства, так и обвинительные доказательства.

Но в той модели, которая реализована в Таджикистане на данный момент, принцип презумпции невиновности, как фундаментальный принцип уголовного судопроизводства, теряет свой смысл, и вытекающие из его состава положения не могут исполнять свое назначение.

Стоит изучить предположения, вытекающие из его состава, которые в целом охватывают все права на презумпцию невиновности и не допускают обвинительный уклон на презумпцию виновности, а некоторые юристы считают, что «несмотря на достаточно узкое определение сущности презумпции невиновности, процессуалисты выделяют множество следствий, вытекающих из этого важного положения» [230, с. 61; 37, с. 234; 90, с. 142; 89, с. 95]. Одним из важнейших следствий презумпции невиновности является положение о бремени доказывания, которое закон возлагает на орган предварительного расследования и прокурора.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РТ на сторону обвинения возлагается доказывание обвинения, и в том числе обязанность приведения доводов на защиту лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Как это случается на практике, орган, осуществляющий расследование по уголовному делу (дознаватель, следователь), ни в коей мере не выдвигает никаких доводов и доказательств в пользу обвиняемого и подозреваемого [276; 152, с. 273], – он руководствуется принципом состязательности и равноправия сторон, так как они не обязаны предоставить оправдательные доказательства и алиби в пользу лица, подвергающегося уголовному преследованию. Если сказать иначе, получается не логично: сторона обвинения выдвигает алиби и доказательства в защиту подозреваемого (обвиняемого), чтобы потом опровергать данные доводы перед судом. Следовательно, бремя доказывания невиновности автоматически переходит на сторону защиты (подозреваемого, обвиняемого, защитника и других лиц на стороне защиты). УПК РТ закрепляет отдельную норму о том, что орган, ведущий расследование по уголовному делу, не имеет права предлагать подозреваемому обвиняемому и подсудимому приводить доводы о своей виновности или невиновности (ч. 2 ст. 21 УПК РТ), но на

практике во многих случаях эта норма не соблюдается. Как говорится, то, что закон не запрещает, то, как всем известно, на практике позволено, разрешено. А в УПК Республики Туркменистан это положение, что: «Следователь, дознаватель и прокурор не имеют права предлагать обязанность доказывания обвиняемому (подозреваемому) или подсудимому» [10] включается в состав норм, входящих в принцип всесторонности полноты исследования, и свидетельствует о том, что в соответствии с правом на презумпцию невиновности все действия со стороны обвинения, которые намекают подозреваемому, обвиняемому и подсудимому привести любое доказательство своей невиновности, нарушают правило о бремени доказывания, так как это (бремя доказывания и опровержение доводов), безусловно, возлагается на сторону обвинения. Исходя из этого, стоит подчеркнуть, что если законодательство не предусматривает конкретных мер для всесторонности, полноты исследования обстоятельств уголовного дела со стороны обвинения и только направляет всё на обвинительный уклон расследования, то возникает много нарушений в уголовном судопроизводстве.

Из практики. В соответствии с определением Суда города Душанбе № 92 от 18.01.2018 года по делу № 408 от 24.01.2018 года Худойдодов Ахмад осужден за совершение хулиганства (ч. 1 ст. 237 УК РТ) [290]. В поданных жалобах родственники осужденного, сам осужденный и защитник с приговором не были согласны. В своем определении Суд г. Душанбе тщательно изучил суть дела и аргументы, которые были предложены со стороны защиты. После изучения уголовного дела Душанбинский городской суд, действуя, как суд, удовлетворил жалобу стороны защиты, отправив уголовное дело на повторное расследование. Душанбинский городской суд обосновал свое решение следующим образом: «Во время повторного расследования орган следствия должен проводить всестороннее и полное объективное исследование по ниже перечисленным следственным действиям:

- в соответствии с уголовно-процессуальным законом, изучить место преступления, зафиксировать, определить и изучить все предметы, находящиеся на месте происшествия;

- точно определить место преступления согласно показаниям обвиняемого, потерпевшего и свидетелей;

- в качестве свидетеля допросить руководителя организации, возле которой было совершено преступление, и определить всех сотрудников организации, и кто являлся исполняющим обязанности руководителя;

- в качестве свидетеля допросить всех работников данной организации, и опросить их о происшествии, совершенном возле их организации 14.20, 09.08.2017 года.

- из показаний свидетелей в их присутствии определить и объективно оценить нарушение общественного порядка и грубое, открытое выражение неуважения к устоявшимся нормам общества;

- допросить судмедэксперта и задать конкретный вопрос: «способен ли человек нанести кулаком такое повреждение потерпевшему, что через 14 дней со дня нанесения повреждения здоровому человеку, останутся повреждения под глазами потерпевшего» [287, с. 338];

- в случае возникновения противоречий в показаниях свидетелей, потерпевшего и обвиняемого, в обязательном порядке провести очную ставку между свидетелями, потерпевшим и обвиняемым, чтобы устранить любые противоречия в показаниях;

- на основе подтвержденных доказательств в судебном заседании и собранных во время предварительного расследования фактов, квалифицировать действия осужденного;

- составить все необходимые процессуальные акты и другие процессуальные решения в соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Как видно, все указания Суда города Душанбе направлены на восполнение неполноты проведенного предварительного расследования.

Что касается толкований сомнения в пользу обвиняемого, то в презумпции невиновности оно считается одним из основных правил данного принципа, которое не позволяет принимать ни одно процессуальное решение на основе недостаточных, сомнительных и недостоверных доказательств (фактов). Эта норма свидетельствует о демократичности и устойчивости принципа презумпции в уголовном судопроизводстве РФ. Сомнение – объективное правовое положение в установлении виновности обвиняемого (подсудимого). Это явление связано со свободой оценки доказательств, с убеждением сторон, так как стороны оценивают доказательства, приводимые для обвинения или оправдания; для того, чтобы принимать решение о виновности или невиновности обвиняемого в совершении преступления должностным лицом, стороны должны собрать доказательства и убедиться в виновности лица, совершившего преступление. В таком случае лицо, осуществляющее расследование, должно руководствоваться Конституцией, законом и своей собственной совестью. Сомнение в обвинительных доказательствах может относиться к отдельному факту в цепочке доказательств, в целом подтверждающих вину обвиняемого, если все входящие «поддоказательства» корректны [28, с. 50; 137, с. 30]. В соответствии с уголовно-процессуальным законом, все сомнения в виновности, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу подозреваемого, обвиняемого или подсудимого [88, 70]. По правилу толкования сомнений в пользу лица, подвергающегося уголовному преследованию, лицо, осуществляющее расследование, в обязательном порядке исключает из числа доказательств подобные доказательства, которые вызывают сомнения, если, по крайней мере, не может убедиться в их достоверности и истинности. Как правильно подчеркнул Э.И. Клямко, «сомнительное доказательство – есть недоказанное утверждение независимо от его истинности» [122, 92]. Поэтому, если будут использовать сомнительные обвинительные доказательства в качестве фактов, это будет противоречить правилам о толковании сомнений в пользу лица, в отношении которого

ведется уголовное преследование, несмотря на то, каким процессуальным статусом оно обладает (подозреваемый, фактически задержанный, обвиняемый или подсудимый). А если всё же не удалось устранить сомнения, то в силу принципа презумпции невиновности: «Недоказанная виновность обвиняемого по своим правовым последствиям означает доказанную невиновность» [88, с. 71].

Правило о толковании сомнений позволяет следователю считать обвиняемого виновным на основе положительных, вероятных и достаточных фактов, которые утверждают виновность обвиняемого. В таком случае гарантированно реализуется презумпция невиновности и защищаются права подследственного при производстве по уголовному делу. Анализ характеристик данных сомнений показывает, что всякие сомнения не могут быть истолкованы в пользу обвиняемых, и лишь те сомнения толкуются в пользу подследственного, которые невозможно устранить (ч. 4 ст. 15 УПК РТ). Как видно, в ч. 4 ст. 15 УПК РТ и ч. 3 УПК РТ упоминается только обвиняемый, а про подозреваемого ничего не говорится. При буквальном прочтении этих законоустановлений можно прийти к выводу, что сомнения в виновности не могут толковаться в пользу подозреваемого [212, 288], в противном случае эта процессуальная фигура также была бы упомянута в тексте ст. 15 УПК РТ. Думается, это пробел в законодательстве, который необходимо устранить.

По мнению таджикских ученых З.Х. Искандарзода, Д.Т. Турахоновой и Т.Ф. Каримовой, на практике положение о толковании неустранимых сомнений используется иначе: «В большинстве случаев толкование сомнительных доказательств трактуется судами в пользу обвиняющей стороны, что приводит к неправильной имплементации составного содержания права на презумпцию невиновности» [42, с. 103].

Презумпция невиновности согласно пункту 2 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах должна быть сохранена и гарантирована всеми участниками процесса до вступления в законную силу

судебного решения, поэтому заявления о таком моменте считаются нарушениям данного права [284].

Касательно вопроса о понятии и цели получения признания вины как грубейшего нарушения презумпции невиновности стоит подчеркнуть, что признание обвиняемым своей вины на предварительном расследовании известно, как метод быстрого раскрытия преступления, и представляет собой возможность собирания сложных доказательств, на которые без показаний обвиняемого следствию придется тратить много времени, сил и ресурсов для представления подобных доказательств. Как мы уже написали ранее, вопрос о явке с повинной подозреваемого и признании своей вины обвиняемым весьма остро стоит в уголовном судопроизводстве РТ. В связи с этим Правительство РТ принимает различные меры для устранения проблемы несоблюдения норм принципа презумпции невиновности.

В связи с нарушением принципа презумпции невиновности и принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела большое количество уголовных дел было направлено на дополнительное расследование прокурорам. Летом 2019 года изучение тех уголовных дел, которые в течение 2016-2018 гг. были направлены судом РТ в архив Верховного Суда РТ, показало, что значительное количество уголовных дел было направлено на дополнительное расследование именно по причине нарушения ст. 21 и ст. 15 УПК РТ [286].

С этой целью мы изучали архивные уголовные дела в четырех районных судах г. Душанбе: р-на И. Сомони, р-на Шохмансур, р-на Сино и р-на Фирдавси [286]. Мы изучали только те уголовные дела, которые были возбуждены на основе явки с повинной, либо основаны на признании обвиняемым своей вины, на признаниях, полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия, и те дела, которые неоднократно были направлены на дополнительное расследование по причине неполноты и необъективности расследования.

Как стало известно, во многих случаях следователь и дознаватель даже не собирают и не проверяют элементарные доказательства (не изучают место преступления, не исследуют записи с видеокамер); не определяют время совершения преступления; неправильно квалифицируют деяние; собирают недостаточно доказательств для обвинительного решения; не назначают необходимые судебные экспертизы; отсутствие альтернативной независимой экспертизы, и по этой причине – неназначение соответствующей экспертизы для исследования возникших вопросов [289]; использование давления, запугивания, обмана, или предложения к сотрудничеству с органом следствия взамен облегчения наказания или переквалификации преступления на менее тяжкое.

В ходе работы над диссертационным исследованием изучено 270 уголовных дел, которые были завершены расследованием в период с 2016 по 2019 гг. Из них:

- 100 уголовных дел, которые были возбуждены на основе явки с повинной – 20,1% (ст. 142 УПК РТ; признание обвиняемым своей вины – 19,2% (ч. 2 ст. 76 УПК РТ); признания, полученные на основе результатов оперативно-розыскной деятельности путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия, – 17,3% (ч. 4 ст. 153 УПК РТ) [См. Приложение № 2];

- 100 уголовных дел, которые по причине неудовлетворенности стороны были направлены на дополнительное расследование, – 25,9% (ч. 1 п. 2 ст. 42 УПК РТ) и по другим причинам подвергались неоднократным дополнительным расследованиям – 30,5% (ч. 1 п. 3 ст. 422 УПК РТ) [См. Приложение № 2];

- 70 уголовных дел, которые были прекращены по реабилитирующим основаниям или подсудимые по ним были оправданы по причине: в деянии подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного отсутствовал состав преступления (ч. 1 п. 1 ст. 340 УПК РТ), лицо, привлеченное к уголовному преследованию не причастно к совершению преступления (ч. 1 п. 2

ст. 340 УПК РТ); не доказано участие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного в совершении преступления (ч. 1 п. 3 ст. 340 УПК РТ).

При изучении уголовных дел за 2020-2023 годы в архивах районных судов Таджикистана мы выявили ряд наиболее типичных причин, которые стали основанием для отправления уголовных дел на дополнительное расследование:

- не в полном объеме проведено расследование преступления, как это предписано законом, – неполнота расследования;
- со стороны лиц, расследующих уголовное дело, допущены нарушения элементарных правил уголовно-процессуального закона, а также принципов, и, в частности, права на презумпцию невиновности;
- допущены ошибки при квалификации;
- нарушение прав подозреваемого, обвиняемого и подсудимого при производстве уголовного дела;
- нарушение прав свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства.

Из числа всех оправдательных приговоров, которые были изучены нами, большинство было вынесено по следующим основаниям: недоказанность вины лица в совершении преступления; отсутствие факта совершения преступления; отказ гособвинителя от своей обвинительной позиции; сфабрикованные обвинительные доказательства во время предварительного расследования; обнаружение противоречий между доказательствами на досудебных стадиях уголовного судопроизводства; отказ участников уголовного процесса от своих показаний, которые они давали на предварительном следствии; составление процессуальных материалов с нарушениями уголовно-процессуального закона; отсутствие достоверных и достаточных аргументов виновности подозреваемого со стороны обвинения. Также сюда входят случаи возвращения дел прокурору на доследование с целью переформулирования обвинения или устранения нарушений закона, а

также в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, согласно п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РТ.

Согласно проведенному анализу, в следственной практике замечаются субъективные факторы, способствующие снижению качества предварительного расследования: недостаточная компетентность следователей и излишнее снисходительное отношение руководителей следственных органов к контролю процессуальных документов.

Таким образом, анализ профессионального правосознания практических сотрудников подтверждает один из исходных теоретических тезисов настоящего диссертационного исследования – гносеологическую посылку о том, что объективная истина в уголовном процессе есть ориентир на практике участников уголовного процесса. Он позволяет выйти за пределы юридической (формальной, вероятной) истины.

Проведенное автором исследование позволяет сформулировать несколько предложений, направленных на совершенствование реализации презумпции невиновности на предварительном расследовании в РТ. В уголовно-процессуальном законодательстве РТ отсутствуют некоторые требования, вытекающие из состава права на презумпцию невиновности. Для совершенствования принципа презумпции невиновности как института, способствующего вынесению справедливого и обоснованного приговора, считаем разумным в уголовно-процессуальном законодательстве закрепить следующие положения.

В ст. 15 УПК РТ (принцип презумпции невиновности) соответствующие части изложить в такой редакции:

1. Задержанный, подозреваемый, обвиняемый и подсудимый не считаются виновными в совершении преступления до вступления в законную силу приговора компетентного суда, если во время предварительного расследования и судебного разбирательства все возможности для защиты им были обеспечены.

2. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов в защиту возлагается на орган, осуществляющий уголовное расследование и суд. Орган предварительного расследования и суд не вправе указывать обвиняемому доказывать свою виновность или невиновность и приводить дополнительные доказательства для оправдания своей непричастности к преступлению.

3. Все сомнения, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу задержанного, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Если орган предварительного расследования не принимает мер для устранения выявленных сомнений, суд вправе принимать оправдательные решения в отношении перечисленных лиц.

4. Обвинительное заключение дознавателя, следователя и обвинительный приговор суда не могут быть основаны на предположениях и недостоверных доказательствах или фактах.

5. Недоказанность вины задержанного, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого влечёт за собой прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела; и вынесение оправдательного приговора».

ГЛАВА III. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Раскрывая вопрос о совершенствовании регламентации принципа презумпции невиновности в предварительном следствии уголовного процесса, нам, как представляется, необходимо исходить из научного системного подхода. Совершенствование регламентации принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса заключается в комплексном подходе, включающем улучшение норм законодательства, закрепляющих права, основанные на презумпции невиновности, а также совершенствование правоприменительной практики органов уголовного преследования для обеспечения соблюдения этого принципа

Здесь необходимо не только проанализировать все нормы, касающиеся презумпции невиновности, установленные в уголовно-процессуальном законодательстве, но и важно учитывать положения, реализация которых невозможна без соблюдения принципа презумпции невиновности, и в некоторых международных и зарубежных странах эти нормы признаются неотъемлемыми составляющими права на презумпцию невиновности. Реализация принципа презумпции невиновности обеспечивается посредством этих положений, закрепленных и не закреплённых в процессуальных нормах. На первый взгляд, эти положения могут казаться не столь значимыми для реализации данного принципа, однако при более глубоком анализе становится очевидной их ключевая роль в обеспечении презумпции невиновности на стадии предварительного расследования по уголовному делу.

К таким положениям относятся:

- а) право подозреваемого/обвиняемого на отказ от дачи показаний;
- б) необоснованное применение мер процессуального принуждения (заключения под стражу);

в) предотвращение формирования обвинительного уклона в процессе расследования;

г) недопустимость применения давления, пыток и других недозволённых методов в процессе расследования;

д) гарантия сохранения рабочего места или места учебы до вступления обвинительного приговора в законную силу;

е) право на восстановление чести, достоинства и утраченных прав в случае принятия закона об амнистии и прекращения уголовного дела;

ж) запрет распространения обвинительной информации о лице, подозреваемом или обвиняемом, до завершения предварительного расследования;

ё) право на невнесение данных о лице в Главный информационный центр МВД (или аналогичный орган) до вступления обвинительного приговора в законную силу.

Одним из положений принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве является право обвиняемого на молчание. По мнению Е.Е. Шатайлюка, «право лица не свидетельствовать против себя является не только опорным положением национальных процессуальных законодательств, но и общепризнанным международным стандартом в области защиты прав человека» [155, с. 522]. Право не свидетельствовать против себя, то есть отсутствие обязанности доказывать свою невиновность, является одним из положений принципа презумпции невиновности. Это право обеспечивает обвиняемому право хранить молчание, и его молчание не может быть использовано в качестве признания вины. Как утверждает автор, это право является настолько упорным положением внутригосударственных законов многих стран, что оно стало международным стандартом по правам человека.

Н.В. Ильюченко высказывает следующее: «Само по себе появление принципа «никто не обязан обвинять самого себя» связано с отказом от использования мер физического принуждения в уголовном судопроизводстве» [118, с. 45].

Принуждение к самообвинению в любом виде нарушает презумпцию невиновности, как бремя доказывания лежит на стороне обвинения, а сторона обвинения обязана без помощи подозреваемого доказывать его обратное, что лицо виновно, путём сбора других доказательств, подтверждающих его виновность.

Молчание обвиняемого является его процессуальным правом. Он может говорить только по своей воле, не по принуждению. Как утверждает В.И. Саркисов, «обвиняемому не грозит никакая ответственность, если он отказывается свидетельствовать против самого себя» [260]. Это конституционная гарантия, поэтому Н.А. Ефименко, как прокурор, разъясняет: каждый дознаватель и следователь перед допросом подозреваемого (обвиняемого) должен разъяснить ему положения ст. 51 Конституции России, которая гласит: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, ...», а также проинформировать его о том, что его показания в итоге расследования могут использоваться против него. Если они этого не будут делать, то показания данных лиц должны быть признаны недопустимыми, полученными с нарушением закона, и не могут использоваться в качестве доказательств их виновности» [113, с. 109].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ также гласит: «Отказ подсудимого от дачи показаний не может служить подтверждением доказанности его виновности и учитываться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность подсудимого» [272].

Лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, имеет право не давать показания против себя и не обязано доказывать свою невиновность. Право на сохранение молчания оказывается особенно уязвимым в ходе допросов задержанных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, поскольку сотрудники правоохранительных органов зачастую прилагают все возможные усилия для получения признательных показаний или сведений, способных усугубить положение задержанного. Реализация задержанным права на молчание сводит на нет

такие усилия, что может создавать дополнительное давление [25, с. 155]. Однако уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана не предусматривает обязанность должностного лица, осуществляющего расследование по делу, информировать задержанного подозреваемого и обвиняемого о том, что любые его высказывания, сделанные в присутствии следователя или других представителей правоохранительных органов, могут быть использованы против него в дальнейшем производстве по уголовным делам.

Профессор А.М. Диноршоев в своей докторской диссертации анализирует эту проблему следующим образом: «Обвиняемый имеет право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным» [179, с. 242]. Обвиняемый имеет безусловное право не признавать себя виновным, отказаться от дачи показаний, а в случае дачи показаний – право быть заранее уведомленным о том, что эти показания могут быть использованы против него. Данная норма соответствует принципу презумпции невиновности, закрепленному в статье 14 (3) МПГПП [2].

Эта норма как право на презумпцию невиновности еще определена в нескольких международных документах и правовых системах многих государств. В УПК РТ это право закреплено следующими нормами: никто не обязан свидетельствовать против самого себя ... (ст. 12 ч. 5 УПК РТ), а подозреваемый имеет право «не давать никаких показаний и быть проинформированным об этом праве перед началом допроса» (ст. 46 п. 3 ч. 4 и ст. 47 п. 1 ч. 4). В УПК РТ отсутствует четкая интерпретация отказа задержанного, подозреваемого обвиняемого и подсудимого от дачи показаний против себя, что позволяет в ходе предварительного расследования использовать молчание лица, находящегося под следствием, на стадии предварительного следствия или судебном процессе как указание на его виновность. Эту позицию поддержал тоже И.А. Бахромов: «Отсутствие прямого запрета на уровне Конституции и уголовно-процессуального закона снижает значимость права не давать показания против самого себя и

подрывает принцип презумпции невиновности, поскольку возлагает на обвиняемого бремя доказывания своей невиновности» [104, с. 245]. Это положение как конституционное право не закреплено в Конституции РТ. В силу принципа презумпции невиновности как международной и конституционной нормы мы считаем целесообразным дополнить статью 19 Конституции нашей страны третьим абзацем следующего содержания: *“Никто не обязан свидетельствовать против самого себя, близких родственников, и он должен быть проинформирован о том, что его показания в итоге расследования могут использоваться против него”*.

В целях разрешения данной ситуации и осуществления нормы международного права [25, с. 155; 4] и полноценной реализации принципа презумпции невиновности в производстве по уголовным делам, предлагаем разработать механизм законодательного разрешения.

Другим актуальным положением в рассматриваемой сфере прав на презумпцию невиновности является неоднозначность взглядов ученых [154, с. 36; 104, с. 243; 149, с. 111; 253] по вопросу ареста задержанных, подозреваемых или обвиняемых на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Дискуссии касаются ситуаций, когда лицо, ставшее фигурантом уголовного дела, в большинстве случаев подвергается заключению под стражу в качестве меры принуждения. Заключение под стражу в практике уголовного судопроизводства рассматривается как средство обеспечения надлежащего нахождения фигуранта в местах изоляции, таких как изоляторы временного содержания или следственные изоляторы, что фактически ограничивает свободу подозреваемого или обвиняемого и предусматривает их размещение в специальных камерах и реально лишает их свободы. В соответствии с презумпцией невиновности, применение строгих мер пресечения к подозреваемому (обвиняемому) на этапе предварительного расследования допустимо только при наличии достаточных оснований полагать, что его свобода будет препятствовать установлению истины по делу или позволит ему уклониться от правосудия.

УПК РТ предоставляет органам предварительного расследования широкие полномочия по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно статье 111 УПК, «мера пресечения в виде заключения под стражу применяется к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, наказание за которые предусматривает лишение свободы на срок более двух лет. В исключительных случаях эта мера используется, если у лица отсутствует постоянное место жительства на территории Таджикистана, его личность не установлена, а также, если оно скрылось от органов уголовного преследования или суда либо нарушило условия ранее избранной меры пресечения» [10]. Постановление Пленума Верховного Суда РТ разъясняет, что для применения меры пресечения в виде заключения под стражу недостаточно одного лишь указания на совершение лицом особо тяжкого преступления. Определяющим фактором в данном контексте является предположение о том, что оставление его на свободе может создать препятствия для проведения предварительного расследования. Весьма вероятно, что он может возобновить свою преступную деятельность, скрыться от судебного разбирательства или совершить повторное преступление. В ходатайстве об избрании меры пресечения обязательно должны быть указаны источники доказательства (протокол допроса свидетеля, содержащий информацию: о фактах укрывательства подозреваемого (обвиняемого) от суда и следствия; о сокрытии или фальсификации материалов, имеющих значение для дела; о незаконных воздействиях и влиянии на ход объективности предварительного расследования и т.п.)» [271]. С позиции высшего судебного органы страны само по себе совершение особо тяжкого преступления не является достаточным основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Должностное лицо, ходатайствующее о заключении лица под стражу, должно обосновывать в мотивировочной части постановления конкретные для этого основания, приводя соответствующие доказательства. Заключение под стражу подозреваемого (обвиняемого) не является обязательным, если нет доказательств, которые свидетельствуют о

наличии препятствий, мешающих объективному расследованию уголовного дела.

Стоит также подчеркнуть, что наделение органов, ведущих уголовный процесс, и суда столь широкими полномочиями в отношении применения меры пресечения в виде заключения под стражу создает предпосылки для возможного злоупотребления процессуальными правами и нарушения права на презумпции невиновности. Анализ указанных норм позволяет заключить, что органы предварительного расследования имеют возможность ходатайствовать перед судом о применении заключения под стражу в отношении любого подозреваемого или обвиняемого, если совершенное ими преступление предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок более двух лет.

Как утверждает А.Б. Мезяев, «главной проблемой реализации принципа презумпции невиновности является проблема заключения под стражу как основное правило по отношению к обвиняемым» [129, с. 118]. По мнению автора, одной из ключевых проблем реализации принципа презумпции невиновности в предварительном следствии по уголовным делам является практика заключения под стражу, которая зачастую используется как основная мера пресечения в отношении обвиняемых. Аналогичный дискуссионный недостаток выявляется в практике международных уголовных судов. В частности, в решении по делу Хаджихасановича и других судебная палата указала, что обязательное применение заключения под стражу до суда является исключительной мерой и противоречит статье 5.3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [129, с. 118].

В соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РТ: «В случаях необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу следователь, дознаватель с согласия прокурора или сам прокурор направляют в суд ходатайство, оформленное в виде постановления. В данном постановлении подробно излагаются мотивы и основания, обосновывающие необходимость заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу, а также

невозможность применения альтернативных мер пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие законность и обоснованность заявленного ходатайства» [10]. В постановлении подробно излагаются правовые и фактические основания, обосновывающие необходимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого. Отдельно обосновывается невозможность применения альтернативных мер пресечения. К постановлению прилагаются основания, подтверждающие правомерность и необходимость ходатайства, которые подлежат анализу и оценке со стороны суда [271].

В соответствии с принципом презумпции невиновности, для подачи ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого лица, осуществляющего уголовное расследование, должно представить мотивированные и обоснованные доказательства, подтверждающие наличие риска уклонения обвиняемого от следствия, воспрепятствования расследованию уголовного дела или продолжения им преступной деятельности. Если такой риск отсутствует, заключение под стражу не является подходящей мерой процессуального принуждения.

Суд, как единственный и компетентный орган, принимающий решения о заключении под стражу, обязан объективно изучать ходатайства дознавателя, следователя или прокурора о возможности применения данной меры [222, с. 10]. Как утверждает И.В. Соболев, ходатайство лица, осуществляющего уголовное преследование, должно содержать мотивированное доказательство виновности подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, и эти доказательства должны быть проверенными и надёжными [222, с. 10]. В случае, если человек невиновен, он может лишиться свободы и оказаться в следственном изоляторе, фактически изолированным от общества. Об этой проблеме также упоминается в постановлении Пленума Верховного Суда РТ № 1 от 12.06.2012 г.: «Если сведения о содержании под стражей опубликованы и распространены по радио, телевидению или иным средствам массовой

информации, то по требованию данного лица или указанию суда прокурор, орган предварительного расследования и этот СМИ обязаны в течение месяца сделать необходимую публикацию» [270, с. 431]. Требование, вытекающее из данного постановления, закрепляет право на презумпцию невиновности.

По утверждению Б.Ц. Гармажапова, «одной из ключевых проблем реализации принципа невиновности в уголовном судопроизводстве является нецелесообразное применение мер процессуального принуждения, а именно заключение под стражу» [106, с. 131]. Иногда мера пресечения в виде «заключения под стражу» применяется к лицам, подозреваемым в совершении преступлений, относящихся к неосторожным или средней тяжести. Такое решение в отношении подозреваемого или обвиняемого является чрезмерно строгим и необоснованным. Это противоречит принципу презумпции невиновности, согласно которому лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступления, до вступления обвинительного приговора в законную силу считаются невиновными, несмотря на их содержание в изоляторах, фактически представляющих собой места лишения свободы.

И.С. Заморева считает, что «в глобальной мировой политике очень внимательно относятся к заключению под стражу, принимаются международные акты» [116, с. 58]. Ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается исключительно в пределах, необходимых для достижения уголовно-процессуально значимых целей, закрепленных в законодательстве. К таким целям относятся соблюдение прав и законных интересов других лиц, а также обеспечение национальной обороны и государственной безопасности. При этом ограничения должны быть пропорциональны заявленным целям и соответствовать принципам верховенства права. Б.К. Кабилов в своём диссертационном исследовании пишет, что: «Судьи удовлетворяют 99,8% ходатайств о заключении под стражу, а количество отклонённых ходатайств составляет всего 1,81%» [191, с. 27]. Это свидетельствует о необходимости пересмотра взглядов судебных органов в отношении выбора меры пресечения в виде заключения под стражу.

С точки зрения А.А. Макогона, «мера пресечения в виде заключения под стражу внешне схожа с уголовным наказанием в форме лишения свободы, однако отличается по своему содержанию. В отношении подозреваемого или обвиняемого, находящегося под стражей, продолжает действовать принцип презумпции невиновности, что принципиально отличает его правовой статус от лица, в отношении которого вынесен обвинительный приговор. Применение изоляции от общества с целью воспитательного воздействия до вынесения обвинительного приговора нарушало бы принцип презумпции невиновности» [128, с. 44]. Заключение под стражу, как мера пресечения, по своему правовому содержанию имеет сходство с уголовным наказанием в виде лишения свободы.

Е.В. Золотарь считает, что «применение данной меры в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, и её утверждение судом без крайней необходимости могут свидетельствовать о нарушении принципа презумпции невиновности, подразумевая её замену презумпцией виновности» [181, с. 10]. Е.В. Золотарь настойчиво утверждает, что «необоснованное применение заключения под стражу органами предварительного расследования, а также последующее одобрение такой меры судом, ставят под сомнение соблюдение права на презумпцию невиновности» [181, с. 10] на досудебных стадиях уголовного процесса.

Исходя из вышеперечисленных высказываний, парируется мнение, что заключение под стражу может рассматриваться органом предварительного расследования как инструмент давления или воздействия на подозреваемого и обвиняемого. Подозреваемый или обвиняемый, стремясь заменить меру пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую, может соглашаться на сотрудничество с органами следствия или прибегать к незаконным действиям, таким как предложение взятки должностным лицам, принимающим процессуальные решения. Как полагает М.Г. Гайдышева, «должностные лица, включая дознавателей или следователей, могут выдвигать подозреваемому или обвиняемому определённые условия, такие

как принуждение к признанию вины или предоставлению доказательств своей виновности, в обмен на освобождение из-под стражи» [177, с. 11]. Подобная практика подрывает принципы законности, нарушает презумпцию невиновности и способствует коррупции, ставя под вопрос права участников уголовного процесса. Эту проблему также затрагивал Лидер нации на встрече с представителями судебных органов страны: «По состоянию на 2014-2024 годы 45 судей совершали преступления, связанные с нарушением (злоупотреблением) должностных полномочий, и большинство этих преступлений имели корыстные цели» [237].

Отсутствие четкого разграничения оснований для применения заключения под стражу в уголовно-процессуальном законодательстве позволяет использовать эту меру пресечения для достижения процессуальных целей без необходимости её обоснования. Это становится наиболее удобной мерой пресечения, так как позволяет беспрепятственно проводить любые следственные действия, учитывая, что подозреваемый или обвиняемый постоянно находится в изоляторе временного содержания или следственном изоляторе. Без разрешения лица, осуществляющего расследование, никто не имеет права встречаться с ним. Даже родственники подозреваемого или обвиняемого вынуждены обращаться к следователю за разрешением на встречу. Таким образом, создаются благоприятные условия для работы органа предварительного расследования, что может приводить к нарушению прав подозреваемого или обвиняемого. С позиции принципа презумпции невиновности, подозреваемый или обвиняемый на досудебных стадиях уголовного процесса имеет право считаться невиновным. Назначение заключения под стражу представляет собой фактическое лишение свободы, изоляцию от общества, а также реальное лишение подозреваемого или обвиняемого возможности работать, получать доход или вести бизнес. Как подчеркивают Р.Г. Степанов и Ю.А. Максимов, «заключение под стражу наносит не только моральный и материальный ущерб подозреваемому или обвиняемому, но и отрицательно влияет на его авторитет в обществе» [149, с.

112]. Содержание под стражей приводит к значительным трудностям, лишая человека свободы, работы, контактов с внешним миром и создавая дополнительные трудности для семьи. Из-за потери возможности зарабатывать возникает материальный ущерб, а из-за невозможности защищаться и поддерживать свою репутацию – моральный ущерб. Общество часто воспринимает его как заключённого, не различая разницу между заключением под стражу и фактическим лишением свободы [158, с. 113]. Учитывая проблематичность заключения под стражу, в своем постановлении Пленум Верховного Суда РТ указывает, что «заключение под стражу разрешается только в том случае, если избрание другой более мягкой меры пресечения невозможно» [271]. Верховный Суд разъясняет, что для избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу достаточно совершения тяжкого и особо тяжкого преступления.

Заключение под стражу влияет на состояние человека и его поведение. Особенно это заметно в уголовных делах, которые вызывают большой общественный резонанс, так как такая мера может повлиять не только на самого подозреваемого (обвиняемого), но и на сознание других людей [110, с. 113]. Обращается внимание на важный аспект правовой и социальной справедливости: заключение под стражу – это лишь мера пресечения, а не наказание. Общественное мнение, публикации в СМИ и даже сам факт лишения свободы могут иметь необратимые негативные последствия для человека, независимо от его вины, что противоречит принципам правового государства и принципу презумпции невиновности. Необходимо более внимательно относиться к применению этой меры, избегая негативных социальных и психологических последствий для задержанных. Э.К. Кутуев пишет, что «объем правоограничений и условия содержания под стражей должны определяться только целями избрания меры пресечения, поскольку эти лица не являются осужденными» [195, с. 12]. Приведенная цитата подчеркивает ключевой момент: ограничения прав и условия содержания под стражей должны соответствовать исключительно целям применения этой

меры пресечения, а не превышать их. Поскольку подозреваемые или обвиняемые не являются осужденными, к ним не должны применяться меры, соответствующие наказанию. Это еще раз указывает на необходимость соблюдения принципа презумпции невиновности. Это явно противоречит принципу презумпции невиновности, потому что подозреваемые и обвиняемые, которые, согласно принципу презумпции невиновности, до вступления обвинительного приговора в силу считаются невиновными, но они содержатся в изоляторах, которые фактически являются местами лишения свободы.

Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод, что для обеспечения соблюдения принципа презумпции невиновности необходимо внести изменения в часть 1 статьи 111 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. Предлагается следующая формулировка первого абзаца данной статьи:

«Заключение под стражу допускается только в отношении подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в совершении умышленного преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, или преступления, совершенного по неосторожности, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет».

Одной из основных проблем, препятствующих полноценной реализации принципа презумпции невиновности на стадии предварительного расследования уголовных дел, является склонность следственных органов к обвинительному уклону. После обозначения проблемы обвинительного уклона в предыдущих параграфах данной диссертации мы переходим к более конкретному пониманию этого термина: под обвинительным уклоном мы подразумеваем ненадлежащие методы расследования, которые свидетельствуют об отсутствии норм принципа презумпции виновности и нарушении права на невиновность в уголовном процессе. По нашему мнению, путем минимизации обвинительного уклона необходимо усиливать

процессуальный контроль и внедрять нормы, которые обязывают следственные органы соблюдать равноправие сторон и объективно исследовать все обстоятельства дела. Как постановляет Верховный Суд РТ, «дополнительное расследование не должно становиться стандартной процедурой, вызванной ненадлежащим качеством первоначального расследования [276]. В этой связи важным направлением является внедрение образовательных программ для следственных органов, которые бы улучшили понимание ими основ презумпции невиновности и способствовали профессиональной беспристрастности. Оценивая данную проблематику, О.Ю. Хмельницкая отметила, что «в уголовном судопроизводстве замечается проблема именно обвинительного, а не оправдательного уклона, что в определенной мере объясняется направленностью органов, производящих уголовное расследование. В практической деятельности правоохранительных органов по расследованию уголовных дел весь процесс доказывания протекает по линии презумпции виновности» [152, с. 276]. И презумпция невиновности начинает сводиться к субъективному мнению о ней следователя, дознавателя, начинает зависеть от их мнения, усмотрения. А на практике и под влиянием практики складывается, как уже отмечалось, фактическая презумпция виновности обвиняемого. Ведь на практике обвиняемый, как правило, в большинстве случаев признается судом виновным в преступлении. Именно презумпцией виновности, а не презумпцией невиновности, начинают тогда руководствоваться на практике; обвиняемый отождествляется с виновным, что неизбежно ведет на практике к обвинительному уклону и к различным злоупотреблениям, к нарушению законных прав личности, вплоть до применения пытки, чтобы добиться признания вины от обвиняемого.

Вместе с тем в УПК РТ отсутствует требование, которое признавало бы недопустимыми показания, полученные незаконным путем, и запрещало бы принимать их во внимание в качестве доказательств в ходе досудебного и судебного производства и при вынесении приговора, то есть в статье 88 (1) УПК РТ ничего не говорится о недопустимости использования показаний

подозреваемого (обвиняемого), полученных незаконным путем, в качестве доказательства, и в статьях 75 и 76 УПК РТ отсутствует конкретная норма, запрещающая использовать показания подозреваемого обвиняемого, полученные незаконными методами, в качестве доказательств.

Для реализации принципа презумпции невиновности, предотвращения обвинительного уклона со стороны следователя и дознавателя, а также недопущения других незаконных действий и для того, чтобы расследующее лицо на этапе предварительного расследования не инициировало обвинения, считаем целесообразным дополнить следующие положения в УПК РТ:

- в ч. 1 ст. 2 дополнить 9 пункт: *«устанавливать виновность подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) в совершении преступления»;*

- в ст. 75 дополнить часть 2: *«показания, полученные от подозреваемого незаконным путем, не являются доказательством»;*

- в ст. 76 дополнить часть 3: *«если показания обвиняемого получены с применением недозволённых методов, они являются недопустимым доказательством».*

Пытка – это прямое отрицание права на презумпцию невиновности. В республике, несмотря на принимаемые государством меры по предотвращению незаконных методов расследования уголовных дел, отдельные сотрудники правоохранительных органов всё же могут допускать подобные действия. Тем самым значимость презумпции невиновности как *объективного правового* положения сводится на нет. Как утверждает отечественный исследователь И.А. Бахромов: «Пытки в Таджикистане не имеют массового характера, и правительство страны постоянно принимает меры по их предупреждению» [170, с. 68]. Как он утверждает, в течение одного года из 48 поступивших заявлений жалобы на использование давления и незаконное обращение со стороны правоохранительных органов нашли подтверждение в 11 случаях, а на следующий год из 26 поступивших жалоб на использование пытки и другие незаконные действия со стороны сотрудников оперативно-следственных подразделений подтвердилось 5 случаев [170, с. 68].

Таким образом, обобщая вышесказанное, следует констатировать наличие единичных случаев применения пыток и иных незаконных действий со стороны сотрудников оперативно-следственных подразделений. Исходя из анализа правоприменения органов предварительного расследования и судов, Верховный Суд РТ в специальном постановлении № 1, с целью предотвращения пыток и других недозволённых методов расследования, рекомендует устанавливать особый контроль на первоначальных стадиях уголовного преследования, особенно задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, и его допроса до получения санкции на арест [270]. Верховный Суд разъясняют тонкости первоначального допроса в данном постановлении Пленума и высказывает свою позицию в качестве рекомендации. Исходя из данной рекомендации, можно с большой вероятностью предположить, что применение недозволённых методов расследования будет иметь место именно на этом этапе уголовного преследования.

По мнению К.А. Бардеева: «Факты показывают, что пытки применяются до сих пор, как в деятельности правоохранительных органов, так и иных государственных органов» [103, с. 144]. Автор в своей статье анализирует появление и следы пытки в западной правовой системе и приходит к выводу, что пытка до сих пор существует в правовых системах некоторых западных стран. Р.С. Чобанян указывает, что «с момента появления гуманистических взглядов предпринимались шаги по запрещению пытки, однако они терпели неудачу: вводимые нормы попросту не работали» [229, с. 8].

Применение пыток, независимо от их формы, для получения признания вины или показаний влечёт за собой нарушение основных правил процессуального доказывания, в том числе признание вины невиновных, создание неопределённости в дальнейшем расследовании, а также способствует развитию у органов, проводящих расследование, тяги к простым способам получения доказательств и снижению мотивации к поиску иных доказательств.

По утверждению представителей Генпрокуратуры РТ, сделанному на пресс-конференции 8 августа 2025 года, за последние шесть месяцев 2025 года один человек был признан виновным по статьям 358 (Незаконное задержание или заключение под стражу) и 143 (1) («Пытки») Уголовного кодекса РТ [255].

Как отмечают отечественные ученые З.Х. Искандаров, И.Т. Махмудов, П.С. Абдуллозода, И.И. Зиёваддинов, многие пострадавшие от пытки и других незаконных действий заявляют об этом во время судебного заседания [43, с. 192]. Исходя из этого, соответствующие органы (прокурор и суд) обязаны тщательно изучать и оценивать любое заявления об использовании незаконных методов расследования в любой стадии предварительного расследования и принимать необходимое решение.

В нашей стране Конституция гарантирует любому человеку, находящемуся на территории республики, судебную защиту на том основании, что государство обязано защищать права человека во всех сферах. Это достигается путем реализации правовых принципов, одним из которых выступает презумпция невиновности.

Законодательство Таджикистана напрямую запрещает жестокое отношение к участникам уголовного судопроизводства, подвергающее опасности их жизнь и здоровье. Это указано в ст. 10 УПК РТ: участникам уголовного судопроизводства запрещается вымогать показания посредством насилия, пыток, давления и других запрещенных методов [7].

Принуждение к даче показаний незаконными методами: законодательство прямо запрещает использование давления, угроз, насилия и других незаконных методов для получения показаний от подозреваемых, обвиняемых и других участников уголовного процесса.

Нарушение презумпции невиновности:

Перечисленные статьи УК РТ (314, 316, 322, 143(1), 348, 349, 353, 354, 358, 359) [13]. Представленные нормы являются ярким примером того, как уголовное законодательство пытается создать систему гарантий защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. Оно устанавливает

чёткие границы допустимого поведения должностных лиц и предусматривает наказание за их нарушение. Это свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить справедливость и объективность уголовного судопроизводства. В 2012 году Верховный Суд Таджикистана в целях правильного и единообразного применения норм законов против пыток и иных международно-правовых актов проводил пленум и обратил внимание органов предварительного расследования и судов на то, что никто не может быть подвергнут пыткам [270, с. 431].

В своем диссертационном исследовании таджикский правовед К.М. Мадвализода подчёркивает, что «в правоприменительной практике регистрируются случаи жестокого обращения, угроз, насилия, применения пытки и других нарушений» [197, с. 174]. Это привело к тому, что был предложен новый взгляд на феномен приемлемости доказательств.

Экс-руководитель высшей судебной инстанции Таджикистана Н. Абдуллозода подчёркивал, что «руководящие разъяснения Верховного Суда Таджикистана по судебным приговорам, возвращению дел на дополнительное расследование и применению норм уголовного права при расследовании преступлений, связанных с пытками, положительно влияют на следственную практику в республике» [100, с. 25].

Из вышеперечисленных высказываний становится явным, что несмотря на то, что Таджикистан стремится к предотвращению пыток и других противозаконных видов расследования, а также обеспечению объективного правосудия, защита прав человека в соответствии с международными документами [4], ратифицированными страной, практика сталкивается с трудностями в минимизации с этим негативным явлением.

Процесс объективного доказывания, объективного исследования вопроса о виновности обвиняемого подозреваемого подменяют пытки. Очевидно, при этом полагают и исходят из того, что презумпция невиновности, как объективное правовое положение, это только *наука теория, а практика* – совсем другое дело; отсюда следует, что пытка – это грубейшее

пренебрежение законными правами и свободами человека, унижение его чести и достоинства, однако недопустимо разрывать диалектическую, фактическую взаимосвязь между наукой (теорией) и практикой. Нельзя отделять «китайской стеной» одно от другого: «Я привык думать, – писал известный философ А.Ф. Лосев, – что всякая разумная практика должна быть пронизана теорией, а всякая разумная теория должна быть пронизана практикой. Теория для меня – это символ практики, а практика – это символ теории» [59, с. 213].

При анкетировании следователей следственных подразделений Таджикистана им ставился вопрос: «В ходе предварительного расследования чему следует уделять больше внимания: требованиям закона или практическому опыту?»

Ответ:

1. практическому опыту – 42%;
2. требованиям закона – 47,6%;
3. затрудняюсь ответить – 10,4% (См. Приложение 1).

Как видим, всё же большинство следователей выступают за признание презумпции невиновности не только в теории, но и на практике, что логично вытекает из анализа их ответов.

Как отмечает А.В. Железняк: «Совокупность мер, описанных выше, на сто процентов не устранил практики насилия без соответствующего уровня правовой культуры» [114, с. 134]. С точки зрения данного исследователя, совокупность мер, направленных исключительно на ужесточение законодательства, не способна решить эту проблему. Попытки могут быть искоренены только путём повышения правовой сознательности всех слоёв общества.

По утверждению А.Я. Асниса, «основанием пытки может быть молчаливое согласие должностного лица» [102, с. 135]. По мнению данного автора, основанием для применения пыток и других незаконных методов расследования является молчаливое согласие, а точнее, бездействие должностных лиц. В частности, речь идёт о тех, кто осведомлён о применении

пытках и незаконных методов расследования своими сотрудниками, но не предпринимает никаких шагов для их пресечения.

Как полагает профессор М.Ч. Когамов, «почему сегодня распространены пытки? Ответ может быть только один – некомпетентность, непрофессионализм отдельных сотрудников органов уголовного преследования в ходе расследования уголовных дел и слабый ведомственный контроль за их деятельностью по уголовным делам. Другого объяснения я просто не нахожу» [125, с. 36]. М.Ч. Когамов связывает проблему пыток с такими факторами, как некомпетентность, непрофессионализм, халатность, а также недостаточный ведомственный контроль за незаконными действиями отдельных сотрудников, работающих в органах уголовного преследования, со стороны руководящих и надзорных инстанций.

Как указывают Г.И. Молев и А.И. Пузарин в своём исследовании, «ужесточение санкции уголовно-правовой нормы, хотя и является наиболее универсальной мерой повышения эффективности уголовно-правовой нормы, но полностью обеспечить уголовно-правовую защиту личности от истязаний не способно» [131, с. 104]. В результате проведённого теоретико-практического исследования авторы пришли к выводу, что ужесточение наказаний не является эффективной мерой для искоренения пыток и других ненадлежащих методов расследования.

А.В. Железняк также отмечает, что «так как невозможно искоренить многолетнюю практику насилия одной поправкой или даже целым законом» [114, с. 132]. А.В. Железняк констатирует, что, несмотря на чёткую регламентацию в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве положений о незаконных действиях, запретах и нарушениях, квалифицируемых как преступления, в правоприменительной практике по-прежнему существуют аналогичные проблемы.

Р.С. Чобанян подчёркивает, что меры по предупреждению пыток должны носить комплексный характер, учитывать специфику предупредительного воздействия на общем, специальном и индивидуальном уровнях,

рассматривать в качестве объектов не только личность лица, склонного к применению пыток и иного насилия, но и потенциальных потерпевших (в виктимологическом аспекте) [229, с. 13]. Автор рассматривает воздействие профилактических мер на различных уровнях: общем, специальном и индивидуальном. Он предлагает комплексный подход к предотвращению пыток и утверждает, что превентивные меры необходимы не только в отношении лиц, склонных к их применению, но и в отношении потенциальных жертв. Это означает, что лица, которые могут быть привлечены к ответственности, должны обладать необходимыми юридическими знаниями, чтобы понимать, что никто не имеет права обращаться с ними недозволенным образом.

Другой автор, К.А. Бардеев, выражает следующее мнение: «Процесс существования пытки –это переход от правомерной формы к неправомерной, от легального судопроизводства к преступлению» [169, с. 164]. Исходное высказывание содержит несколько неточностей и двусмысленностей. Оно некорректно представляет пытку как «отход» от законного процесса, в то время как она является его прямым нарушением. Предложенные варианты более точно передают преступную сущность пытки и ее противоречие принципам презумпции невиновности и правосудия.

Более логичную позицию для устранения данного негативного явления предлагает А.В. Железняк: «Также необходимо повышать престиж работы органов дознания и предварительного следствия с помощью проведения более жесткого конкурсного отбора на каждую вакансию» [114, с. 136].

Мы проанализировали состояние правоприменения в уголовном судопроизводстве, обращая внимание на наличие следов пыток. Производство по уголовным делам само по себе является чрезвычайно важным производством, затрагивающим самые высшие ценности человека, «его права и свободы» [7]. Наша цель состояла в попытке раскрыть суть презумпции невиновности как противовеса и антипода всем видам незаконного

расследования, пыткам, давлению, обману и ненадлежащему ходу уголовного преследования.

Судебная практика в нашей стране показывает, что пытки и давление на обвиняемого используются для получения признательных показаний и показаний свидетелей, создания предreshённого обвинения, принуждения к самооговору, подмены улик и фальсификации правосудия [270, с 431]. Всему этому противостоит презумпция невиновности, которая настаивает на доказывании вины законным путём, посредством сбора доказательств различными методами, не основанными на принуждении обвиняемого. Подобные методы расследования, вынуждающие человека к признанию в преступлении, полученному незаконным путём, являются грубым нарушением презумпции невиновности, а также подрывают основы справедливого правосудия. Следует подчеркнуть, что наличие следов пыток в производстве по уголовным делам автоматически ставит под сомнение достоверность полученных доказательств. Связь между пытками и нарушением презумпции невиновности позволяет осознать всю тяжесть этого преступления.

Анализ законодательства и практика судебных органов показывают, что Таджикистан для предотвращения и устранения подобных действий, таких как пытки и другие ненадлежащие методы расследования, предпринимал все усилия в УК РТ, УПК РТ и других отраслевых законах, а также в специальном пленуме Верховного Суда. Однако, как показывают исследования, поправки в законы и ужесточение наказаний не приносят необходимого результата, чтобы искоренить пытки из уголовного процесса.

Исходя из позиций ученых и результатов собственного исследования, мы пришли к выводу, что пытки являются главным врагом презумпции невиновности в уголовном процессе. Любой вид пыток и жестокое обращение нарушает право на презумпцию невиновности, принуждает обвиняемого к признанию чужой вины, а также грубо возлагает бремя доказывания на

обвиняемого, запутывает итоги расследования уголовного дела и становится причиной незаконного и необоснованного обвинительного приговора.

Следующим требованием принципа презумпции невинности является право на восстановление чести, достоинства и утраченных прав в случае принятия закона об амнистии и прекращения уголовного дела. Презумпция невиновности является гарантией от необоснованных или незаконных решений; она требует, чтобы никакой человек не привлекался к уголовной ответственности и не возникала необходимость в восстановлении утраченных прав, чести и достоинства. По этому поводу Н.А. Хузина отмечает, что «следственные и судебные ошибки допускались и допускаются в ходе осуществления процессуальной деятельности, они неизбежны» [153, с. 82].

Уголовно-процессуальная практика не застрахована от ошибок. Важно осознавать допущенную ошибку и исправлять её в дальнейшем. Если по ошибке были нарушены права и свободы человека, и он незаконно привлечён к уголовному преследованию, необходимо принять все предусмотренные законом меры для восстановления его утраченных прав и возможностей для реабилитации и социальной адаптации. Недостаточно просто освободить человека и предоставить ему всю необходимую помощь и поддержку. Это актуально как в прошлом, настоящем, так и в будущем. Профессора З.Ф. Ковриги и Н.П. Кузнецова в связи с этим подчёркивали, что «должностные лица, ограничивающие права и свободы с нарушением презумпции невиновности, должны нести соответствующие виды ответственности» [49, с. 45]. Авторы подтверждают правильность предыдущей позиции тем, что следователь, который нарушает право на презумпцию невиновности, несет ответственность за восстановление утраченных прав и обязан восстановить все нарушенные права и морально, и материально.

В.М. Хузина также по этому поводу высказывает мнение, что «для всей нашей практики борьбы с преступностью нет более верного компаса, чем безоговорочное признание и правильное понимание презумпции невиновности» [153, с. 83]. Презумпция невиновности играет важную роль в

борьбе с преступностью, обеспечивая привлечение к ответственности только виновных и требуя безупречных доказательств их вины. Соблюдение этого принципа значительно снижает вероятность следственных ошибок и необоснованного преследования. А. Парий отмечает, что «неразрывная связь принципа презумпции невиновности и реабилитации вытекает из самой сущности презумпции невиновности» [135, с. 46]. Сущность презумпции невиновности заключается в том, что если виновность человека в совершении преступления не доказана, то получится так, что он невиновен, он равноправен и равнозначен с каждым добропорядочным гражданином. Как подчёркивает И.Н. Сенякин: «Презумпция добропорядочности каждого гражданина трансформируется в презумпцию невиновности с момента появления в уголовном производстве» [143, с. 487].

К этому скептически относится А. Парий: «Уголовный процесс больше внимания уделяет подозреваемому и обвиняемому, при этом жертва преступления игнорируется» [135, с. 46]. Мы не разделяем эту точку зрения, поскольку высказывания автора носят характер презумпции виновности, он считает подозреваемого или обвиняемого виновным априори и не учитывает, что невиновное лицо, подвергнутое уголовному преследованию, также может стать жертвой уголовно-процессуальной ошибки.

По мнению известного советского процессуалиста М.С. Строговича, «в соответствии с презумпцией невиновности если вина обвиняемого не доказана и остались сомнения, то обвиняемый считается невиновным и должен быть реабилитирован» [87, с. 91]. М.С. Строгович, продолжая свою мысль, придерживается мнения, что, если не доказана виновность обвиняемого в совершении преступления, вопрос о возможности его виновности остается открытым. Это означает, что собранные доказательства для подтверждения виновности были недостаточны, и из-за этого принимается решение о прекращении уголовного дела либо выносится оправдательный приговор [87, с. 111]. М.С. Строгович предлагает в мотивировочной части решения о прекращении уголовного дела и оправдательного приговора оставить

открытым вопрос о возможности причастности обвиняемого к совершению преступления, но не разглашать это обвиняемым [87, с. 112].

Другой советский ученый А.П. Гуляев подчёркивает, что «при прекращении уголовного дела следователь констатирует невиновность или недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления по реабилитационному основанию» [111, с. 31]. А.П. Гуляев отождествляет невиновность с недоказанностью участия лица в совершении преступления и в обоих случаях предлагает прекращать уголовное дело по основаниям, влекущим реабилитацию. Он предлагает реабилитировать каждое лицо, в отношении которого было прекращено уголовное дело. И.А. Либус занимает более чёткую позицию по этому вопросу, отстаивая права обвиняемого или подсудимого, в отношении которого уголовное дело было прекращено на стадии предварительного следствия [58, с. 136], и выступая за восстановление утраченных прав и возможностей невиновных или оправданных лиц. Н.Д. Ратникова, Н.А. Хузина по этой проблеме придерживаются следующего мнения: «Если вина обвиняемого не доказана и остались сомнения, то обвиняемый считается невиновным в соответствии с презумпцией невиновности и должен быть реабилитирован» [140, с. 25]. Актуальность проблемы реабилитации и восстановления прав лиц, уголовное преследование которых прекращено по реабилитирующим основаниям, не вызывает сомнений. В целях эффективной защиты прав и свобод граждан, незаконно вовлеченных в уголовный процесс, требование соблюдения презумпции невиновности должно быть закреплено в законодательстве максимально четко и недвусмысленно. Учитывая важность принципа презумпции невиновности, Верховный Суд РТ в своем постановлении «О судебном приговоре» настойчиво требует: «Каждый невиновный должен быть оправдан» [272].

Глава 47, статьи с 461 по 469 УПК РТ устанавливают правила производства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями суда и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу», и в ст. 2 ч. 3, ст. 27 ч. 3, ст. 340 ч. 3, ст. 418 ч. 2 и ст. 463 данного

Кодекса установлены правила реабилитации невиновного человека, что свидетельствует о нарушении презумпции невиновности. Но в данных статьях УПК РТ отсутствуют конкретные нормы, регулирующие ситуации восстановления утраченных прав обвиняемых после прекращения уголовного дела. Целью реабилитации является не только формальное восстановление прав и интересов лица, но и обеспечение его полноценной интеграции в общество и возмещение ущерба, причинённого незаконным уголовным преследованием. Верховный Суд РТ в своем постановлении «О судебном приговоре» настойчиво требует, чтобы был вынесен «оправдательный приговор в том случае, если не доказано участие подсудимого в совершении преступления» [272].

Чтобы ответить на вопрос: «какие именно права и интересы подлежат восстановлению?», необходимо тщательно изучить обстоятельства каждого конкретного случая и учитывать индивидуальные потребности и особенности реабилитируемого лица.

В целях обеспечения реализации принципа презумпции невиновности предлагаем изложить ч. 1 ст. 467 УПК РТ в следующей редакции: *К иным правам и законным интересам, подлежащим восстановлению, относятся: восстановление трудовых прав, включая восстановление в прежней должности или на прежнем рабочем месте; восстановление чести, достоинства, доброго имени и общественного статуса добропорядочного гражданина; исключение сведений о лице из всех информационных баз данных правоохранительных органов, содержащих информацию о привлечении лица к уголовному преследованию; а также восстановление иных прав и законных интересов, нарушенных в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования. К иным правам и законным интересам также необходимо относить конкретные обстоятельства каждого случая и индивидуальные потребности реабилитируемого лица.*

Соответственно, ч.ч. 1 и 2 действующей статьи считать ч.ч. 2 и 3.

Следует подчеркнуть, что в целях обеспечения незамедлительного исполнения решения о реабилитации с момента вынесения оправдательного приговора, определения или постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям копия соответствующего постановления незамедлительно направляется в органы, ответственные за исполнение решения о реабилитации, и подлежит немедленному и безусловному исполнению. Исходя из содержания принципа презумпции невиновности подозреваемый (обвиняемый) не обязан доказывать свою невиновность. К сожалению, как показывает практика, после вынесения оправдательного приговора, определения или постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям нередко встречаются случаи, когда эти постановления не направляются в органы, ответственные за исполнение решения о реабилитации. В результате оправданное лицо или лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование по реабилитационным основаниям, будет вынуждено самостоятельно обращаться в различные учреждения для подтверждения факта своей невиновности, что является недопустимым нарушением принципа презумпции невиновности. Как интерпретирует Верховный Суд РТ в постановлении Пленума «О судебном приговоре» [272], «в резолютивной части оправдательного решения должно содержаться признание обвиняемого (подсудимого) невиновным и оправдание его».

Ю.И. Скоропупов пишет: «В случае прекращения уголовного дела по не реабилитирующим основаниям (амнистии или смерти обвиняемого и др.), это также не может говорить о виновности данного лица в совершении преступления» [144, с. 143]. Исходя из позиции презумпции невиновности, мы не можем согласиться с положением закона об амнистии, принятого шесть лет назад [20], которое ставит условием освобождения обвиняемых, подозреваемых и иных лиц, находящихся под уголовным преследованием, «признание подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или осужденным своей вины и раскаяние перед законом за свои ошибки». Этот закон

фактически освобождает лиц, признавших свою вину, что прямо противоречит принципу презумпции невиновности. Подобные законодательные акты автоматически перекладывают бремя доказывания на обвиняемого и подталкивают его к признанию вины, чтобы освободиться от наказания в рамках амнистии. Эту проблему затрагивал в своей диссертации таджикский исследователь М.Ш. Шерализода, отмечая, что применение акта об амнистии в таком виде не соответствует принципу презумпции невиновности, поскольку сам акт амнистии подразумевает виновность лица. Автор указывает, что после принятия закона «Об амнистии» на стадии предварительного следствия вопрос о виновности или невиновности обвиняемого остаётся нерешённым, а процесс расследования формально прекращается [231, с. 13].

Подводя итог анализу данной главы, следует отметить, что анализу были подвергнуты положения принципа презумпции невиновности, которые не были явно закреплены в действующем уголовно-процессуальном кодексе. Вместе с тем международные акты и зарубежный опыт демонстрируют наличие механизмов защиты прав и свобод граждан в условиях уголовного преследования. К таким механизмам относятся: гарантия справедливого уголовного судопроизводства, обеспечивающего всестороннее право на защиту, и предотвращение предвзятости и обвинительного уклона в ходе расследования уголовных дел. Реализация указанных положений благоприятно сказывается на предварительном расследовании и способствует полному соблюдению права на презумпцию невиновности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение работы сформулированы выводы теоретического и практического характера, подтверждающие актуальность обновления и улучшения норм уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан.

1) В рамках научного исследования были изучены исторические истоки принципа презумпции невиновности, начиная с его зарождения в Европе. Анализ охватил мусульманские правовые нормы, советский период, а также последующее закрепление принципа в международных документах по правам человека, Конституции, отраслевых законах и других нормативных правовых актах независимого Таджикистана. Исследование исторических документов выявило, что презумпция невиновности не является исключительно порождением уголовного процесса. Ее появление обусловлено борьбой народов против незаконного преследования и необоснованных обвинений на протяжении различных исторических эпох [5-А].

2) Автором было изучено понятие презумпции невиновности и предложено его универсальное применение ко всем фигурантам уголовного процесса. Актуальность этого вопроса обусловлена различными интерпретациями данного принципа. В этом контексте автором было предложено универсальное определение понятия принципа презумпции невиновности, которое распространяется на каждое лицо, подвергшееся уголовному преследованию [1-А].

3) В работе презумпция невиновности рассматривается как объективное правовое положение. Автор также раскрывает ее суть как общепризнанного правового принципа в рамках досудебного производства по уголовным делам. Этот принцип обязывает участников процесса – дознавателя, следователя, прокурора, суд и других заинтересованных лиц считать человека невиновным до тех пор, пока его вина не будет окончательно доказана приговором суда [11-А].

4) Проанализированы проблемные аспекты правового регулирования принципа презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела. Особое

внимание уделено следующим вопросам: какие следственные действия могут быть проведены до возбуждения уголовного дела; как определить достаточность доказательств для его возбуждения; какие сложности возникают с признательными показаниями на данной стадии процесса; дискуссионный характер явки с повинной и ее признание в качестве доказательства с позиции объективности, достоверности и истины на ранних этапах уголовного производства. В заключение предложены разумные пути решения выявленных проблем, соответствующие принципу презумпции невиновности. По итогам анализа диссертантом предложены рациональные пути их преодоления, согласующиеся с принципом презумпции невиновности [14-А].

5) Комплексный анализ практики работы органов предварительного расследования и судебной практики в контексте соблюдения презумпции невиновности на ранних стадиях уголовного процесса стал основой диссертационного исследования. Результаты анализа практических материалов, анкетирования и изучения уголовных дел подтвердили, что презумпция невиновности является важнейшей гарантией защиты от необоснованного и незаконного обвинения. Нарушение этого принципа приводит к значительному увеличению риска необоснованных обвинений на начальных этапах уголовного судопроизводства, что подчеркивает его критическую важность [3-А].

6) В исследовании конкретизированы аспекты действия презумпции невиновности при досудебном доказывании.

Суть этого принципа заключается в незыблемом правиле: бремя доказывания ни в коем случае не может быть возложено на обвиняемого [13-А].

7) Анализ права на презумпцию невиновности выявил его ключевые элементы. Во-первых, это право на защиту, которое является неотъемлемой частью презумпции. Во-вторых, бремя доказывания вины и опровержения доводов лежит исключительно на стороне обвинения. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Все неустранимые разумные сомнения в его виновности подлежат истолкованию в его пользу. Важно, что обвинительное

закключение (дознателя, следователя) могут быть основаны только на достаточных, проверенных и достоверных доказательствах [17-А].

8) Установлено, что миссия презумпции невиновности раскрывается по-разному в зависимости от того, к какому типу уголовного процесса относится: объективно-истинному или состязательному. В состязательном типе уголовного процесса эффективность презумпции невиновности напрямую коррелирует с силой сторон и их готовностью к процессуальному противостоянию. В результате презумпция невиновности может стать лишь формальным юридическим отражением победы одной из сторон (истина победителя). В объективно-истинном же процессе, напротив, презумпция невиновности выступает как надежный гарант справедливого и объективного рассмотрения дела, обеспечивая защиту процессуальных прав граждан от необоснованных обвинений [2-А].

9) Состязательная модель уголовного процесса, в отличие от той, что ориентирована на установление объективной истины, подрывает фундаментальное значение презумпции невиновности как реального правового состояния. Отсутствие должной связи с объективностью в рамках данной модели приводит к тому, что презумпция невиновности становится производной от силы аргументации и доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты. Таким образом, если обвинение успешно доказывает свою правоту в ходе состязания, оно может фактически аннулировать презумпцию невиновности, и дело будет разрешено в его пользу. И наоборот, если защита одерживает верх, презумпция невиновности остается непровергнутой, что ведет к оправданию обвиняемого [2-А].

10) Анализу были подвергнуты положения принципа презумпции невиновности, которые не были явно закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе. Вместе с тем, международные акты и зарубежный опыт демонстрируют наличие механизмов защиты прав и свобод граждан в условиях уголовного преследования. К таким механизмам относятся: гарантия справедливого уголовного судопроизводства, обеспечивающего всестороннее право на защиту, и предотвращение предвзятости и обвинительного уклона в ходе расследования

уголовных дел. Реализация указанных положений благоприятно сказывается на предварительном расследовании и способствует полному соблюдению права на презумпцию невиновности [4-А].

В результате исследования автором разработан **ряд научно-практических рекомендаций** в форме изменений и дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон. Здесь своевременным является вывод автора о том, что проведенное сравнительно-правовое исследование и анализ эмпирических данных свидетельствуют о некоторых недостатках, имеющих место в вопросе правового регулирования принципа презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела, что ведет к нарушению прав личности при проверке заявления и сообщений о преступлениях.

1. Для минимизации и возможного устранения дефектов нормативного правового регулирования в этой части, предлагается внести следующие изменения и дополнения в УПК Республики Таджикистан:

2) ч. 4 ст. 46 дополнить новым пунктом следующего содержания:

«- при согласии дачи показаний подозреваемый должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу»;

2) ч. 4 ст. 49 УПК дополнить следующим содержанием:

«4) Защитник обеспечивается (допускается) в уголовном деле с момента устного заявления о явке с повинной, сделанного лицом в порядке, установленным частью второй статьи 142 настоящего Кодекса»;

3) ч. 1 ст. 88¹ дополнить новым пунктом следующего содержания:

«- добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении (заявление о явке с повинной), полученное с нарушением требований части четвертой статьи 142 настоящего Кодекса»;

4) ст. 142 дополнить ч. 4 следующего содержания:

«4. Устное и письменное заявление о явке с повинной может быть сделано только в присутствии защитника. Если соответствующее заявление о явке с

повинной сделано в отсутствие защитника, то применение видеозаписи хода принятия заявления о явке с повинной является обязательным».

2. Авторский вывод о том, что в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют некоторые требования, вытекающие из состава права на презумпцию невиновности каждого. В контексте возможной модернизации принципа презумпции невиновности как комплексного института, способствующего в конечном итоге вынесению справедливого и обоснованного приговора, считаем целесообразным предложить некоторые изменения и дополнения:

а) ст. 15 УПК Республики Таджикистан изложить в новой редакции:

«1. Задержанный, подозреваемый, обвиняемый и подсудимый не считаются виновными в совершении преступления до вступления в законную силу приговора компетентного суда, если во время предварительного расследования и судебного разбирательства все возможности для защиты им были обеспечены».

2. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов в защиту возлагается на орган, осуществляющий уголовное расследование и суд. Орган предварительного расследования и суд не вправе указывать задержанному, подозреваемому, обвиняемому и подсудимому доказывать свою виновность или невиновность и приводить дополнительные доказательства для оправдания своей непричастности к преступлению.

3. Все сомнения, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу задержанного, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Если орган предварительного расследования не принимает мер для устранения выявленных сомнений, суд вправе принимать оправдательные решения в отношении перечисленных лиц.

4. Обвинительное заключение дознавателя, следователя и обвинительный приговор суда не могут быть основаны на предположениях и недостоверных доказательствах или фактах.

5. Недоказанность вины задержанного, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого влечет за собой прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела и вынесение оправдательного приговора».

б) В целях обеспечения реализации принципа презумпции невиновности предлагаем изложить ч. 1 ст. 467 УПК РТ в следующей редакции:

1. К иным правам и законным интересам, подлежащим восстановлению, относятся: восстановление трудовых прав, включая восстановление в прежней должности или на прежнем рабочем месте; восстановление чести, достоинства, доброго имени и общественного статуса добропорядочного гражданина; исключение сведений о лице из всех информационных баз данных правоохранительных органов, содержащих информацию о привлечении лица к уголовному преследованию; а также восстановление иных прав и законных интересов, нарушенных в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования. К иным правам и законным интересам также необходимо относить конкретные обстоятельства каждого случая и индивидуальные потребности реабилитируемого лица.

Соответственно, ч.ч. 1 и 2 действующей статьи считать ч.ч. 2 и 3.

3. Для реализации принципа презумпции невиновности, предотвращения обвинительного уклона со стороны следователя и дознавателя, а также недопущения других незаконных действий и для того, чтобы расследующее лицо на этапе предварительного расследования не инициировало обвинения, считаем целесообразным дополнить следующие положения в УПК РТ:

- в ч. 1 ст. 2 дополнить 9 пункт: *«устанавливать виновность подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) в совершении преступления»;*

- в ст. 75 дополнить часть 2: *«показания, полученные от подозреваемого незаконным путем, не являются доказательством»;*

- в ст. 76 дополнить часть 3: *«если показания обвиняемого получены с применением недозволённых методов, они являются недопустимым доказательством».*

4. Утверждение автора, в котором обосновывается совершенствование механизма реализации принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса посредством предупреждения обвинительного уклона со стороны должностных лиц органов расследования и максимального устранения формальных подходов при производстве по уголовным делам, обуславливающегося из конкретных авторских мер, а именно:

1) дознаватель, следователь и прокурор обязаны не допускать обвинительного направления в проводимых следственных действиях, которое в итоге приводит к собиранию, проверке, оценке и использованию только обвинительных доказательств;

2) дознаватель, следователь и прокурор обязаны в целях обеспечения принципа презумпции невиновности проводить всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела, и обеспечивать выдвижение любых оправдывающих доказательств в пользу невиновного;

3) задержанный, подозреваемый или обвиняемый во всех случаях досудебного производства должны быть обеспечены защитниками (адвокатами) и соответствующими представителями в случаях, предусмотренных отраслевым законодательством;

4) представители средств массовой информации и институтов гражданского общества не вправе самостоятельно и по надуманным основаниям публично распространять обвинительную информацию о лице, которое задержано, подозревается или обвиняется в совершении преступления;

5) лицо, которое привлекается к уголовному преследованию в качестве подозреваемого или обвиняемого, не должно быть преждевременно уволено с работы, учебы или подвергаться публичной критике со стороны представителей общественности, пока его виновность не будет доказана в соответствующем порядке, и обвинительный приговор не вступит в законную силу;

6) в контексте предупреждения пыток и других незаконных методов расследования, предлагается во всех камерах изолятора временного содержания, в следственных изоляторах, а также в рабочих кабинетах сотрудников следственного подразделения и в местах, где проводятся допросы и следственные действия, устанавливать круглосуточные камеры видеонаблюдения с функцией видео- и аудиозаписи;

7) необходимо систематически организовывать и проводить курсы повышения квалификации сотрудников следственных и оперативных подразделений отечественных правоохранительных органов в соответствии с современными международными стандартами в области защиты прав и свобод человека, а также обучения передовым методам и навыкам расследования уголовных дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)

I. Международные нормативные правовые акты:

[1]. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.07.2025).

[2]. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН от 16.12.1966 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 22.07.2025).

[3]. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 22.07.2025).

[4]. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1984 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 22.07.2025).

[5]. Американская конвенция о правах человека (принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html> (дата обращения: 22.07.2025).

[6]. Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legislationline.org/ru/taxonomy/term/16423> (дата обращения: 22.07.2025).

II. Нормативные правовые акты и документы:

[7]. Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994 г. (в ред. от 22.05.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 28.08.2025).

[8]. Конституция (Основной закон) СССР от 05.12.1936 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2025).

[9]. Конституция (Основной Закон) СССР от 07.10.1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm> (дата обращения: 28.05.2025).

[10]. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. (с изм. и доп. от 03.01.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj> (дата обращения: 28.08.2025).

[11]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 01.09.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.09.2025).

[12]. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК. (с изм. и доп. от 16.09.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 28.09.2025).

[13]. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изм. и доп. от 15.05.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj> (дата обращения: 28.08.2025).

[14]. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.07.2025).

[15]. Постановление ВЦИК «Об Уголовно-процессуальном кодексе» от 25.05.1922 г. (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 28.05.2025).

[16]. Постановление ВЦИК «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» от 15.02.1923 (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 28.05.2025).

[17]. Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» от 1926 г. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.05.2025).

[18]. Основы уголовного судопроизводства СССР от 25.12.1958 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13878> (дата обращения: 28.08.2025).

[19]. Закон Республики Таджикистан «Об информации» от 10.05.2002 г. (ред. от 27.11.2014 г. № 1164) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj> (дата обращения: 28.08.2025).

[20]. Закон Республики Таджикистан «Об амнистии» от 25 октября 2019 г. № 1648 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj> (дата обращения: 28.08.2025).

[21]. Закон Таджикской Советской Социалистической Республики от 17.08.1961 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portali-huquqi.tj/> (дата обращения: 28.08.2025).

[22]. Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 28.08.2025).

[23]. Римский статут Международного уголовного суда от 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 28.05.2025).

[24]. Пятая поправка к Конституции США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/940823/popravki_konstitutsii (дата обращения: 28.05.2025).

[25]. Руководство Международной амнистии по справедливому судопроизводству. – М.: Изд-во «Права человека», 2003. – 195 с.

[26]. Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. – Душанбе, 2012. – 140 с.

[27]. Решение Комитета конституционного надзора СССР «О принятии к рассмотрению вопроса о законодательных гарантиях презумпции невиновности» от 22.06.1990 г. № 2-8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16766.htm (дата обращения: 28.05.2025).

III. Монографии, учебники, учебные пособия:

[28]. Абдрашитов, В.М. Теоретические и практические проблемы правопонимания принципа презумпции невиновности: международный и национальный аспекты (генезис и перспективы развития) [Текст] / В.М. Абдрашитов. – М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2006. – 422 с.

[29]. Артамонова, Е.А. Фирсов, О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России [Текст]: учебное пособие / Е.А. Артамонова, О.В. Фирсов. – М.: Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 240 с.

[30]. Бабаев, В.К Презумпции в советском праве [Текст]: учебное пособие / В.К. Бабаев. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.

[31]. Барабаш, А.С. Принцип презумпции невиновности обвиняемого – миф теории российского уголовного процесса [Текст]: монография / А.С. Барабаш. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.

[32]. Бархатова, Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / Е.Ю. Бархатова. – М.: Проспект, 2010. – 256 с.

[33]. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях [Текст] / Ч. Беккариа; сост. и предисл. В.С. Обнинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.

[34]. Васильев, Л.М. Презумпция невиновности обвиняемого в истории российского права [Текст]: монография / Л.М. Васильев. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2003. – 248 с.

[35]. Вилкова, Т.Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы [Текст]: монография / Т.Ю. Вилкова. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 173 с.

[36]. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в Советском праве [Текст] / А.Я. Вышинский. – М., 1950. – 308 с.

[37]. Гомьен, Д., Харрис, Д., Зваак, Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика [Текст] / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М.: Изд-во МНИМП, 1998. – 600 с.

[38]. Гриненко, А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий [Текст]: учебное пособие / А.В. Гриненко. – М.: Проспект, 2019. – 968 с.

[39]. Гриненко, А.В., Кожевников, Г.К., Шумилин, С.Ф. Принцип презумпции невиновности и его реализация в досудебном уголовном процессе [Текст]: монография / А.В. Гриненко, Г.К. Кожевников, С.Ф. Шумилин. – Харьков, 1997. – 97 с.

[40]. Законы Ману [Текст]. – М.: ЭКСМО – Пресс, 2002. – 496 с. – (Серия «Антология мудрости»).

[41]. Исканадаров, З.Х. Защита прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: история и современность [Текст]: монография / З.Х. Исканадаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 368 с.

[42]. Искандарзода, З.Х., Турахонова, Д.Т., Каримова, Т.Ф. Международные стандарты справедливого судопроизводства [Текст]: учебное пособие для студентов юридических факультетов / под ред. д. ю. н., проф З.Х. Искандарзода / З.Х. Искандарзода, Д.Т. Турахонова, Т.Ф. Каримова. – Душанбе: Ношир, 2012. – 244 с.

[43]. Искандаров, З.Ш., Махмудов, И.Т., Абдуллозода, П.С., Зиёваддинов, И.И. Актуальные вопросы уголовного процесса. [Текст]: монография / З.Ш.

Искандаров, И.Т. Махмудов, П.С. Абдуллозода, И.И. Зиёваддинов. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2024. – 394 с.

[44]. Каминская, В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе [Текст] / В.И. Каминская; отв. ред. Н.Н. Полянский. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 132 с.

[45]. Касумов, Ч.С. Презумпция невиновности в советском праве [Текст] / Ч.С. Касумов. – Баку, 1984. – 139 с.

[46]. Кирьянов, А.Ю. Презумпция невиновности в современном уголовном процессе России и актуальные проблемы ее реализации [Текст]: монография / А.Ю. Кирьянов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – 151 с.

[47]. Клейнман, А.Ф. Советский гражданский процесс [Текст]: учебник / А.Ф. Клейнман. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 407 с.

[48]. Ключевский, В. Русская история [Текст]: полный курс лекций / В.О. Ключевский. – М.: Альфа-книга, 2019. – 1197 с.

[49]. Ковриги, З.Ф., Кузнецова, Н.П. Уголовный процесс России [Текст]: учебное пособие / З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 445 с.

[50]. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / [Андриченко Л.В. и др.]; под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева; Конституционный Суд РФ. – М.: Эксмо, 2009. – 1056 с.

[51]. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. Л.В. Лазарева. – М.: ООО «Новая правовая культура», 2009. – 1056 с.

[52]. Комментарий к Уголовному кодексу РФ [Текст]: в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2025. – 276 с.

[53]. Крашенинников, С.В., Осипов, Д.В. Правовые презумпции на стадии предварительного расследования [Текст]: монография / С.В. Крашенинников, Д.В. Осипов. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 102 с.

[54]. Ларин, А.М. Презумпция невиновности [Текст] / А.М. Ларин. – М., 1982. – 152 с.

[55] Ларин, А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства [Текст] / А.М. Ларин; отв. ред. В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1985. – 240 с.

[56]. Левченко, О.В. Презумпции и преюдиции в доказывании [Текст]: монография / О.В. Левченко. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 1999. – 232 с.

[57]. Левченко, О.В. Презумпция невиновности обвиняемого в доказывании по уголовным делам [Текст] / О.В. Левченко. – Астрахань, 2001. – 147 с.

[58]. Либус, И.А. Презумпции невиновности в советском уголовном процессе [Текст] / И.А. Либус. – Ташкент: Узбекистан, 1981. – 232 с.

[59]. Лосев, А.Ф. Дерзание духа. Личность, мораль, воспитание [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1988. – 366 с.

[60]. Лунеев, В.В. Эпоха глобализации и преступность [Текст] / В.В. Лунеев. – М.: Норма, 2007. – 272 с.

[61]. Мальцев, Г.В. Социальные основания права [Текст] / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2007. – 800 с.

[62]. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры [Текст]: в 3 т. / П.Н. Милюков. – СПб.: Ред. журн. «Мир божий», 1901. – Т. 3: Национализм и общественное мнение. – 186 с.

[63]. Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе [Текст] / И.Б. Михайловская. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. – 192 с.

[64]. Мотовиловкер, Я.О. О принципах объективной истины презумпции невиновности и состязательности процесса [Текст]: учебное пособие / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль, 1978. – 96 с.

[65]. Никиташина, Н.А. Презумпции и фикции в механизме правового регулирования [Текст]: монография / Н.А. Никиташина. – Красноярск, 2007. – 108 с.

[66]. Новосельцев, С.П. Презумпция невиновности: структура и правовое содержание формы [Текст]: монография / С.П. Новосельцев. – Красноярск, 2010. – 42 с.

[67]. Ойгензихт, В.А. Презумпции в советском гражданском праве [Текст] / В.А. Ойгензихт. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 190 с.

[68]. Орлов, Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе [Текст]: научно-практическое пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2001. – 144 с.

[69]. Острикова, А.Б., Юлдошев, Р.Р. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан и Российской Федерации [Текст]: монография / А.Б. Острикова, Р.Р. Юлдошев. – Душанбе Изд-во «Типография МВД РТ», 2014. – 172 с.

[70]. Панькина, И.Ю. Презумпция невиновности: теория и практика реализации в российском уголовном процессе [Текст] / И.Ю. Панькина. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 140 с.

[71]. Печников, Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе [Текст]: монография / Г.А. Печников. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – 312 с.

[72]. Печников, Г.А. Признание обвиняемым своей вины в свете презумпции невиновности [Текст] / Г.А. Печников // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1985. 395 с.

[73]. Печников, Г.А. Принцип презумпции невиновности на предварительном следствии [Текст] / Г.А. Печников. – Волгоград, 1992. – 59 с.

[74]. Алиев, Т.Т., Богорубова, Т.А., Бытко, С.Ю. Принципы и презумпции в праве: междисциплинарный подход [Текст]: монография / [Алиев Т.Т., Богорубова Т.А., Бытко С.Ю. и др.; под общ. ред. А.С. Мордовца, Л.В. Саенко]. – Саратов, 2017. – 328 с.

[75]. Савицкий, В.М. Презумпция невиновности [Текст] / В.М. Савицкий. – М.: Норма, 1997. – 121 с.

- [76]. Сафаров, И. Правовая система государства Саманидов (IX-X в.в.) [Текст] / И. Сафаров. – Душанбе: Ирфон, 1999. – 198 с.
- [77]. Сериков, А.Ю. Презумпции в гражданском судопроизводстве [Текст] / Ю.А. Сериков. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 184 с.
- [78]. Смирнов, А.В., Калиновский, К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М.: Консультант Плюс, 2012. – 508 с.
- [79]. Смышляев, Л.П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе [Текст] / Л.П. Смышляев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 47 с.
- [80]. Стадуб, И.Д. История государства и права зарубежных стран [Текст] / И.Д. Стадуб. – Минск, 2003. – 548 с.
- [81]. Строгович, М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности [Текст] / М.С. Строгович; под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1984. – 143 с.
- [82]. Строгович, М.С. Избранные труды: Теория судебных доказательств [Текст]: в 3-х т. / М.С. Строгович; отв. ред. А.М. Ларин. – М.: Наука, 1991. – Т. 3. – 300 с.
- [83]. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.
- [84]. Строгович, М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 151 с.
- [85]. Строгович, М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М.-Л.: Издательство и 2-я типография Издательства Академии наук СССР, 1947. – 276 с.
- [86]. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции [Текст]: монография / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 496 с.
- [87]. Уголовное право РФ [Текст]: учебник / Л.Н. Башкатов [и др.]; отв. ред. И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009. – 672 с.

[88]. Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан [Текст]: учебник / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова, Р.Р. Юлдошева. – Душанбе: Изд-во «ТАДЖПРИНТ», 2017. – 494 с.

[89]. Уголовный процесс [Текст]: учебник / под ред. В.И. Радченко. – М.: Юстицинформ, 2006. – 784 с.

[90]. Уголовный процесс [Текст]: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: Зерцало, 2005. – 736 с.

[91]. Уголовный процесс [Текст]: учебник: в 3 ч. / под ред. В.Г. Глебова, Е.А. Зайцевой. – Волгоград: ВА МВД России, 2017. – Ч. 2. – 260 с.

[92]. Уголовный процесс России [Текст]: учебник / [А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва]; науч. ред. В.Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.

[93]. Умар ибн аль-Хаттаб. Второй праведный халиф [Текст] / пер. с араб., прим., коммент. Е. Сорокоумовой. – М.: Умма, 2011. – 496 с.

[94]. Фельдштейн, Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству [Текст] / Г.С. Фельдштейн. – М.: Типолитография В. Рихтера, 1915. – 433 с.

[95]. Цуканов, Н.Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции [Текст]: монография / Н.Н. Цуканов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – 161 с.

[96]. Шейфер, С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти [Текст]: монография / С.А. Шейфер. – М.: Норма; Инфра-М, 2013. – 192 с.

[97]. Щегловитова, С.Г. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства [Текст] / С.Г. Щегловитова. – СПб., 1898. – 1208 с.

[98]. Юлдошев, Р.Р. Регулирование Уголовно-процессуальным кодексом РТ полномочий суда по возбуждению уголовного дела: научно-аналитический обзор [Текст] / Р.Р. Юлдошев. – Душанбе: Изд-во «Типография МВД», 2014. – 40 с.

[99]. Яковлева, П.А. Реализация принципа презумпции невиновности на этапе предварительного расследования [Текст]: монография / П.А. Яковлева. – СПб., 2011. – 95 с.

IV. Статьи и доклады:

[100]. Абдуллоев, Н.А. Презумпция невиновности обвиняемого как принцип уголовного судопроизводства в свете проекта Уголовно-процессуального кодекса РТ [Текст] / Н.А. Абдуллоев // Давлат ва ҳуқуқ. – 2008. – № 2. – С. 49-53.

[101]. Азимзода, Ш.Дж. Правовые основания и процессуальные условия прекращения уголовных дел в досудебном производстве по законодательству Республики Таджикистан [Текст] / Ш.Дж. Азимзода // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 2 (61). – С. 81-89.

[102]. Аснис, А.Я. пытки: проблемы толкования и пути совершенствования уголовного законодательства [Текст] / А.Я. Аснис // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 6. – С. 133-138.

[103]. Бардеев, К.А. История пытки как средства уголовного процесса в западной правовой традиции [Текст] / К.А. Бардеев // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 3 (181). – С. 142-145.

[104]. Бахромов, И.А. Обеспечение прав обвиняемого при заключении его под стражу [Текст] / И.А. Бахромов // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 242-249.

[105]. Блинков, А.П. О принципе презумпции невиновности в уголовном процессе [Текст] / А.П. Блинков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2008. – № 2 (7). – С. 76-79.

[106]. Гармажапова, Б.Ц. Заключение под стражу, как нарушение презумпции невиновности [Текст] / Б.Ц. Гармажапова // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». – 2023. – Т. 4. – № 2 (59). – С. 129-132.

[107]. Гордейчик, С.А., Егорова, Н.А. пытки на предварительном расследовании: причины и предупреждение [Текст] / С.А. Гордейчик, Н.А.

Егорова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 2 (21). – С. 98-99.

[108]. Грешнова, Н.А. Презумпция невиновности личности как одно из условий реализации принципа состязательности [Текст] / Н.А. Грешнова // Ленинградский юридический журнал. Право. – 2014. – № 4 (38). – С. 49-55.

[109]. Григорьев, В.Н., Терехов, А.Ю., Терехов, М.Ю. Научный комментарий некоторых обстоятельств явки с повинной [Текст] / В.Н. Григорьев, А.Ю. Терехов, М.Ю. Терехов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 2 (33). – С. 63-67.

[110]. Гриценко, Т.В. Проблемные вопросы заключения под стражу в уголовном процессе России [Текст] / Т.В. Гриценко // Юрист-правовед. – 2021. – № 4 (99). – С. 109-114.

[111]. Гуляев, А.П. Социально-политический аспект презумпции невиновности [Текст] / А.П. Гуляев // Правоведение. – 1988. – № 4. – С. 29-36.

[112]. Довгун, С.И., Василевский, Л.И. Применение презумпции невиновности на стадиях досудебного производства: теория и практика [Текст] / С.И. Довгун, Л.И. Василевский // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2017. – С. 28-35.

[113]. Ефимичев, П.С. Презумпция невиновности: в чем ее сущность? [Текст] / П.С. Ефимичев // Журнал российского права. – 2000. – № 7. – С. 108-111.

[114]. Железняк, А.В. Проблема применения пыток на этапе дознания и предварительного следствия в России [Текст] / А.В. Железняк // SCIENCE TIME. – 2014. – № 10 (10). – С. 133-139.

[115]. Журавлева, Е. Явка с повинной в судебной практике [Текст] / Е. Журавлева // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 35-36.

[116]. Заморева, И.С. Заключение под стражу: проблемы и перспективы [Текст] / И.С. Заморева // Научные высказывания. – 2023. – № 13 (37). – С. 57-59.

[117]. Иванов, А.В. Явка с повинной как механизм уголовной юстиции [Текст] / А.В. Иванов // Адвокатская практика. – 2016. – № 2. – С. 42-48.

[118]. Ильютченко, Н.В. Принцип *Nemo tenetur se ipse accusare*: сравнительно-правовой анализ [Текст] / Н.В. Ильютченко // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 3. – С. 42-49.

[119]. Кальницкий, В.В., Николаев, Ю.А. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В.В. Кальницкий, Ю.А. Николаев // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1998. – С. 22-37.

[120]. Качабеков, К.Т. Функции следователя в современном уголовном судопроизводстве [Текст] / К.Т. Качабеков // Молодой ученый. – 2018. – № 48 (234). – С. 147-149.

[121]. Киященко, Л.П., Тищенко, П.Д. Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании [Текст] / Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 232-258.

[122]. Клямко, Э.И. О правовом содержании презумпции невиновности [Текст] / Э.И. Клямко // Государство и право. – 1994. – № 2. – С. 90-97.

[123]. Ковтун, Н.Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) [Текст] / Н.Н. Ковтун // Российский судья. – 2010. – № 5. – С. 15-20.

[124]. Ковтун, Н.Н. Судебный следователь и следственный судья – разные субъекты правовых отношений [Текст] / Н.Н. Ковтун // Уголовная юстиция: связь времен: избранные материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6-8 октября 2012 г.). – М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 52-60.

[125]. Когамов, М.Ч. Противодействие пыткам в уголовном процессе: международный и национальный опыт, пути совершенствования [Текст] / М.Ч. Когамов // Право и государство. – 2024. – № 3 (104). – С. 31-37.

[126]. Купавцев, Г.И., Печников, Г.А. О принципах презумпции невиновности и обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в состязательном уголовном процессе [Текст] / Г.И. Купавцев, Г.А. Печников // Проблемы состязательного правосудия: сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 52-54.

[127]. Макаренко М.М., Ермаков, С.В. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы [Текст] / М.М. Макаренко, С.В. Ермаков // Российский следователь. – 2015. – № 6. – С. 27-31.

[128]. Макогон, А.А. К вопросу о целях меры пресечения в виде заключения под стражу [Текст] / А.А. Макогон // Криминалист. – 2019. – № 3 (28). – С. 42-45.

[129]. Мезяев, А.Б. Презумпция невиновности во внутригосударственном и международном праве [Текст] / А.Б. Мезяев // Вестник ТИСБИ. – 2012. – № 3. – С. 116-125.

[130]. Миракова, А.И. Проблемы определения гражданско-правовой ответственности в Республике Таджикистан [Текст] / А.И. Миракова // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы VI Международной научно-практической конференции (Душанбе, 26 апреля 2019 г.). – Душанбе: РТСУ, 2019. – С.170-172.

[131]. Молев, Г.И., Пузарин, А.И. Проблемы квалификации истязания как уголовно наказуемого деяния [Текст] / Г.И. Молев, А.И. Пузарин // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 102-106.

[132]. Мурашкин, О.Ю. Эволюция принципа презумпции невиновности в Российском и международном праве [Текст] / О.Ю. Мурашкин // История государства и права. – 2014. – № 13. – С. 25-31.

[133]. Недбайло, Е.А. Развитие принципа презумпции невиновности в советский и постсоветский период [Текст] / Е.А. Недбайло // Молодой учёный. – 2019. – № 26 (264). – С. 226-230.

[134]. Новиков, С.А. «Я виновен!»: доказательственное значение собственного признания вины в современном уголовном процессе России [Текст] / С.А. Новиков // Известия вузов. Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 141-157.

[135]. Парий, А. Защита прав жертвы преступления в российском уголовном процессе [Текст] / А. Парий // Правозащитник. – 1997. – № 1. – С. 44-47.

[136]. Пастухов, М.И. Роль презумпции невиновности в обеспечении всестороннего, полного и объективного расследования по уголовному делу [Текст] / М.И. Пастухов // Тезисы докладов и выступ. на научно-практической конференции следователей органов Прокуратуры БССР в 1984 г. – Минск, 1984. – С. 52-57.

[137]. Петракова, М.С. Проблемы реализации положения о толковании сомнений в виновности в пользу обвиняемого [Текст] / М.С. Петракова // Новый юридический вестник. – 2019. – № 5. – С. 29-31.

[138]. Печников, Г.А., Блинков, А.П., Волколупов, В.Г. Объективно-истинный и состязательный уголовный процесс [Текст] / Г.А. Печников, А.П. Блинков, В.Г. Волколупов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – Выпуск 1 (24). – С. 97-102.

[139]. Побегайло, Э.Ф. Специальные принципы уголовного судопроизводства [Текст] / Э.Ф. Побегайло // Публичное и частное право. – 2013. – Вып. II (XVIII). – С. 114-115.

[140]. Ратникова, Н.Д., Хузина, Н.А. Институт реабилитации в уголовном процессе: его назначение и эффективность [Текст] / Н.Д. Ратникова, Н.А. Хузина // Пенитенциарная наука. – 2017. – № 3 (39). – С. 24-27.

[141]. Рахмаджонзода, Р.Р. Деятельность суда по возбуждению уголовного дела в Таджикистане: история и современность [Текст] / Р.Р. Рахмаджонзода // Russian Journal of Criminal Law. – 2014. – № 1 (3). – С. 61-68.

[142]. Решняк, М.Г. Понятие и сущность презумпции невиновности [Текст] / М.Г. Решняк // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2010. – № 2. – С. 54-61.

[143]. Сенякин, И.Н. Еще раз о содержании принципа презумпции невиновности в российском законодательстве [Текст] / И.Н. Сенякин // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 486-495.

[144]. Скоропупов, Ю.И. К вопросу о значении презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве [Текст] / Ю.И. Скоропупов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 4. – С. 140-145.

[145]. Смолькова, И.В. Является ли явка с повинной признанием обвиняемым своей вины? [Текст] / И.В. Смолькова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 114-119.

[146]. Соколовская, Т.Н. Явка с повинной: доказательство или повод для возбуждения уголовного дела [Текст] / Т.Н. Соколовская // Молодой ученый. – 2018. – №38. – С. 156-158.

[147]. Солиев, С.М. О дефиниции «реабилитация» в Таджикистане [Текст] / С.М. Солиев // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы VI Международной научно-практической конференции (Душанбе, 26 апреля 2019 г.). – Душанбе: РТСУ, 2019. – С. 844-845.

[148]. Соловьев, А.Б., Якубович, Н.А. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования [Текст] / А.Б. Соловьев, Н.А. Якубович // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. – М.; Кемерово, 1996. – С. 79-80.

[149]. Степанов, Р.Г., Максимов, Ю.А. Принцип презумпции невиновности и его интерпретация в основных отраслях российского права [Текст] / Р.Г. Степанов, Ю.А. Максимов // Ученые записки Санкт-

Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 4 (76). – С. 110–113.

[150]. Тарбагаева, Е.Б. Роль законных презумпций в процессе судебного доказывания и познания [Текст] / Е.Б. Тарбагаева // Правоведение. – 1982. – № 3. – С. 55-58.

[151]. Толкаченко, А.А. Типичные ошибки и недостатки следствия с точки зрения судов [Текст] / А.А. Толкаченко // Уголовный процесс. – 2014. – № 9. – С. 10-23.

[152]. Хмельницкая, О.Ю. Презумпция невиновности через призму профессионального правосознания следователя [Текст] / О.Ю. Хмельницкая // Современные реалии пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 6. – С. 272-277.

[153]. Хузина, Н.А. Реабилитация в аспекте принципа презумпции невиновности [Текст] / Н.А. Хузина // Евразийский форум. – 2011. – № 1 (3). – С. 81-84.

[154]. Шадрин, В.С. Осуществление презумпции невиновности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [Текст] / В.С. Шадрин // Российская юстиция. – 2016. – № 7. – С. 34-37.

[155]. Шатайлюк, Е.Е. Молчание обвиняемого в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и иностранных юрисдикций [Текст] / Е.Е. Шатайлюк // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – Вып. 3 (61). – С. 521-539.

[156]. Шаутаева Г.Х., Шаутаева Р.Х. Проблемные вопросы доказательственной оценки явки с повинной [Текст] / Г.Х. Шаутаева, Р.Х. Шаутаева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2015. – Т. 25. – Вып. 6. – С. 192-195.

[157]. Шаутаева, Г.Х. Явка с повинной как обвинительное доказательство: проблемы теории и практики [Текст] / Г.Х. Шаутаева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2018. – № 4. – С. 598-603.

[158]. Эльназаров, Д.Х. Конституционно-правовая природа обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан: проблемы и перспективы совершенствования законодательства [Текст] / Д.Х. Эльназаров // Конституция Республики Таджикистан: эволюция и перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической-конференции, посвященной 30-летию принятия Конституции Республики Таджикистан и объявлению Года правого просвещения (г. Душанбе, 2 ноября 2024 г.). – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – С. 111-119.

[159]. Ярковой, В.А. Процессуальное значение явки с повинной [Текст] / В.А. Ярковой // Законодательство и практика. – 2016. – № 2 (7). – С. 5-6.

[160]. Ярцев, Р.В. Явка с повинной как предмет судебной оценки при назначении наказания [Текст] / Р.В. Ярцев // Уголовный процесс. – 2008. – № 5. – С. 17-29.

V. Диссертации и авторефераты:

[161]. Абдрашитов, В.М. Презумпция невиновности: генезис и перспективы развития в законодательства и практике Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Абдрашитов Вагип Мнирович. – Волгоград, 2001. – 56 с.

[162]. Абдуллоев, П.С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Абдуллоев Парвиз Саъдуллоевич. – М., 2014. – 32 с.

[163]. Абдуллоева, М.К. Задержание лица по подозрению в совершении преступления [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Абдуллоева Мадина Камоловна. – Душанбе, 2023. – 225 с.

[164]. Абдуллозода, П.С. Теоретические и практические подходы к международному сотрудничеству в сфере уголовного процесса в постсоветских государствах [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Абдуллозода Парвиз Саъдулло. – Душанбе, 2023. – 581 с.

[165]. Азимзода, Ш. Дж. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования на стадии предварительного расследования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Азимзода Шухрат Джурамурод. – Волгоград, 2023. – 259 с.

[166]. Алиева, П.Х. Потерпевший в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алиева Парвина Хабибхоновна. – М., 2015. – 32 с.

[167]. Арипов, А.Л. Деятельность следователя по собиранию и проверке доказательств на предварительном следствии (по законодательству Республики Таджикистан) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Арипов Анвар Лутфиллоевич. – М., 2011. – 226 с.

[168]. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: специальность № 710 / Бабаев Владимир Константинович. – Свердловск, 1969. – 24 с.

[169]. Бардеев, К.А. пытки как уголовно-правовой феномен: компаративистское исследование [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Бардеев Константин Андреевич. – Краснодар, 2023. – 221 с.

[170]. Бахромов, И.А. Обвиняемый и обеспечение его права на защиту в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бахромов Искандар Абдурозикович. – М., 2014. – 151 с.

[171]. Бахромов, И.А. Обвиняемый и обеспечение его права на защиту в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бахромов Искандар Абдурозикович. – М., 2014. – 30 с.

[172]. Бирюков, А.В. Сущность, процессуальные формы и правовые последствия явки с повинной [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бирюков Андрей Владимирович. – М., 2000. – 192 с.

[173]. Блинков, А.П. Принципы состязательного и объективно-истинного уголовного процесса в деятельности следователя: сравнительный анализ

[Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Блинков Александр Павлович. – Волгоград, 2018 – 242 с.

[174]. Богатова, Е.В. Контрольно-надзорная деятельность за исполнением законов и ее эффективность в стадии возбуждения уголовного дела [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Богатова Екатерина Владимировна. – Саратов, 2016. – 26 с.

[175]. Васильев, Л.М. Теоретические и практические проблемы презумпции невиновности обвиняемого в уголовном судопроизводстве: по материалам зарубежной и отечественной практики [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Васильев Лари Михайлович. – Краснодар, 2005. – 313 с.

[176]. Воситов, Х.А. Цивилизационно-культурные основания институциональной защиты прав человека в Республике Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Воситов Хамзаали Абдувохитович. – М., 2019. – 28 с.

[177]. Гайдышева, М.Г. Правовое регулирование обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при применении мер уголовно-процессуального принуждения [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гайдышева Марина Геннадьевна. – Калининград, 2005. – 32 с.

[178]. Гринюк, Е.Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гринюк Елена Николаевна. – Волгоград, 2018. – 280 с.

[179]. Диноршоев, А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан [Текст]: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.02 / Диноршоев Азиз Мусоевич. – М., 2015. – 535 с.

[180]. Дрягин, М.А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Дрягин Михаил Александрович. – Иркутск, 2004. – 210 с.

[181]. Золотарь, Е.В. Актуальные вопросы применения заключения под стражу в качестве меры пресечения [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Золотарь Ефим Валериевич. – М., 2006. – 18 с.

[182]. Иброхимзода, И.С. Полномочия прокурора в судебных стадиях уголовного процесса Республики Таджикистан: вопросы теории, законодательного регулирования и практики [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иброхимзода Иброхимджон Солах. – Душанбе, 2022. – 186 с.

[183]. Искандаров, З.Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе РТ [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Искандаров Зайниддин Хамидович. – Ташкент, 2010. – 25 с.

[184]. Искандаров, З.Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Искандаров Зайниддин Хамидович. – Ташкент, 2010. – 450 с.

[185]. Каландаришвили, Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Каландаришвили Христина Александровна. – Иркутск, 2021. – 204 с.

[186]. Каландаришвили, Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Каландаришвили Христина Александровна. – Иркутск, 2021. – 32 с.

[187]. Каранина, Н.С. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Каранина Наталья Сергеевна. – М., 2006. – 164 с.

[188]. Касумов, Ч.С. Презумпция невиновности в теории и практике советского уголовного судопроизводства [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Касумов Чингиз Сабир оглы. – М., 1980. – 16 с.

[189]. Кахоров, Н.М. Основы состязательности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: теоретико-правовой аспект [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кахоров Насимджон Мазбутович. – Бишкек, 2019. – 165 с.

[190]. Классен, М.А. Явка с повинной в уголовном судопроизводстве России [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Классен Максим Александрович. – Челябинск, 2012. – 202 с.

[191]. Кобилов, Б.К. Применение судом мер пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кобилов Ботурходжа Кобилходжаевич. – Душанбе, 2021. – 345 с.

[192]. Кобилов, Б.К. Применение судом мер пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кобилов Ботурходжа Кобилходжаевич. – Душанбе, 2021. – 47 с.

[193]. Крашенинников, С.В. Правовые презумпции на стадии предварительного расследования [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Крашенинников Сергей Владимирович. – М., 2010. – 150 с.

[194]. Крымов, А.А. Правовые презумпции в уголовном процессе [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Крымов Александр Александрович. – М., 1999. – 214 с.

[195]. Кутуев, Э.К. Заключение под стражу и содержание под стражей: состояние, проблемы, перспективы [Текст]: дис. ... канд. юрид., наук: 12.00.09 / Кутуев Эльдар Кяримович. – Санкт-Петербург, 1999. – 179 с.

[196]. Либус, И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Либус Изя Аронович. – Ташкент, 1983. – 41 с.

[197]. Мадвализода, К.М. Доказывание в уголовном судопроизводстве: теоретические вопросы, правовое регулирование и практические проблемы [Текст]: дис. ... канд. юрид наук: 12.00.09 / Мадвализода Комёр Мадвали. – Душанбе, 2024. – 226 с.

[198]. Мажинян, Д.Р. Презумпция невиновности и гарантии ее существования в советском уголовном судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мажинян Джемма Рафаеловна. – М., 1983. – 168 с.

[199]. Тошев, А.М. Эволюция правового статуса личности в Республике Таджикистан: историко-правовое исследование [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тошев Амиршоҳ Мансурович. – М., 2014. – 28 с.

[200]. Морквин, В.А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.09 / Морквин Виталий Алексеевич. – Тюмень, 2008. – 243 с.

[201]. Мубораккадамов, А.Н. Организация международного розыска органами внутренних дел Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мубораккадамов Абдурахмон Назархонович. – М., 2008. – 227 с.

[202]. Мурашкин, И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мурашкин Игорь Юрьевич. – Омск, 2014. – 220 с.

[203]. Мухитдинов, А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мухитдинов Алишер Абдувахидович. – Ташкент, 2009. – 171 с.

[204]. Насурдинов, Э.С. Проблемы формирования правовой культуры в условиях становления демократического государства в Таджикистане [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Насурдинов Эмом Сайфудинович. – Душанбе, 2008. – 188 с.

[205]. Нгуен, Т.Л. Реализация принципа презумпции невиновности на стадии предварительного расследования в уголовном процессе Вьетнама [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нгуен Тхань Лонг. – М., 2016. – 174 с.

[206]. Негматов, Б.С. Упрощенный порядок производства судебного следствия в уголовном процессе [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Негматов Баходур Сафарович. – Душанбе, 2023. – 210 с.

[207]. Нозиров, Н.А. Охрана прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовному делу [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нозиров Накиб Алиевич. – М., 2006. – 35 с.

[208]. Одинаев, И.А. Уголовно-процессуальное задержание в досудебном производстве Республики Таджикистан и Российской Федерации [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Одинаев Исфандиёр Ахмадович. – СПб., 2019. – 203 с.

[209]. Панькина И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Панькина Инга Юрьевна. – Калининград, 2001. – 216 с.

[210]. Печников, Г.А. Принцип презумпции невиновности и проблемы повышения качества предварительного следствия [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Печников Геннадий Алексеевич. – М., 1987. – 190 с.

[211]. Печников, Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Печников Геннадий Алексеевич. – Волгоград, 2005. – 48 с.

[212]. Печников, Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Печников Геннадий Алексеевич. – Волгоград, 2007. – 462 с.

[213]. Панькина, А.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Панькина Инга Юрьевна. – Калининград, 2001. – 216 с.

[214]. Раджабов, С.Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Раджабов Султон Раджабович. – Душанбе, 1967. – 408 с.

[215]. Рахимзода, М.С. Государственная защита участников уголовного процесса: состояние правового регулирования, практика и перспективы его развития [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рахимзода Муъмин Сайфулло. – Душанбе, 2020. – 32 с.

[216]. Рахимов, Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Республики Таджикистан по борьбе с экономическими преступлениями в кредитно-финансовой системе [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рахимов Рамазон Хамроевич. – М., 2005. – 287 с.

[217]. Рахмаджонзода, Р.Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон. – Душанбе, 2022. – 984 с.

[218]. Саидов, З.А. Исторические особенности действия норм шариата в Бухарском Эмирате: 1868-1920 гг. [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Саидов Зикирулло Алиевич. – М., 2006. – 187 с.

[219]. Самиев, Н.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Самиев Назар Мурадович. – М., 2017. – 221 с.

[220]. Сафаров, И.Д. Правовая система государства Саманидов (IX-X вв.) [Текст]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сафаров Иномджон Давронджонович. – Душанбе, 1998. – 195 с.

[221]. Смирнов, А.В. Типология уголовного судопроизводства [Текст]: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Смирнов Александр Витальевич. – М., 2001. – 348 с.

[222]. Соболев, И.В. Заключение под стражу в досудебном производстве по уголовному делу [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид наук: 12.00.09 / Соболев Игорь Владимирович. – М., 2009. – 28 с.

[223]. Баев, М.О. Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России (теория и практика) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Баев Максим Олегович. – Воронеж, 2005. – 401 с.

[224]. Тохирзода, О.Т. Производство по уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской

Федерации) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Тохирзода Олимджон Тохир. – М., 2024. – 22 с.

[225]. Франк, Л.В. Задержание и арест подозреваемого в советском уголовном процессе: (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Франк Лев Вольфович. – Душанбе, 1963. – 236 с.

[226]. Хайруллоев, Ф.С. Принцип справедливости в мусульманском праве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хайруллоев Фаррух Сайфуллоевич. – М., 2007. – 22 с.

[227]. Хасанбоев, А.Х. Особенности надзорного производства в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хасанбоев Абдимуким Хасанжонович. – М., 2014. – 138 с.

[228]. Хошимов, Х.Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел: по материалам Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хошимов Хошим Джумаевич. – М., 2009. – 180 с.

[229]. Чобанян, Р.С. Попытки: уголовно-правовые и криминалистические исследования [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Чобанян Рубен Степанович. – М., 2007. – 30 с.

[230]. Шахкелдов, Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Шахкелдов Фридрих Григорьевич. – Ростов-на-Дону, 2006. – 39 с.

[231]. Шерализода, М.Ш. Принцип презумпции невиновности: теоретико-правовые основы и обеспечение его реализации в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шерализода Мирали Шерали. – Душанбе, 2024. – 31 с.

[232]. Шерализода, М.Ш. Принцип презумпции невиновности: теоретико-правовые и обеспечение его реализации в уголовном процессе Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шерализода Мирали Шерали. – Душанбе, 2024. – 200 с.

[233]. Шумский, Г.А. Презумпция невиновности и обязанность доказывания на предварительном следствии [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шумский Геннадий Анатольевич. – М., 2000. – 170 с.

[234]. Эсаулов, С.В. Реализация принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Эсаулов Сергей Васильевич. – М., 2013. – 24 с.

VI. Электронные ресурсы:

[235]. Афанасьев, А.Г. Протокол явки с повинной – как доказательство/ А.Г. Афанасьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravorub.ru/articles/46524.html> (дата обращения: 25.04.2025).

[236]. Вести. Дежурная часть от 10.04.19 На первом, в 6:30 секунд. (видеоролик на канале Россия-24) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=R2Wd74ecI4Ql> (дата обращения: 25.04.2025).

[237]. Встреча Лидера нации, Президента РТ Эмомали Рахмона с представителями судейского органа страны от 05.12.2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/2024/12/suhanronii-prezidenti-um-urii-to-ikiston-peshvoi-millat-emomal-ra-mon-dar-mulo-ot-bo-kormandoni-ma-omoti-sud/?ysclid=m6vqx7hfta426379138> (дата обращения: 10.05.2025).

[238]. Встреча Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента РТ Эмомали Рахмона с работниками органов Прокуратуры от 13.03.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/node/17254> (дата обращения: 10.05.2025).

[239]. Ефименко, Н.А. Статья 51 Конституции РФ в уголовном судопроизводстве (апелляционный отдел) / Н.А. Ефименко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/legal_education/explain?item=74993106 (дата обращения: 21.01.2025 г.).

[240]. Законопроект «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу № 440058-6. Внесен депутатом Государственной Думы А.А. Ремезковым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=114660#06772495582100932> (дата обращения: 08.01.2025).

[241]. Захаров, В.А. Некоторые проблемы назначения и реализации уголовного наказания в виде смертной казни в современной России / В.А. Захаров // Концепт. – 2014. – № 10 (октябрь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14290.htm> (дата обращения: 06.01.2025).

[242]. Ислам. Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 21.01.2025).

[243]. История возникновения и развития презумпции невиновности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/603610/pravo/istoriya_vozniknoveniya_razvitiya_prezumpsii_nevinovnosti (дата обращения: 21.01.2025).

[244]. Коротков, В.А. Обвинительный уклон / В.А. Коротков // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/02/03/istina.html> (дата обращения: 26.01.2025).

[245]. Красноперова, А., Чайка, Ю. В РФ доля оправдательных приговоров больше, чем в США (на самом деле — нет) / А. Красноперова, Ю. Чайка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theins.ru/antifake/43413> (дата обращения: 25.01.2025)

[246]. Криминалистические идеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/353736/chezare-bekkaria-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah-stanovlenie-ugolovnoy-politiki-v--m-veke> (дата обращения: 18.01.2025).

[247]. Криминальная программа Набз МВД Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/vO6-SwaQIck> (дата обращения: 08.02.2025).

[248]. Методика Рида и получение признания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kraynov.com/2017/05/07/reid-technique-and-confessions> (дата обращения: 28.05.2025).

[249]. Независимый глобальный ислам. Умма и её роль в жизни мусульман. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://islam.global/obshchestvo/istoriya/umma-i-eye-rol-v-zhizni-musulman/> (дата обращения: 21.01.2025).

[250]. Ответ В.В. Путина на вопрос американского журналиста Кир Симмонса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com> (дата обращения: 07.01.2025).

[251]. Платтагенет Иоанн – Великая Хартия Вольностей (Magna Carta). – М.: Изд-во «М. и С. Сабашниковых», 1915 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 28.05.2025).

[252]. Предложения Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «О компетенции и порядке формировании института следственных судей в РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president-sovet.ru> (дата обращения: 08.01.2025).

[253]. Презумпция вины. Глобальные злоупотребления предварительным заключением. Краткий обзор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1732028754&tld=ru&lang=ru&nam> (дата обращения: 19.01.2025).

[254]. Презумпция невиновности в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_62/activity/legal-education/explain?item=62858169 (дата обращения: 24.02.2025).

[255]. Пресс-конференция Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан от 8 августа 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://prokuratura.tj/news-tj/2664-alasai-sh-roi-am-agii-fa-oliyati-ma-omoti-ifzi-u-u-i-um-urii-to-ikiston-4.html> (дата обращения: 09.08.2025).

[256]. Признательные показания и самооговор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pershickow.ru/priznatelnye-pokazaniya-i-samoogovor> (дата обращения: 19.01.2025).

[257]. Проект Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (ред. от 29.01.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.07.2025).

[258]. Что сказал прокурор, то и будет [видеозапись] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FqbwMdfUxLI> (дата обращения: 23.04.2025).

[259]. Рудина, Е. Диспозитивность / Е. Рудина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.baniki.ru/wikibank/dispozitivnost/?ysclid=m2lnlr4ilt981134097> (дата обращения: 19.01.2025).

[260]. Саркисов, В.И. Отказ от дачи показаний: к каким последствиям он приведет / В.И. Саркисов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advo24.ru/publication/otkaz-ot-dachi-pokazaniy-k-kakim-posledstviyam-on-privedet.html> (дата обращения: 21.01.2025).

[261]. Слабое звено: почему люди признаются в преступлениях, которые не совершали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://info24.ru/news/innocent-crime.html> (дата обращения: 25.04.2025).

[262]. Смирнов, Г.К. Следственные судьи и объективная истина в уголовном процессе / Г.К. Смирнов // Программа «Правила». Следственные судьи и объективная истина в уголовном процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cVtPO6z0dhE> (дата обращения: 01.01.2025).

[263]. Ступникова, Е.А. Явка с повинной: теория и практика / Е.А. Ступникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advokat->

stupnikova.r_u/ugolov_noe-pravo/87-yavka-s_povinnoj-teoriya-i-praktika.html

(дата обращения: 18.04.2025).

[264]. Сунан Ибн Маджах. 1. Книга очищения и ее практики / сунан/. Хадисы № № 267-666 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hadis.uk/1-kniga-ochishheniya-i-ee-praktikisunan/3194/> (дата обращения: 21.01.2025).

[265]. Текст сборника законов Хаммурапи в переводе Тураева Б.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/3590> (дата обращения: 08.01.2025).

[266]. Ammianus Marcellinus. With an English Translation. Cambridge. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd. 1940. L. XVIII; p. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/classical-review/article/loeb-ammianus-ammianus-marcellinus-> (дата обращения: 20.01.2025).

VII. Судебная практика:

[267]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности» («с изм. и доп. от 16 июня 2015 г. № 73).

[268]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О судебном решении» от 24 апреля 1998 г. № 1.

[269]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О судебной практике по делам об убийствах» (с изм. от 23 ноября 2012 г. № 26).

[270]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по противодействию пыткам» от 12.06.2012 г. № 1 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография «ОФСЕТ», 2023. – 510 с.

[271]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О практике применения судами законодательства, связанного с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, изменения и продления срока содержания под стражей и домашним арестом» от 14 июня 2013 г. № 6.

[272]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О судебном приговоре» от 24 декабря 2010 г. № 33.

[273]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О судебной практике рассмотрения дел о бандитизме» от 23 ноября 2012 г. № 15.

[274]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан №20 о «О судебной практике по делам о хулиганстве» от 10 июня 2009 г. № 20 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография «ОФСЕТ», 2023. – 510 с.

[275]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О судебной практике рассмотрения дел о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, а также горючих смесей и легковоспламеняющихся веществ, применяемых или приспособленных для использования в качестве оружия, а также иного смертоносного устройства и пиротехнических изделий» от 23 ноября 2012 г. № 38 (с изм. от 14 июня 2013 г. № 7).

[276]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О практике применения судами законодательства, регулирующего возвращение уголовного дела для дополнительного расследования» от 23 декабря 2011 г. № 13 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография «ОФСЕТ», 2023. – 510 с.

[277]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» от 16 ноября 2009 г.

№ 19 // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. – М.: Проспект, 2019. – 784 с.

[278]. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrf.ru/documents/newsletters/?year=2019> (дата обращения: 01.04.2025).

[279]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.01.2025).

[280]. Постановление Европейского суда по правам человека от 21.02.2017 г. «Дело «Овакимян (Ovakimyan) против РФ» (жалоба № 52796/08) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 04.01.2025).

[281]. Постановление Европейского суда по правам человека от 26.01.2017 г. «Дело «Хамидкариев (Khamidkariyev) против РФ» (жалоба № 42332/14) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.01.2025).

[282]. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264/ (дата обращения: 04.01.2025).

[283]. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2006 г. Дело № 50-о06-20, на приговор Омского областного суда от 28 апреля 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudbiblioteka.ru> (дата обращения: 01.04.2025).

[284]. Гридин против России (Gridin v. Russia): Постановление Европейского суда по правам человека от 01 июня 2006 г. (жалоба № 4171/04) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902156441> (дата обращения: 11.02.2025)

[285]. Миранда против Аризоны – историческое дело, рассмотренное Верховным Судом Соединённых Штатов Америки, с 28 февраля по 1 марта 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mirznanii.com/a/347160/miranda-protiv-arizony> (дата обращения: 22.01.2025).

[286]. Письмо председателю Верховного Суда Республики Таджикистан «Об изучении уголовных дел в архивах районных судов города Душанбе» от 08.01.2019 г., подписанное первым заместителем председателя Верховного Суда РТ Ашурзода А.А., от 12.01.2019 г. № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud.tj/> (дата обращения: 04.01.2025).

[287]. Решение Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О практике применения судами законодательства по делам о хулиганстве» от 26 сентября 2009 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография «ОФСЕТ», 2023. – 510 с.

[288] Решение районного суда Фирдавси г. Душанбе о направлении уголовного дела в отношении Максудова Ч.Ш. на дополнительное расследование от 22.02.2016 г. // Архив районного суда Фирдавси г. Душанбе.

[289]. Решения районного суда о направлении уголовных дел на дополнительное расследование: в отношении гражданина С. от 18 января 2018 г., в отношении гражданина А. от 30.01.2018 г., гражданина М. от 13 декабря 2017 г., граждан П. и Н. от 20 марта 2011 г. (номера уголовных дел и данные лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, законом РТ «О государственной тайне» запрещается размещать в открытом доступе).

[290]. Решение Суда города Душанбе по жалобе подсудимого и его защитника по уголовному делу в отношении подсудимого Худоидодова А. от 14.01.2018 г. // Архив Суда района Фирдавси г. Душанбе.

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

I. Статьи, опубликованные в рецензируемых и рекомендованных ВАК при Президенте Республики Таджикистан журналах:

[1-A]. Садоншоев, Д. Сравнительно-правовой анализ понятия принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан [Текст] / Д. Садоншоев // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 1 (37). – С. 151-155. ISSN 2412-141X.

[2-A]. Садоншоев, Д. Принцип презумпции невиновности в состязательной и объективно-истинной моделях уголовного процесса [Текст] / Д. Садоншоев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С.132-136. ISSN 2074-8183.

[3-A]. Урфонзода, Д.С. Реализация принципа презумпции невиновности в практической деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан [Текст] / Д.С. Урфонзода // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49). – С. 161-166. ISSN 2074-8183.

[4-A]. Урфонзода Д.С. Правовое сознание следователя в реализации принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса [Текст] / Д.С. Урфонзода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2025. – № 2 (66). – С. 187-197. ISSN 2412-141X.

II. Научные статьи, опубликованные в сборниках и других научно-практических изданиях:

[5-A]. Садоншоев, Д. История возникновения принципа презумпции невиновности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан [Текст] / Д. Садоншоев // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. 26-27 октября 2017 г., Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные, криминалистические и

организационные аспекты расследования дорожно-транспортных преступлений» 26 апреля 2018 г. / сост. С.А. Янин; ред. кол.: Янин С.А., Шувалов Д.Н. – Волгоград: ООО «Бланк», 2018. – С. 310-316.

[6-А]. Садоншоев, Д. Принципы в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан [Текст] / Д. Садоншоев // Уголовное право и уголовный закон: теория и практика: сборник научных статей Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г.) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Тюнина. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С. 226-230.

[7-А]. Садоншоев, Д. Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе [Текст] / Д. Садоншоев // Предварительное расследование и перспективы его развития: материалы Международной научно-практической конференции (г. Душанбе, 07 апреля 2018 г.) // под ред. к. ю. н., доцента Р.Ф. Шарифзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2018. – С. 191-193.

[8-А]. Урфонзода, Д.С. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре»: президиум презумпции невиновности [Текст] / Д.С. Урфонзода // Развитие юридической науки в современных условиях: теория и практика: материалы VI Международной научно-практической конференции (Душанбе, 31 октября 2018 г.). – Душанбе: РТСУ, 2018. – С. 517-520.

[9-А]. Урфонзода, Д.С. К вопросу об общем и различном в наименовании принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан [Текст] / Д.С. Урфонзода // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г.) / сост. Э.Х. Мамедов. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 374-379.

[10-А]. Урфонзода, Д.С. Принцип презумпции невиновности в состязательной и объективно-истинной концепции (модели) уголовного

процесса (с анализом УПК Российской Федерации и Республики Таджикистан) [Текст] / Д.С. Урфонзода // Правовое обеспечение национальной безопасности: тез. докл. XXII Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (г. Волгоград, 21-24 ноября 2017 г.). – Волгоград: ВА МВД России, 2018. – С. 23-27.

[11-A]. Урфонзода, Д.С. Роль защитника в реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан [Текст] / Д.С. Урфонзода // Аубакировские чтения: сборник материалов Междунар. науч-практ. конф. (Алматы, 19 февраля 2019 г.) / под общ. ред. Ж.Р. Дильбарханова, Е.М. Бимолданова, А.А. Аубакирова, А.Г. Кан. – Алматы: МВД Республики Казахстан, 2019. – С. 212-214.

[12-A]. Урфонзода, Д.С. Принцип презумпции невиновности в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан и сравнение ее положения со статьей 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, принятой Генеральной Ассамблеей ООН [Текст] / Д.С. Урфонзода // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы VI Международной научно-практической конференции (Душанбе, 26 апреля 2019 г.). – Душанбе: РТСУ, 2019. – С. 853-855.

[13-A]. Урфонзода, Д.С. Принцип презумпции невиновности в стадии предварительного расследования Республики Таджикистан [Текст] / Д.С. Урфонзода // Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Душанбе, 30 октября 2020 г.). – Душанбе: РТСУ, 2020. – С. 470-473.

[14-A]. Урфонзода, Д.С. Презумпция невиновности и цель уголовного судопроизводства в уголовном процессе [Текст] / Д.С. Урфонзода // Юридическая наука и практика: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, посвященной Дню таджикской науки (г. Душанбе, 29 апреля 2022 г.) // под ред. д. ю. н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2022. – С. 315-319.

[15-A]. Урфонзода, Д.С. Презумпция невиновности и обеспечение права на защиту [Текст] / Д.С. Урфонзода // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы X Международной научно-практической конференции (Душанбе, 28 апреля 2023 г.). – Душанбе: РТСУ, 2023. – С. 589-592.

[16-A]. Урфонзода, Д.С. Формирование принципа презумпции невиновности в Конституции и отраслевом законодательстве Республики Таджикистан [Текст] / Д.С. Урфонзода // Конституция Республики Таджикистан: эволюция и перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 30-летию принятия Конституции Республики Таджикистан и объявлению Года правового просвещения (г. Душанбе, 2 ноября 2024 г.) / под ред. А.П. Насуриёна. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – С. 306-308.

[17-A]. Урфонзода, Д.С. Роль принципа презумпции невиновности при вынесении приговора [Текст] / Д.С. Урфонзода // 15-летие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Душанбе, 03 декабря 2024 г. // под ред. к. ю. н., генерал-майора милиции П.А. Насуриёна, д. ю. н., доцента Р.Р. Рахмаджонзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2025. – С. 316-318.

АНКЕТА
для опроса прокуроров, следователей и дознавателей

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что со стороны специалистов факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан проводится научно-практическое исследование по проблемам реализации принципа презумпции невиновности в досудебных стадиях уголовного процесса.

С нашей стороны представляются ряд вопросов, на которые необходимо ответить, высказать свое мнение или подчеркнуть. Есть возможность подчеркнуть один или два предложенных варианта ответа.

Анализ анкет и их дальнейшее использование будут характеризованы как научно-практические рекомендации.

1.	Укажите Ваше место работы
2.	Каков стаж Вашей работы?
	а) до 3 лет
	б) до 10 лет
	в) до 20 лет
3.	В ходе предварительного расследования чему следует уделять больше внимания: требованиям закона или практическому опыту?
	а) практическому опыту
	б) требованиям закона
	в) затрудняюсь ответить
4.	Является ли верным утверждение, что объективная истина установлена только в том случае, если преступление раскрыто достоверно, виновные привлечены к ответственности, с невиновных сняты подозрения и обвинения?
	а) согласен
	б) не согласен
	в) затрудняюсь ответить
5.	Согласно ч. 2 ст. 15 УПК Таджикистана на стороне обвинения лежит бремя доказывания и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого. Как Вы считаете, должен ли в таком случае обвиняемый или сторона защиты выявлять обстоятельства, оправдывающие его, в то время как сторона обвинения не имеет такой обязанности в рамках состязательного процесса?
	а) да, согласен
	б) не согласен
	в) затрудняюсь ответить
6.	Считаете, что в РТ презумпция невиновности распространяется на всех участников уголовного процесса?

	а) не считаю
	б) да, считаю
	в) затрудняюсь ответить
7.	Считаете ли Вы равными понятия «мнение», «предположение», «версия следователя, судьи» и «объективная истина»?
	а) нет
	б) да
	в) затрудняюсь ответить
8.	Как Вы считаете, обязан ли обвиняемый давать показания против себя, или это его право, которым он может воспользоваться по своему усмотрению?
	а) нет
	б) да
	в) затрудняюсь ответить
9.	Обязан ли следователь разъяснить обвиняемому право не свидетельствовать против себя и предупредить о возможности использования его показаний против него?
	а) обязан
	б) не обязан
	в) затрудняюсь ответить
10.	Достаточно ли подтвердить версию следователя необходимыми доказательствами для получения истины, или же необходимо провести всестороннее и объективное исследование материалов дела?
	а) достаточно
	б) недостаточно
	в) затрудняюсь ответить
11.	Является ли истиной утверждение, что в состязательном процессе уголовного судопроизводства процесс выигрывает только сильнейший?
	а) согласен
	б) не согласен
	в) затрудняюсь ответить
12.	Что, по Вашему мнению, является приоритетом в уголовном процессе: раскрытие преступления или привлечение к ответственности виновного лица?
	а) раскрытие преступления
	б) привлечение к ответственности виновного лица
	в) затрудняюсь ответить
13.	Возможно ли установление истины по уголовному делу через проведение всестороннего и полного объективного исследования обстоятельств дела?
	а) да
	б) нет
	в) затрудняюсь ответить
14.	Следует ли Вы в своей повседневной работе принципу презумпции

	невиновности?
	а) да
	б) нет
	в) затрудняюсь ответить
15.	Обязан ли следователь при привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого собирать не только доказательства, подтверждающие обвинение, но и доказательства, оправдывающие обвиняемого?
	а) доказательства, подтверждающие обвинение
	б) доказательства, оправдывающие обвиняемого
	в) затрудняюсь ответить
16.	Если лицо явится с повинной, считаете ли Вы его виновным в совершении данного преступления?
	а) да
	б) нет
	в) затрудняюсь ответить
17.	Считаете ли Вы «явку с повинной» и «признание вины» составной частью поединка сторон, которая расценивается как поражение стороны защиты в состязании (правовом споре) со стороной обвинения?
	а) да, именно так считаю
	б) не согласен
	в) затрудняюсь ответить
18.	Возможно ли собирать все необходимые доказательства и раскрывать преступления без неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства?
	а) да, возможно;
	б) не всегда возможно;
	в) затрудняюсь ответить
19.	Считаете ли Вы возможным оправдать применение незаконных методов расследования, даже если это необходимо для раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, таких как убийство, терроризм и экстремизм?
	а) возможно, если нет другого варианта
	б) нет, это недопустимо
	в) затрудняюсь ответить
20.	В какой степени, по Вашему мнению, опыт следователя влияет на ход и эффективность уголовного расследования?
	а) очень важен для эффективного расследования
	б) нет, не имеет значения для расследования
	в) затрудняюсь ответить
21.	Какие действия, по Вашему мнению, должен предпринять следователь в случае, если вина лица в совершении преступления не была доказана?
	а) прекратить уголовное дело и перестать преследовать лицо
	б) прекратить уголовное дело и принять все реабилитационные меры
	в) затрудняюсь ответить

22.	Можно ли вносить в базы данных ГИАЦ МВД сведения о лице, в отношении которого возбуждено уголовное дело, до вступления в силу обвинительного приговора?
	а) да, можно вносить в базы данных ГИАЦ МВД для контроля
	б) нет, до вступления обвинительного приговора в законную силу нельзя вносить в базы данных ГИАЦ МВД
	в) затрудняюсь ответить
23.	Допустима ли публикация в СМИ информации об обвиняемом, содержащей обвинения, до вступления приговора в силу?
	а) да, если это необходимо
	б) нет, это противоречит принципу презумпции невиновности
	в) затрудняюсь ответить

**Итоги анкетирования следователей, проведенного в 2023-2025 гг.
в г. Душанбе, Согдийской области и Генеральной прокуратуре
Республики Таджикистан**

№	Варианты ответа	Душанбе (130 человек)	Согдийская область (80 человек)	Генпрокуратура РТ (40 человек)	Итого (250 человек)	%
1.	Укажите Ваше место работы					
	Следственные органы Таджикистана	130	80	40	250	100
2.	Каков стаж Вашей работы?					
	а) до 3 лет	20	25	7	52	20,8 %
	б) до 10 лет	70	35	23	128	51,2 %
	в) до 20 лет	40	20	10	70	28
3.	В ходе предварительного расследования чему следует уделять больше внимания: требованиям закона или практическому опыту?					
	а) практическому опыту	48	37	20	105	42 %
	б) требованиям закона	56	46	17	119	47,6 %
	в) затрудняюсь ответить	16	7	3	26	10,4 %
4.	Является ли верным утверждение, что объективная истина установлена только в том случае, если преступление раскрыто достоверно, виновные привлечены к ответственности, с невиновных сняты подозрения и обвинения?					
	а) согласен	90	50	31	171	68,4 %
	б) не согласен	35	27	7	69	27,6 %
	в) затрудняюсь ответить	5	3	2	10	4 %
5.	Согласно ч. 2 ст. 15 УПК Таджикистана на стороне обвинения лежит бремя доказывания и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого. Как Вы считаете, должен ли в таком случае обвиняемый или сторона защиты выявлять обстоятельства, оправдывающие его, в то время как сторона обвинения не имеет такой обязанности в рамках состязательного процесса?					
	а) да, согласен	80	45	31	156	62,4 %
	б) не согласен	35	25	7	67	26,8 %
	в) затрудняюсь ответить	15	10	2	27	10,8 %
6.	Считаете, что в РТ презумпция невиновности распространяется на всех участников уголовного процесса?					
	а) не считаю	95	50	33	178	71,2 %
	б) да, считаю	25	25	4	54	21,6 %

	в) затрудняюсь ответить	10	5	3	18	7,2 %
7.	Считаете ли Вы равными понятия «мнение», «предположение», «версия следователя, судьи» и «объективная истина»?					
	а) нет	70	49	20	139	55,6 %
	б) да	45	24	15	84	33,6 %
	в) затрудняюсь ответить	15	7	5	27	10,8 %
8.	Как Вы считаете, обязан ли обвиняемый давать показания против себя, или это его право, которым он может воспользоваться по своему усмотрению?					
	а) нет	70	44	23	137	54,8 %
	б) да	49	27	13	89	35,6 %
	в) затрудняюсь ответить	11	9	4	24	9,6 %
9.	Обязан ли следователь разъяснить обвиняемому право не свидетельствовать против себя и предупредить о возможности использования его показаний против него?					
	а) обязан	30	13	14	57	22,8 %
	б) не обязан	95	48	22	165	66 %
	в) затрудняюсь ответить	5	19	4	28	11,2 %
10.	Достаточно ли подтвердить версию следователя необходимыми доказательствами для получения истины, или же необходимо провести всестороннее и объективное исследование материалов дела?					
	а) достаточно	80	57	24	161	64,4 %
	б) недостаточно	26	11	9	46	18,4 %
	в) затрудняюсь ответить	24	12	7	43	17,2 %
11.	Является ли истиной утверждение, что в состязательном процессе уголовного судопроизводства процесс выигрывает только сильнейший?					
	а) согласен	103	60	24	187	74,8 %
	б) не согласен	17	12	9	38	15,2 %
	в) затрудняюсь ответить	10	8	7	25	10 %
12.	Что, по Вашему мнению, является приоритетом в уголовном процессе: раскрытие преступления или привлечение к ответственности виновного лица?					
	а) раскрытие преступления	68	55	27	150	60 %
	б) привлечение к ответственности виновного лица	50	17	10	77	30,8 %
	в) затрудняюсь ответить	12	8	3	23	9,2 %
13.	Возможно ли установление истины по уголовному делу через проведение всестороннего и полного объективного исследования обстоятельств дела?					
	а) да	90	53	31	174	69,6 %
	б) нет	23	17	8	48	19,2 %
	в) затрудняюсь ответить	17	10	1	28	11,2 %

14.	Следуете ли Вы в своей повседневной работе принципу презумпции невиновности?					
	а) да	80	56	23	159	63,6 %
	б) нет	23	15	10	48	19,2 %
	в) затрудняюсь ответить	27	9	7	43	17,2 %
15.	Обязан ли следователь при привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого собирать не только доказательства, подтверждающие обвинение, но и доказательства, оправдывающие обвиняемого?					
	а) доказательства, подтверждающие обвинение	88	56	29	173	69,2 %
	б) доказательства, оправдывающие обвиняемого	23	15	8	46	18,4 %
	в) затрудняюсь ответить	19	9	3	31	12,4 %
16.	Если лицо явится с повинной, считаете ли Вы его виновным в совершении данного преступления?					
	а) да	34	33	14	81	32,4 %
	б) нет	79	41	23	143	57,2 %
	в) затрудняюсь ответить	17	6	3	26	10,4 %
17.	Считаете ли Вы «явку с повинной» и «признание вины» составной частью поединка сторон, которая расценивается как поражение стороны защиты в состязании (правовом споре) со стороной обвинения?					
	а) да, именно так считаю	79	41	23	143	57,2 %
	б) не согласен	34	33	14	81	32,4 %
	в) затрудняюсь ответить	17	6	3	26	10,4 %
18.	Возможно ли собирать все необходимые доказательства и раскрывать преступления без неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства?					
	а) да, возможно;	66	38	19	123	49,2 %
	б) не всегда возможно;	62	37	17	116	46,4 %
	в) затрудняюсь ответить	2	5	4	11	4,4 %
19.	Считаете ли Вы возможным оправдать применение незаконных методов расследования, даже если это необходимо для раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, таких как убийство, терроризм и экстремизм?					
	а) возможно, если нет другого варианта	50	23	15	88	35,2 %
	б) нет, это недопустимо	67	49	20	136	54,4 %
	в) затрудняюсь ответить	17	6	3	26	10,4 %
20.	В какой степени, по Вашему мнению, опыт следователя влияет на ход и эффективность уголовного расследования?					

	а) очень важен для эффективного расследования	80	57	24	161	64,4 %
	б) нет, не имеет значения для расследования	26	11	9	46	18,4 %
	в) затрудняюсь ответить	24	12	7	43	17,2 %
21.	Какие действия, по Вашему мнению, должен предпринять следователь в случае, если вина лица в совершении преступления не была доказана?					
	а) прекратить уголовное дело и перестать преследовать лицо	90	53	31	174	69,6 %
	б) прекратить уголовное дело и принять все реабилитационные меры	23	17	8	48	19,2 %
	в) затрудняюсь ответить	17	10	1	28	11,2 %
22.	Можно ли вносить в базы данных ГИАЦ МВД сведения о лице, в отношении которого возбуждено уголовное дело, до вступления в силу обвинительного приговора?					
	а) да, можно вносить в базы данных ГИАЦ МВД для контроля	88	56	29	173	69,2 %
	б) нет, до вступления обвинительного приговора в законную силу нельзя вносить в базы данных ГИАЦ МВД	23	15	8	46	18,4 %
	в) затрудняюсь ответить	19	9	3	31	12,4 %
23.	Допустима ли публикация в СМИ информации об обвиняемом, содержащей обвинения, до вступления приговора в силу?					
	а) да, если это необходимо	79	41	23	143	57,2 %
	б) нет, это противоречит принципу презумпции невиновности	34	33	14	81	32,4 %
	в) затрудняюсь ответить	17	6	3	26	10,4 %